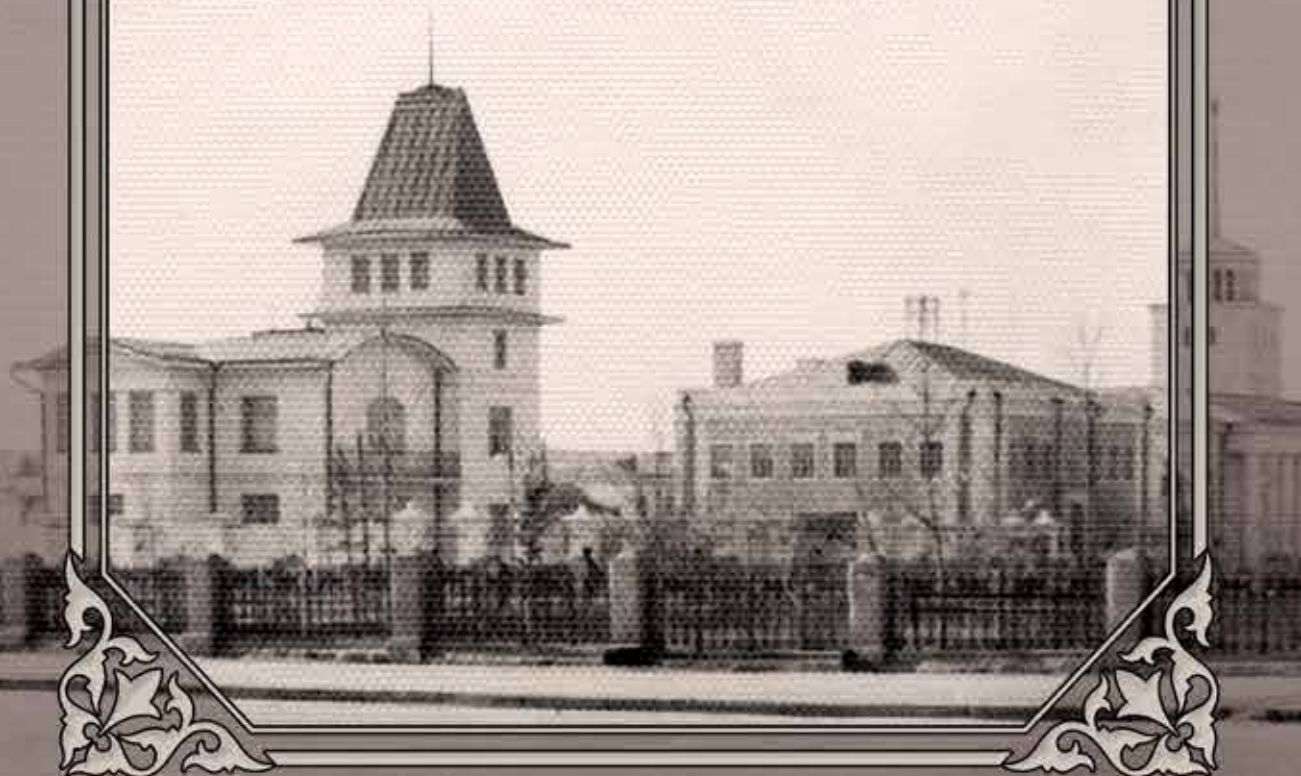

МОНГОЛИЯ

В ЖИЗНИ

Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ

*Воспоминания,
письма,
фотографии*

Л. К. Герасимович (1923–2015)

Санкт-Петербургский государственный университет
Российская академия наук
Институт восточных рукописей

МОНГОЛИЯ В ЖИЗНИ Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ

*Воспоминания,
письма,
фотографии*

Санкт-Петербург
2019

УДК 001.894.2
ББК 72г

Рекомендовано к печати Научной комиссией в области востоковедения СПбГУ
и Ученым Советом Института восточных рукописей РАН

Рецензенты:

доктор филол. наук Л. Г. Скородумова; кандидат филол. наук Б. М. Нармаев

Reviewers:

*Doctor of Philological Sciences L. G. Skorodumova;
Candidate of Philological Sciences B. M. Narmaev*

М77 Монголия в жизни Л. К. Герасимович: Воспоминания, письма, фотографии /

Автор-сост. Р. А. Ивлева, отв.ред. М. П. Петрова, гл. ред. И. В. Кульганек — СПб.: ИПК «НП-Принт», 2019. — 180 с.

DOI 10.25882/085y-5316

ISBN 978-5-901724-86-6

В книге впервые представлены материалы из личного архива видного российского монголоведа, доктора филологических наук Людмилы Константиновны Герасимович (1925–2015). Коллектив авторов посвящает ее 95-летию со дня рождения Л. К. Герасимович. Книга рассказывает о жизни и научной деятельности ученого. Дается оценка ее творчества в контексте научной жизни Восточного факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, где работала Л. К. Герасимович, и культуры Монголии. Показан путь ученого в большую науку. В предлагаемой книге впервые публикуется ряд фотографий родных, коллег и друзей Л. К. Герасимович. Книга подготовлена учениками Л. К. Герасимович, в знак благодарности и признательности своему Учителю, подарившему им свое сердце и открывшему им большой мир самобытной культуры Монголии. Большой знаток монгольской литературы и фольклора Л. К. Герасимович стала целой эпохой в изучении монгольской литературы, ее труды по современной литературе являются классикой отечественной советской науки продолжают быть востребованы нынешним поколением молодежи, изучающей Монголию. Данная книга предназначена для востоковедов, историков отечественной науки, и привлечет внимание всех, интересующихся культурной жизнью Монголии.

Mongolia in L. K. Gerasimovich's Life: Studies, Recollections, Archival Documents / Written and compiled by R.V. Ivleva, Chief editor I.V. Kulganek, Executive editor M. P. Petrova — St.Petersburg: NP-Print Publishers, 2019. — 180 p.

For the first time this book presents materials from the personal archive of the prominent Russian Mongolian expert, Doctor of Philological Science; Ludmila Konstantinovna Gerasimovich (1925–2015). The book «recounts» her life and scientific activities. It presents L. K. Gerasimovich's work in the context of the scientific life of The Oriental faculty of the A. A. Zhdanov Leningrad State University, where she worked. This book shows the breadth of the scientific path taken by L. K. Gerasimovich. A collection of photographs with family, colleagues and friends is published here for the first time. This book has been prepared by students of L. K. Gerasimovich in gratitude and appreciation to their professor who gave them her heart and opened to them the great world of Mongolian culture. A great connoisseur of Mongolian literature and folklore, L. K. Gerasimovich came to symbolize and represent an epoch in the study of Mongolian literature. Her works of modern literature are classics of Russian Soviet science. They continue to be popular with the current generation of young people who study Mongolia. This book is for Orientalists, historians of Russian science and it will attract the attention of anyone who is interested in the cultural life of Mongolia.

DOI 10.25882/085y-5316

ISBN 978-5-901724-86-6

© Коллектив авторов, 2019

Содержание

Глава I

Л. К. Герасимович — ученый и учитель

1. Людмила Константиновна Герасимович (1923–2015)
(*М. П. Петрова*)7
2. Штрихи к биографии профессора Л. К. Герасимович
(*Б. М. Нармаев*)..... 20
3. Мои учителя в аспирантуре Восточного факультета
Ленинградского госуниверситета в 1980–1985 гг.:
Л. А. Березный и Л. К. Герасимович (*Ю. В. Кузьмин*) 25
4. Слово об Учителе (*А. В. Федотов*)..... 30
5. Мой уважаемый учитель по монголоведению (*С. Байгалсайхан*)..... 30
6. Люся (*А. А. Долинина*) 38
7. Список основных работ Л. К. Герасимович.....51

Глава II

Жизненный путь в архивных документах

1. Страницы биографии (*Р. В. Ивлева*)..... 56
2. Материалы защиты докторской диссертации Л. К. Герасимович77
3. Поздравления, благодарности, письма..... 92

Глава III

Контакты Л. К. Герасимович с научной и творческой интеллигенцией Монголии

1. Переписка с монгольскими писателями, интервью169
2. Из воспоминаний Л. К. Герасимович о писателях Монголии173

Contents

Chapter I

L.K. Gerasimovich – the Scientist and the Teacher

1. L. K. Gerasimovich (1923–2015). (*M. P. Petrova*)7
2. Pages from the Biography of L. K. Gerasimovich. (*B. M. Narmaev*)18
3. My Teachers in St. Petersburg – L. A. Berezny and L. K. Gerasimovich
(*Yu. V. Kuzmin*) 23
4. A Word about the Teacher. (*A. V. Fedotov*) 28
5. My Mongolia Studies Teacher (*S. Baigalsaikhan*) 30
6. Lusia. (*A. A. Dolinina*) 38
7. List of Gerasimovich’s Main Scientific Works 50

Chapter II.

A Life’s Path through Archive Documents

1. Biography Excerpts. (*R. V. Ivleva*)55
2. Materials from the Defense of Gerasimovich’s Doctoral Thesis76
3. Congratulations, Appreciations, Letters91

Chapter II

L.K. Gerasimovich’s Contacts with Mongolian Scientific and Creative Intelligencia

1. Correspondence with Mongolian Writers, Interviews 168
2. From L.K. Gerasimovich’s Recollections about Mongolian Writers172

*К 95-й годовщине со дня рождения
видного российского ученого-монголоведа и педагога
Л. К. Герасимович*

Глава I

Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ — УЧЕНЫЙ И УЧИТЕЛЬ

1. Людмила Константиновна Герасимович (1923–2015)

Известный монголовед, исследователь современной монгольской литературы Людмила Константиновна Герасимович родилась в Петрограде 31 июля 1923 года. Ее отец, Константин Васильевич Пономарёв, был железнодорожником. За свой труд во время Великой Отечественной войны он был награжден Орденом Ленина. Мать, Августа Михайловна Пономарёва, была домохозяйкой. Семья Пономарёвых жила очень скромно. Дочь Людмила воспитывалась в строгости. Сдержанность, дисциплинированность — эти качества Людмила Константиновна унаследовала от своих родителей.

По окончании средней школы № 32 в 1941 году Людмила Константиновна поступила на исторический факультет Ленинградского государственного университета. И сразу же была отправлена на рытье окопов на подступах к Ленинграду, где развернулось строительство оборонительных рубежей.

В августе 1941 года Людмила вместе с матерью были эвакуированы из блокадного Ленинграда на Урал. Их поселили на станции Кунгур Пермской области. Людмила Константиновна работала старшей пионервожа-

той, а затем заместителем начальника политотдела по комсомольской работе.

В 1943 году они вернулись в Ленинград. Людмила Константиновна была зачислена на 1 курс Ленинградского Института железнодорожного транспорта, но быстро разочаровалась в будущей инженерной специальности. Она оставила ЛИИЖТ и в 1945 году поступила на кафедру монгольской филологии Восточного факультета Ленинградского государственного университета. С этого момента ее жизнь будет навсегда связана с филологией, востоковедением, монголистикой.

Уже в годы учебы Л. К. Герасимович проявляла особый интерес к литературе. Надолго запомнились лекции академика С. А. Козина (1879–1956), переводчика историко-литературного памятника XIII века «Сокровенное сказание монголов». В 1950 году Людмила Константиновна с успехом заканчивает университет и поступает в аспирантуру. В 1953 году она защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме: «Творчество современного монгольского писателя Ц. Дамдинсурэна». В том же году Л. К. Герасимович начинает свою педагогическую деятельность на Восточном факультете ЛГУ. Более десяти лет с 1973 по 1987 гг. Людмила Константиновна возглавляла кафедру монгольской филологии, будучи ее заведующей. В течении двух лет с 1976 по 1978 гг. Л. К. Герасимович являлась членом Ученого совета Бурятского Института общественных наук в г. Улан-Удэ.

В 1976 г. Л. К. Герасимович защитила докторскую диссертацию на тему: «Монгольское стихосложение (Опыт экспериментально-фонетического исследования)». Результаты исследования нашли отражение в ее монографии «Монгольское стихосложение» (Л., 1975). Здесь Людмила Константиновна впервые в монголоведной науке комплексно осветила вопрос о ритмической природе монгольского стихосложения, обратившись к проблеме соотношения законов языка и просодии. Используя опыт и методы экспериментальной фонетики, автор в своей работе определяет метрическую систему монгольского стиха. Это дало полное основание говорить об изохронности стиха как об одном из важнейших ритмообразующих компонентов в системе монгольского стихосложения. «Важную роль в метрической организации монгольского стиха до сих пор играют и такие издавна присущие ему ритмические определители, как ритмико-синтаксический параллелизм, аллитерация и постепенно все более утверждающаяся рифма», — пишет исследователь¹.

¹ Герасимович Л. К. Монгольское стихосложение. Опыт экспериментально-фонетического исследования. Л., 1975, с.123.

В 1965 году в свет выходит новая монография ученого «Литература Монгольской Народной Республики 1921–1964 годов». Сегодня мы можем сказать, что это полномасштабное исследование очень важного для развития литературы в Монголии периода — времени не только господства метода социалистического реализма, но и становления новой жанровой системы, появления нового типа писателя-творца, обогащения образной системы поэзии, прозы и драматургии. «Своеобразие исторического пути Монголии обусловило и своеобразие формирования художественного метода ее литературы, — подчеркивает автор, — социалистический реализм возникает на национальной почве и решает конкретные общественно-исторические задачи возможными при данных обстоятельствах литературными средствами. Монголия совершала поворот на путь некапиталистического развития в столь своеобразных исторических, государственных и культурных условиях, что процесс сложения в литературе метода социалистического реализма не мог не быть длительным и трудным»¹. Эта монография была издана в США на английском языке². Для многих монголоведов мира она до сих пор является настольной книгой.

Исследования Л. К. Герасимович в области монгольской литературы помогли собрать необходимый материал еще для одной книги о современной прозе. В 1991 году вышла в свет монография «Литература Монгольской Народной Республики 1965–1985. Очерки прозы»³. В ней автор не только дает исчерпывающую характеристику развития жанров в монгольской прозе, но и рассматривает роль художественной литературы в духовной жизни народа в указанный период. Литература, по мнению исследователя, в определенной мере подготовила общественное сознание к выводу о необходимости радикальной перестройки всех сфер жизни общества. Анализируя состояние прозы в 60–80-х годах XX в., Л. К. Герасимович приходит к выводу о том, что именно литература первая забила тревогу о существовании угрозы нравственному здоровью социума. Возрождение духовных ценностей стало сегодня одной из важнейших целей демократических преобразований в Монголии.⁴

Результатом лекционной работы в СПбГУ на протяжении нескольких десятилетий стала книга «Монгольская литература XIII — начала

¹ Герасимович Л. К. Литература Монгольской Народной Республики 1921–1964 годов. Л., 1965. С. 283–284.

² Gerasimovich L. K. History of Modern Mongolian Literature. Bloomington, 1970.

³ Герасимович Л. К. Литература Монгольской Народной Республики 1965–1985. Очерки прозы. Л., 1991.

⁴ См. подробно: Герасимович Л. К. Литература Монгольской Народной Республики 1965–1985. Очерки прозы. Л., 1991. С. 185.

XX вв.», изданная Л. К. Герасимович в 2006 году¹. Современный уровень знаний, по мнению автора, дает основание утверждать, что в XIII — начале XX вв. в Монголии существовала именно национальная литература, что появилась и развивалась она как часть национальной культуры. «Ни в коей мере не отрицая влияния тибетской, индийской или китайской литератур для общего культурного развития Монголии, нельзя считать, что именно они стали главной и тем более единственной предпосылкой развития национальной монгольской литературы», — пишет Л. К. Герасимович².

Нельзя не отметить того, что помимо научной деятельности Людмила Константиновна занималась и переводом произведений монгольских авторов на русский язык. Она обладала несомненным талантом в этой области. Хорошо известны переводы психологических новелл С. Эрдэнэ, рассказов С. Дашдоорова, С. Удвал и М. Цэдэндоржа, выполненные Л. К. Герасимович³. Здесь помимо обширных теоретических знаний, которыми обладал переводчик, чувствуется ее искренняя и глубокая любовь к удивительной природе Монголии, степным кочевникам, их традициям и обычаям.

Людмила Константиновна Герасимович разработала и читала на кафедре курсы по истории средневековой, новой и новейшей монгольской литературы, такие как «История монгольской литературы начала XIII — XX вв.» и «Монгольская литература 1921–1990 гг.», а также спецкурс «Творчество современного монгольского писателя Ц. Дамдинсүрэна» и «Монгольская поэтика». Людмила Константиновна долгие годы вела занятия по старописьменному монгольскому языку и читала со студентами современные художественные тексты. Л. К. Герасимович создала в монголоведении свою литературоведческую школу, воспитала целые поколения ученых-монголистов. Практические занятия и лекции Людмилы Константиновны не могли не запомниться. Те, кто у нее учился считают, что именно профессор Герасимович воспитала в них высокую требовательность, преданность своему делу, чувство долга перед избранной профессией. И, конечно, безграничную любовь к изучаемой стране и народу. Под руководством Людмилы Константиновны были написаны курсовые и дипломные работы, защищены кандидатские и докторские диссертации, в основном, по истории развития монгольской литературы в XX в. Среди ее воспитанников шесть кандидатов наук (А. Пахутова,

¹ Герасимович Л. К. Монгольская литература XIII — начала XX вв. Материалы к лекциям. Элиста, 2006.

² Там же, с. 5

³ Багряный горизонт. Новеллы современных монгольских писателей. М., 1964.

ҮНЭМЛЭХ

№ 41329

Людмила Константиновна Герасимович *Т**Ш**а*

Монгол Улсын Ерөнхийлөгчийн 2011 оны

9 дүгээр сарын 29-ний өдрийн 191 дүгээр

Зарлигаар Алтан гадас одонгоор

шагнагдсан тул энэхүү үнэмлэхийг олоов.

Монгол Улсын
Ерөнхийлөгч

Цахиагийн
ЭЛБЭГДОРЖ

Улаанбаатар хот

Удостоверение Л. К. Герасимович к ордену Полярной звезды

УДОСТОВЕРЕНИЕ
№ 41329

*Людмила Константиновна Герасимович,
Приказом № 191 от 29 сентября 2011 Президента Республики Монголии
Вы награждаетесь Орденом Полярной Звезды
с вручением настоящего удостоверения.*

Президент Республики Монголия

Подпись

Ц. Элбэгдорж

Печать

г. Улан-Батор

С. Н. Цеденова, С. Байгалсайхан, Р. В. Ивлева, М. П. Петрова, Н. П. Бьерке (Биткеева)), пять докторов наук (Л. Г. Скородумова, А. Д. Цендина, И. В. Кульганек, А. Федотов, В. Л. Успенский). Многочисленные ученики Л. К. Герасимович работают сегодня в различных монголоведных центрах России (Москва, Санкт-Петербург, Элиста, Улан-Удэ) и мира (Монголия, Болгария, США, Швеция, Финляндия). Со многими из них Людмила Константиновна поддерживала деловые и личные отношения до конца своей жизни.

В общей сложности, за время своей научно-педагогической деятельности Людмила Константиновна Герасимович опубликовала четыре монографических исследования и множество статей по истории развития монгольской литературы. В Монголии высоко оценили ее вклад в развитие монголоведения. Дважды в 1982 и 2003 гг. она была награждена медалью «Найрамдал», в 1998 г. получила премию Ц. Дамдинсүрэна, а в 2011 г. — высшую государственную награду Монголии — Орден Полярной звезды.

*Доцент кафедры монголоведения и тибетологии
Восточного факультета СПбГУ М. П. Петрова*

2. Штрихи к биографии профессора Л. К. Герасимович

Научные достижения ведущего специалиста в мировом монголоведении в области исследования современной монгольской литературы доктора филологических наук профессора Людмилы Константиновны Герасимович (1923–2015) давно признаны учеными в России и за рубежом. В 2013 г. в Петербурге вышел посвященный ей выпуск сборника статей «Монголика-Х», в Монголии проходят «Герасимовичские чтения», ученики известного востоковеда в России и в других странах успешно продолжают научные традиции школы своего учителя. Л. К. Герасимович была талантливым университетским преподавателем, среди ее учеников пять докторов и шесть кандидатов наук, она успешно руководила работой кафедры с 1973 по 1987 гг. К сожалению, я не был студентом Людмилы Константиновны, но мне посчастливилось довольно долго работать под ее руководством на кафедре монгольской филологии Ленинградского государственного университета и я хотел бы поделиться некоторыми воспоминаниями о Людмиле Константиновне.

Кафедра монгольской и калмыцкой словесности — одна из старейших на Восточном факультете Петербургского университета, она была учреждена в 1855 г. вместе с факультетом. Среди ее профессоров и заведующих — такие выдающиеся монголоеды как К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев, В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов, Н. Н. Поппе, С. А. Козин. В 1972 г. скончался заведующий кафедрой монгольской филологии профессор Дмитрий Андрианович Алексеев. Следующим заведующим кафедрой стала ученица академика С. А. Козина доцент Л. К. Герасимович и начался новый период в истории кафедры. Людмила Константиновна всегда была для коллег и студентов образцом увлеченности наукой, самодисциплины, порядочности. Всегда подтянутая, пунктуальная, она не

допускала никаких опозданий, пропусков занятий, невыполнения своих обязанностей. Того же она ожидала от коллег и студентов. Одновременно она была щедрым, всегда готовым поддержать попавшего в беду человека, причем, не афишируя своей поддержки. Например, когда попала в больницу студентка из Калмыкии, находившаяся к тому же в тяжелом материальном положении, Людмила Константиновна навещала ее, опекала, поддерживала морально и материально.

Однако, примерно в это время некий «доброжелатель» написал «телегу» на самый верх, по слухам — в ЦК КПСС. В своем доносе автор, как говорили, писал что выпускники кафедры якобы не могут найти работу по специальности и поэтому необходимо закрыть кафедру.

К счастью, руководству Восточного факультета удалось отстоять кафедру монгольской филологии. Декан факультета академик М. Н. Боголюбов, посоветовавшись с заведующей кафедрой монгольской филологии Л. К. Герасимович, а также с заведующим кафедрой китайской филологии (где тогда числилось отделение тибетской филологии под руководством доцента Б. И. Кузнецова) Е. А. Серебряковым, принял решение об укреплении монгольской кафедры. Речь шла в частности о переходе Б. И. Кузнецова с кафедры китайской филологии на кафедру монгольской филологии и, соответственно, об открытии нового отделения — монголо-тибетской (тибетско-монгольской) филологии на монгольской кафедре. Л. К. Герасимович хорошо понимала востребованность специалистов, сочетавших квалификации монголоведов и тибетологов — особенно в условиях СССР, когда выезд из страны был затруднен, но в Ленинграде, Бурятии, Туве, Калмыкии имелись уникальные по своему объему и составу фонды тибетских, монгольских и двуязычных рукописей и ксилографов.

Открытие нового отделения значительно увеличило как интерес абитуриентов к поступлению на кафедру, так и различных научных учреждений к подготовке редких специалистов. В 60-х — 80-х годах XX века ЛГУ был единственным в стране светским высшим учебным заведением, где велось преподавание тибетского языка. Из Бурятии, Калмыкии, Тувы, ГДР, Венгрии, Чехословакии присылали «целевиков» — абитуриентов и студентов, а также целые группы таких студентов. Тибетология и монголоведение становились все более популярными — например, в 1996 г. конкурс для поступающих на кафедру в течение некоторого времени был самым высоким в университете. В настоящее время на кафедре монголоведения и тибетологии, образованной в 2008 г. на основе кафедры монгольской филологии, успешно ведется подготовка бакалавров — филологов и историков Монголии и Тибета.

Очевидно, что профессор Людмила Константиновна Герасимович была хранителем лучших традиций российского монголоведения. Во многом благодаря ее усилиям на Восточном факультете СПбГУ продолжается и совершенствуется подготовка высококвалифицированных монголоведов и тибетологов. Память о Людмиле Константиновне будет жить всегда в сердцах ее благодарных учеников и коллег.

*Доцент кафедры монголоведения и тибетологии
Восточного факультета Б. М. Нармаев*

Л. К. Герасимович, 1953 г.

2^й выпуск 32^й ж.д. школы
10 класс 1941 год.

10^й класс
 Степанов Артем; Гудожий Исак; Силинова Мадра; Палкина Александр; Миконь Владимир; Прохоркина Людмила; Соколов Юрий; Киселева Вера; Зундлинская Елена; Сажинков Алексей; Пучков Виктор; Ельсевичев Алексей; Галахова Антонина; Силиновы - Тамм Влад, Тодриновы - Сергей, Михаил, Шнейдер; Фридик - Анна, Алексеев, Губинский; Игоров - Авр. Фед. Виктория; Хвощинская; Кашинкин Абрам; Анионова Ирина; Шанина Надежда; Зюганов Фаим; Михайлов Валентин; Ровинский Павел; Кондрарева Вера.
 1940-1941 учеб. год.

Выпускной 10-й класс железнодорожной школы № 32. Ленинград, 1941 г.

Л. К. Герасимович с одноклассницей Н. Ф. Дубняковой-Шаниной. Ленинград, 1946–1947 гг.

Надежда Федоровна Дубнякова-Шанина и Людмила Константиновна Герасимович.
На обратной стороне подпись: «1949–1950»

Слева направо: мать А. М. Пономарёва, отец К. В. Пономарёв,
Л. К. Герасимович. Ленинград

Слева направо: Л. К. Герасимович, мать А. М. Пономарёва, З. К. Касьяненко.
1950 г. Ленинград

Фото 1

Фото 2

Фото 3

Фото 4

Фото 5

Страница из фотоальбома.

Фото 1. Люся Пономарёва. Школьные годы. Ленинград. Фото 2. Мать А. М. Пономарёва;

Фото 3. Л. К. Герасимович. Студенческие годы. Ленинград.

Фото 4. Л. К. Герасимович. 1957 г. Ленинград.

Фото 5. Люся Пономарёва (в центре) с одноклассницами. Ленинград

Фото 1

Фото 2

Фото 3

Фото 4

Фото 5

Страница из фотоальбома Л. К. Герасимович.

Фото 1. Л. К. Герасимович (во втором ряду справа), Н. Ф. Дубнякова-Шанина (в первом ряду слева), З. К. Касьяненко (в центре). Университетские годы. Ленинград. Фото 2. Люся Пономарёва. Школьные годы. Ленинград. Фото 3. Л. К. Герасимович. Университетские годы. Ленинград. Фото 4. Слева направо: Л. К. Герасимович, мать А. М. Пономарёва, Н. Ф. Дубнякова-Шанина, отец К. В. Пономарёв. Ленинград. Фото 5. Мать А. М. Пономарёва

Л. К. Герасимович. 1943 г. Кунгур

Л. К. Герасимович. 1973 г. Ленинград

Л. А. Берзный и Л. К. Герасимович. 1980-е годы. Елизаветино, Ленинградская область

3. Мои учителя в аспирантуре Восточного факультета Ленинградского госуниверситета в 1980–1985 гг.: Л. А. Березный и Л. К. Герасимович

Большой удачей в своей жизни считаю аспирантуру на Восточном факультете Ленинградского университета. В 1980–1985 гг. посчастливилось пройти стажировку и аспирантуру на кафедре Истории стран Дальнего Востока Восточного факультета. Учителями в начале научного пути стали крупные российские ученые, востоковеды: китаеведы и монголоеды кафедры монгольской филологии и истории стран Дальнего Востока. Особенно значительную роль сыграли мой научный руководитель — доктор исторических наук, профессор Лев Абрамович Березный, выдающийся историограф китайской истории и доктор филологических наук, профессор Людмила Константиновна Герасимович. В изучении монгольского языка и интересу к монголоведению сыграли доценты Б. М. Нармаев, Е. А. Кузьменков. Монгольский язык одновременно изучал с первым курсом студентов монголо-тибетской филологии (доцент Б. М. Нармаев), вторым курсом (проф. Л. К. Герасимович), пятым (доц. Е. А. Кузьменков). Достойно изучить монгольский язык и монгольскую письменность было достаточно сложно, но прилагал массу усилий, чтобы читать современные монгольские тексты. С почтением вспоминаю тактичность и доброжелательность Бадмы Морхаджиевича, высокую требовательность и настойчивость Людмилы Константиновны, которую мы все немного побаивались, доброжелательность и иронию Евгения Афанасьевича, профессионального и мудрого наставника.

На кафедре истории стран Дальнего Востока тогда плодотворно работали известные востоковеды Г. Я. Смолин, Б. Н. Мельниченко, Б. М. Новиков, Л. В. Зенина, П. М. Мовчанюк, Ю. В. Петченко, которые помогли в формировании востоковедного образования, профессионального отношения к историческим источникам и историографии Востока. Большое влияние оказали ежемесячные методологические семинары на кафедре, которые проводили ведущие профессора по своей исследовательской тематике: истории и историографии Китая, Японии, Кореи, Индонезии, Индии. В свою очередь, внимательно изучал монографии и статьи профессоров и доцентов кафедры, что лучше понять сложную историю Востока, премудрости историографии и источниковедения, чем славился Восточный факультет и кафедра истории стран Дальнего Востока.

После окончания Исторического факультета Иркутского государственного университета кафедрой всемирной истории был направлен на научную стажировку в Ленинградский государственный университет. Важную роль в принятии данного решения кафедры являлось намерение расширять востоковедные исследования на историческом факультете Иркутского университета.

К этому времени из аспирантуры Института стран Азии и Африки Московского госуниверситета вернулся В. И. Дятлов, специалист по истории Египта и стран Ближнего Востока. Был направлен в аспирантуру выпускник факультета С. И. Кузнецов, специализирующийся по истории Японии, ее внешней политики. Ныне это ведущие профессора исторического факультета и известные востоковеды. В это же время на факультете формировалась целая группа исследователей по истории Новой Зеландии и Океании под руководством В. П. Олтаржевского. В 1980 г. в Иркутском госуниверситете была проведена Первая востоковедная конференция, в которой мне выпала честь быть ее ученым секретарем под руководством кандидата исторических наук, доцента Владимира Вячеславовича Свирина, создателя современной школы монголоведения в университете.

В. В. Свинин (1936–2012 гг.) — известный сибирский археолог, этнограф, музейевед преподавал на историческом факультете «Историю древнего мира» и спецкурсы по истории Монголии, археологии Байкальского региона. В 1974 году В. В. Свинин был направлен на годичную научную стажировку в Монгольский государственный университет с целью восстановления в Иркутском университете изучения истории и культуры Монголии. С 1975 года по совместному договору ИГУ и МонГУ была организована историко-археологическая практика студентов двух вузов. Каждый год в июле-августе советские студенты выезжали в Монголию и совместно с монгольскими студентами в рамках Советско-Монгольской совместной

историко-культурной экспедиции АН СССР и АН МНР исследовали археологические памятники Монголии, а монгольские студенты приезжали в Иркутск и на Байкал. В 1976–1978 гг. мне трижды удалось принять участие экспедициях в Монголию. Все курсовые работы на историческом факультете были посвящены различным проблемам истории Монголии, участвовал в работе ряда исторических конференциях по монгольской тематике. Посчастливилось познакомиться с известными монголоведами России: В. В. Волковым, С. А. Панариным, Н. Л. Жуковской, С. Г. Кляшторным, С. К. Роциным, М. И. Гольманом, В. В. Гайворонским, Г. С. Матвеевой. В Монголии В. В. Свинин организовывал встречи с крупными монгольскими историками: академиками Б. Ширендыбом, Ш. Бира, Ш. Нацагдорж, Н. Ишжамц, докторами Н. Сэр-Оджав, Ч. Далай, Г. Батнасан, Л. Бат-Очир и др. Это позволило познакомиться с проблемами древней и новейшей истории Монголии из первых рук, что определило и выбор моей научной специализации. Поездки по Монголии, близкое знакомство с современной Монголией, ее природой и жителями также способствовали укреплению в выборе специальности монголоведа. Началось изучение монгольского языка по учебнику З. К. Касьяненко и практически с монгольскими студентами.

К началу обучения в аспирантуре в Ленинграде, достаточно неплохо знал историю Монголии от древности до новейшего времени, но более всего меня интересовала новая и новейшая истории Монголии, особенно привлекал период начала XX века, русско-монгольские отношения этого периода. Неплохо изучил также период 1921–1940 гг., когда писал и защищал дипломную работу «Решение религиозного вопроса в МНР на демократическом этапе революции» в 1980 г. на историческом факультете ИГУ. С другой стороны, монгольский язык знал поверхностно, изучая по учебнику, словарям и разговорникам монгольского языка. Монгольскую литературу знал только по переводам на русский язык. Был настроен начать с нуля изучение монгольского языка, более глубоко изучить монголоведную литературу в библиотеках Ленинграда.

Время обучения в аспирантуре было для меня довольно напряженным. Изучал одновременно два иностранных языка: монгольский и французский. Посещал лекции известных профессоров К. Б. Виноградова, В. Г. Ревуненкова на историческом факультете, на восточном факультете профессоров Г. Я. Смолина, Л. А. Березного. Особенно интересны были методологические семинары кафедры и восточного факультета, которые проходили раз в месяц и выступали ведущие ученые факультета по сложным и важным проблемам истории стран Востока, на которых возникали интересные дискуссии и обсуждения. Все время проводил в библиотеках

города: библиотеке Академии наук, библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, его отделе литературы на восточных языках на Литейном, библиотеке восточного факультета, где читал и переводил книги и статьи на монгольском языке и готовил к защите кандидатскую диссертацию по современной монгольской историографии истории демократического этапа (1921–1940 гг.), которую успешно защитил в 1986 году. Официальными оппонентами выступили известные монголоеды профессор Евгений Иванович Кычанов и старший научный сотрудник Института Востоковедения (Москва) Марк Исаакович Гольман.

Заведующий кафедры истории стран Дальнего Востока восточного факультета ЛГУ, доктор исторических наук, профессор Георгий Яковлевич Смолин, был известным китаеведом, крупным специалистом по истории крестьянских восстаний в Китае. Он доброжелательно относился к аспирантам кафедры и создавал благожелательную атмосферу на кафедре. Для нас большой школой научной подготовки было обсуждение кандидатских диссертаций на кафедре, так хорошо запомнились обсуждения кандидатских диссертаций Н. А. Савельева по общественной мысли Китая и С. Н. Гончарова, ныне известных китаеведов, профессоров, япониста Н. Б. Цветкова. Запомнились атмосфера требовательности, принципиальности, основательного анализа текстов молодых исследователей.

Мой научный руководитель — профессор Л. А. Березный, пользовался на кафедре высоким научным авторитетом и являлся ведущим специалистом в стране по американской историографии китайской истории нового и новейшего времени. Докторская диссертация «Критика методологии современной американской буржуазной историографии: Проблемы общественного развития в XIX — первой половине XX в. (1969 г.), опубликованные монографии и статьи в основном посвящены западной историографии истории Китая в первой половине XX века. Он вступал в дискуссию с трудами ведущих западных востоковедов: Э. Рейшауэра, О. Латтимора, Д. Фэйрбенка. Его работы носят глубокий аналитический и историографический характер, уважаемого профессора интересовали проблемы сущности и эволюции экономических и социальных процессов в Китае, особенности китайских революций и революционного процесса 20–30-х гг. XX века.

Лев Абрамович — участник Великой Отечественной войны, служил в армии в 1941–1946 годах, был ранен, пальцы на правой руке были покалечены. Воевал в артиллерии, был награжден орденами и медалями. Был человеком скромным и только иногда носил орденские планки. Знаю, что длительное время жил в коммунальной квартире, и только в начале

1980-х годов получил квартиру, в которой он стал принимать для консультаций своих аспирантов. Глубоко и основательно вникал в работу своих аспирантов. Тексты статей и диссертаций своих подопечных правил чрезвычайно тщательно, иногда дополнения и замечания составляли половину страницы. Лев Абрамович интересовался проблемами жизни аспиранта, советовал, как лучше поступить в сложной ситуации.

Лев Абрамович имел, видимо, собственную методику работы с аспирантами. Так, он заранее определял предстоящую тему беседы, к которой аспирант тщательно готовился и внимательно выслушал его подход к проблеме, исследуемой аспирантом. Задавал много вопросов уточняющего характера. Получалось, что в процессе беседы намечались некоторые новые подходы и выводы. Это не навязывалось профессором начинающему исследователю, а являлось плодом совместных размышлений. Лев Абрамович иногда говорил, что какой-то конкретный вопрос по истории или историографии Монголии ему неизвестен и просил его пояснить. Умение слушать — непростое дело, и не каждому дано. Тактичность, уважительное отношение к аспиранту — внутренняя природа уважаемого Л. А. Березного.

Отношение Льва Абрамовича к своим аспирантам стало для меня своеобразным эталоном и примером, которым я стараюсь придерживаться уже в своей преподавательской работе с магистрантами, аспирантами и докторантами. Всегда с глубокой благодарностью вспоминаю сложные, но интересные годы аспирантуры, которые сформировали меня как историографа истории Монголии, с теплотой вспоминаю Льва Абрамовича Березного и Людмилу Константиновну Герасимович, моих Учителей в науке Востока.

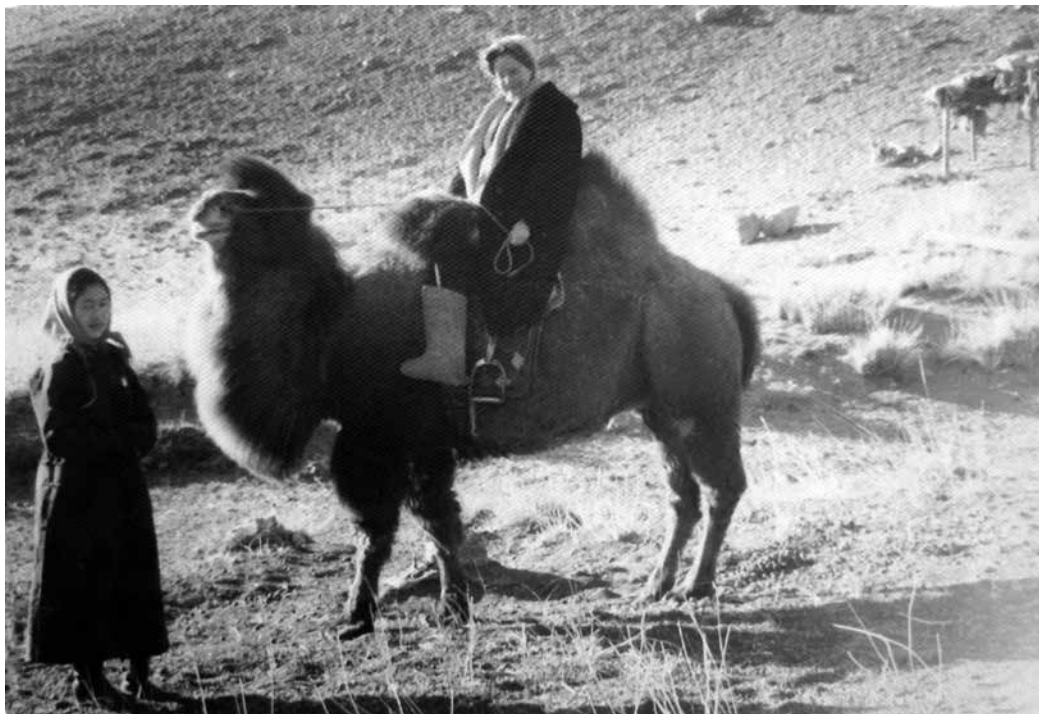
*Доктор исторических наук,
профессор Байкальского государственного
университета Ю. В. Кузьмин*

Л. К. Герасимович и доцент кафедры индийской филологии Н. В. Гуров. 1957 г. Ленинград

Слева направо: З. К. Касьяненко, Д. А. Алексеев, Л. К. Герасимович. 1957 г. Ленинград

Л. К. Герасимович верхом на верблюде в пустыне Гоби. 1963 г.

Л. К. Герасимович в Ленинграде. 1965 г.

4. Слово об Учителе

Я хочу рассказать о том, как я стал монголоведом и об участии в этом Людмилы Константиновны Герасимович.

Далекий 1973 год. Идут экзамены на Восточный факультет тогда еще ЛГУ. По традиции накануне экзаменов проходит собеседование с поступающими. Председатель комиссии — доброжелательная женщина с умным и проницательным взглядом. Потом я узнал, что это зав. кафедрой монгольской филологии Людмила Константиновна Герасимович. Собеседование прошло успешно, и началось самое трудное — экзамены. Я их сдал почти на отлично, только одна четверка, и на послеекзаменационном собеседовании мог выбрать для поступления любое отделение.

Накануне этого в коридоре Восточного факультета мы случайно (хотя, честно говоря, я не верю в случайности) встретились с Людмилой Константиновной и проговорили больше часа. Мы просто стояли в коридоре и разговаривали, не замечая никого вокруг. Говорила в основном она, а я слушал, почти затаив дыхание. Людмила Константиновна рассказывала о Монголии, о кафедре, преподавателях, восточных языках, которые изучают студенты.

Кстати, она упомянула и о корейском языке, который, к сожалению, мы не изучали, но все остальные «обещанные» языки действительно были в нашей учебной программе. В то время я, конечно, не мог знать, что впоследствии мне придется заниматься именно Кореей, ее языком, культурой и литературой. Опять-таки неслучайная случайность. После этого разговора я уже не сомневался на какое отделение поступать — на последнем собеседовании я твердо выбрал кафедру монгольской филологии, о чем потом ни разгу не пожалел.

Вспоминая студенческие годы, хочу сказать, что нам очень повезло — нам преподавали настоящие Учителя. Людмила Константиновна

была именно таким Учителем — мудрым, авторитетным, требовательным, влюбленным в свое дело.

Она могла часами говорить о Монголии, монгольской литературе, своих друзьях — монгольских поэтах и писателях. Благодаря ей, еще будучи студентом, я тоже стал заниматься монгольской литературой, а потом, когда уже стал преподавать в Софийском университете Св. Климента Охридского — тибетской и корейской литературой.

Мне повезло: Людмила Константиновна стала для меня настоящим наставником. Она хорошо знала Снежану, с которой мы дружили все студенческие годы, была на нашей свадьбе.

С Людмилой Константиновной мы вели переписку все годы после окончания университета и до ее ухода. Когда я бывал в Ленинграде, а затем и в Санкт-Петербурге, мы, как правило, встречались. Всегда пили у нее дома чай и разговаривали, разговаривали... Нам было о чем поговорить.

Последний раз, за год до ее ухода, я снова был в Санкт-Петербурге, и мы говорили по телефону. Ее голос звучал как всегда уверенно и бодро, но встретиться нам, увы, не удалось, о чем я очень жалею.

*Профессор Александр Федотов
Директор Центра востоковедения
Софийского университета Св. Климента Охридского
Болгария*

5. Мой уважаемый учитель по монголоведению

В 1988 году я, в соответствии с тогдашним планом подготовки исследователей, сдал вступительные экзамены в аспирантуру — русский язык, историю Монголии, специальность — литературоведение и участвовал в конкурсе на продолжение учебы за границей. Документы на этот конкурс подали четверо. Из-за того, что с оценкой 15 лидировала учительница Эрдэнэтуяа, мы с Хувсгул и Одгэрэл, набрав лишь по 13–14 баллов, выбывали из состязания. Я радовался тому, что набрал не меньше, чем выпускники русских школ и российских вузов. Но в тот год удача сопутствовала мне. Вышло постановление Центрального комитета о том, что все, набравшие более 12 баллов будут зачислены в аспирантуру по выбранной специальности. Это было время, когда вся работа Академии наук и академических учреждений шла в соответствии с решениями Центрального комитета. Так Академии наук и Институту языка и литературы требовались специалисты, особенно лингвисты, я подал заявление в Институт языкознания Академии наук Российской Федерации. Прошло полгода, а ответа все не было. Однажды директор Института языка и литературы, доктор, профессор, известный тибетолог Д. Ёндон вызвал меня в свой кабинет и сообщил радостную новость: «Поезжай в Москву в командировку на 45 суток вместе с нашим ученым секретарем О. Сухэ-Батором. Выясни все об аспирантуре, о которой до сих пор ничего не известно». И выдал мне командировочное удостоверение. Пока мы были в Москве вместе с О. Сухэ-Батором, я встретился с директором Института языкознания Академии наук Российской Федерации, действительным членом Академии наук М. Солнцевым и заключил с ним договор о своем годичном обучении Институте по общей лингвистике и дальнейшем трехгодичном обучении в аспирантуре. Из Москвы я впервые написал письмо Л. К. Герасимович с просьбой об обучении в аспирантуре под ее руководством. Через какое-то короткое вре-

мя от Л. К. Герасимович пришло ответное письмо, в котором говорилось, что необходимо прислать все мои документы и материалы на адрес Восточного факультета Ленинградского государственного университета на ее имя. По возвращении в Монголию я объяснил все причины начальнику Отдела кадров, изменил свое заявление в Институт языкознания, отправил документы в Ленинградский государственный университет и, прибыв туда, имел счастье познакомиться с известным исследователем монгольской литературы XX века, которая впервые познакомила мир с нашей литературой, лично знавшей многих писателей и поэтов, учителем многих известных ученых-монголоведов Л. К. Герасимович. Что скрывать, конечно, я и боялся, и испытывал стеснение при первой встрече с таким известным человеком. А она смотрела на меня прямо и строго, глаза в глаза. Она спросила меня о Монголии, о своих знакомых писателях и их произведениях и из этих вопросов я понял, что передо мной действительно исследователь и тонкий знаток нашей литературы. И хотя учитель прекрасно знала монгольский язык, но тогда она говорила со мной по-русски. Позже я понял, что это был метод, направленный на то, чтобы пусть немного, но улучшить мой русский устный и письменный язык, хотя я учил его в худонской средней школе, а затем в монгольском государственном университете. Первый год я провел за чтением книг в Отделе литератур стран Азии и Африки Публичной библиотеки на Литейном проспекте и в библиотеке рядом с Казанским собором в соответствии со списком, который дала мне мой научный руководитель. Такие теоретические источники, как «Происхождение романа» В. Кожина и «Роман как художественная система» И. Лейтес я законспектировал и перевел по главам, стараясь вникнуть в теорию и методику литературоведения. Я использовал эти и многие другие работы в качестве теоретической основы своей диссертации. Свои конспекты я показывал своему научному руководителю, получал ценные советы и указания. В этом и состояла основная цель моего четырехлетнего пребывания в дальнем краю. В течении всего срока обучения я раз в две недели показывал свои работы Людмиле Константиновне, она либо соглашалась, либо не соглашалась с высказанными мной идеями, отмечала то, что нужно было добавить или убрать, я снова все переписывал, показывал и получал новые указания. Так шла наша совместная работа. В процессе обучения Л. К. Герасимович ставила передо мной четкие цели, жесткие задачи и так как не признавала опозданий или отговорок, благодаря ее «жесткой системе» я смог в положенный срок закончить свою работу. Мой научный руководитель обращала особое внимание на то, чтобы теоретическая основа была подкреплена фактологическим материалом, бесспорными доказательствами, она очень тщательно проверяла все выводы,

оценки и комментарии. Я думаю, что в этом и состояла заслуга моего учителя. Если бы она не контролировала меня на каждом этапе, неизвестно, смог бы я написать и защитить свою работу. Дело в том, что два наших аспиранта, учившихся вместе со мной в Ленинградском государственном университете (один экономист, другой журналист) из-за отсутствия строгого контроля со стороны своих научных руководителей, занялись торговлей, почувствовали себя свободными членами общества, переходившего к рыночным отношениям и... вернулись домой, не защитив диссертаций. Но мне выпала другая судьба. 20 января 1994 года на заседании Ученого Совета Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета я защитил кандидатскую диссертацию на тему «Современный монгольский роман: 80-е годы XX века». Моими оппонентами были кандидат филологических наук Л. Г. Скородумова и профессор, доктор филологических наук Ю. М. Осипов. Из 18 членов Ученого Совета отсутствовали пять. Ученый секретарь зачитал необходимые документы, представил мою работу. Я произнес вступительную речь, а затем слово было предоставлено Л. К. Герасимович. Она сказала: «Я очень рада тому, что за все время работы нашего Ученого Совета здесь впервые защищается диссертация, написанная гражданином Монголии».

То, что я защитил кандидатскую диссертацию на Восточном факультете Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета под руководством профессора Л. К. Герасимович сыграло в моей судьбе большую роль. Во-первых, не каждому на долю выпало стать учеником такого известного, уважаемого исследователя, защитить сначала кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию. Во-вторых, то, что я усвоил за время обучения у своего научного руководителя – методологические основы исследовательской работы, способы систематизации и анализа материала и многое другое – стало фундаментом моей научной деятельности. Сейчас у меня много учеников, старших и младших коллег-филологов, литературоведов, но я постоянно помню о том, что сделала для меня профессор Людмила Константиновна Герасимович, о ее большом вкладе в мою научную и человеческую судьбу.

*Профессор С. Байгалсайхан
Перевод с монгольского М. П. Петровой*

Л. К. Герасимович и председатель Союза монгольских писателей С. Удвал.
1973 г. Улан-Батор, Монголия

Участники научной конференции. Первая слева: выпускница кафедры монгольской филологии А. Бадаева, вторая слева: Л. К. Герасимович, третий слева: В. И. Рассадин — главный научный сотрудник БИОН, монголовед, 1977 г. Улан-Удэ

Слева направо: Р. Ж. Жалсанова, Р. Е. Пубаев, Л. К. Герасимович, неизвестная. 1977 г. Улан-Удэ

Л. К. Герасимович. 1977 г. Бурятия

6. Люся

Когда монголисты — ученики Людмилы Константиновны Герасимович обратились ко мне с просьбой написать что-нибудь для посвященного ей сборника, я с радостью согласилась: приятно, когда добром поминают учителя, уже ушедшего из жизни, причем не вчера ушедшего (значит, это настоящий учитель!), и мне казалось, что написать будет не трудно, столько накопилось всего за долгую жизнь. Но когда я стала вспоминать, то поняла, что цельной киноленты не получается, она вся разлетается на отдельные кадрики, которые, сами по себе яркие, не хотят складываться в нечто определенное, логически последовательное.

1945 год. Я перешла на 2-й курс арабского отделения. Университет уже вернулся из Саратова. Среди массы первокурсниц, наводнивших в тот год наш факультет (а среди них много было забредших сюда случайно), мое внимание привлекает серьезная монголистка в золотых очках весьма строгого вида, как будто даже суховатая в общении с окружающими. Она состоит в ВКП(б), хорошо учится, занимается общественной работой, ведет правильный образ жизни — словом, образцовая советская студентка. По окончании совершает первый шаг вверх по карьерной лестнице — поступает в аспирантуру и пишет диссертацию по современной монгольской литературе.

И тут, в конце аспирантуры, судьба могла бы сблизить нас. В это время докторов по литературе мало, первых оппонентов подобрать трудно, и два профессора филфака заключают соглашение: у меня будет первым оппонентом проф. П. Н. Берков, руководитель Людмилы Константиновны, а у нее — мой отец, проф. А. С. Долинин. Люся пару раз заходит к нам домой по диссертационным делам, все такая же серьезная и строгая, я в этих разговорах не принимаю участия, и общения у меня с ней не получается. После кандидатской защиты судьбы

у нас складываются одинаково — мы обе остаемся работать в университете. И начинается рутинная факультетская жизнь: языковые занятия, лекции и подготовка к ним, недостаток учебных пособий, проверка и защита курсовых и дипломных работ и множество консультаций, теоретические семинары для преподавателей, доклады, конференции, обязательная по тем временам общественная работа — да мало ли всего!

Из разрозненных кадров нашей тогдашней напряженной жизни мне ясно видится один, нерабочий: начало Люсиного романа с ее будущим мужем, Львом Абрамовичем Березным. У них абонемент в Филармонию на концерты из произведений Рахманинова в ложе справа от сцены, и у меня с моим спутником тот же абонемент, но на хорах слева от сцены, так что мы оказываемся друг против друга на доступном взору расстоянии, только я повыше — чудный наблюдательный пункт! Люся страшно стесняется, первое время даже прячется за спину Льва Абрамовича, а мне смешно, ведь и так все всё знают. Но эта неожиданная для меня Люсиная стеснительность заставляет приглядеться к ней пристальнее и лишний раз задуматься о возможной обманчивости первого внешнего впечатления.

Дальше разматывается лента и сыплются разрозненные кадрики. Люся движется вверх по карьерной лестнице. В 1973 г. она становится заведующей кафедрой, причем становится вполне заслуженно, и зависти к ее успеху у меня никакой нет, как нет зависти к своей новой заведующей О. Б. Фроловой, сменившей прежнего тяжело больного В. И. Беляева. Я считала, что О. Б. превосходит меня только по одному, обязательному для заведующего кафедрой в 70-е гг. признаку — членству в КПСС. Так же и Л. К. превосходила свою «соперницу» по возможному заведованию кафедрой прежде всего по этому признаку. Та была филологом, прежде всего — языковедом и рукописником; Люся же — прежде всего литературоведом, ее интересовало, как я поняла позже, биение живой жизни, ход современной мысли, ее политическая, социальная и эстетическая окраска. Изучая творчество современных монгольских писателей, которыми до нее в Ленинграде никто не занимался, да и вообще в Советском Союзе почти никто, она буквально ступала по целине и постоянно совершала то маленькие, то серьезные открытия. Я смело могу об этом говорить, не будучи монголисткой, потому что через мои руки прошли тексты всех ее монографий и многих статей: Люся предпочитала за отзывами для издательства обращаться именно ко мне; хочется думать, что не потому только, что я занималась тогда тоже литературой XX в. — а так разворачивалась кинолента нашей общей судьбы: Люся верила, что я прочту ее работу внимательно и добросовестно и выскажу свои замечания

и суждения прямо, доброжелательно и искренне, без деланной изощренной вежливости или камня за пазухой — так учили на нашей кафедре, нас вообще хорошо учили. Постоянно общаясь с Л. К., я стала постепенно понимать, что «правильный и строгий карьерный сухарь», какой ее считали многие на факультете, на самом деле, благодаря своей «правильности», — существо чуткое, ранимое, доверчивое, и в партию она вступила во время войны отнюдь не ради карьеры, а под влиянием какого-то ей ведомого романтического импульса. Я поняла, в чем заключаются корни ее строгости к поступкам и поведению окружающих, — это прежде всего требовательность к самой себе, она от людей требовала того же, что от себя, ставила их всегда на один уровень с собой, и, быть может, в это и было больше человеколюбия, чем в моей обычной снисходительности, о чем мы не раз спорили.

Так и шла наша жизнь — от отдаленности к постепенному сближению. Впрочем, близкими подругами мы не стали — может быть потому, что круги общения у нас были разные: Л. К., в силу специальности, больше тяготела к дальневосточникам, а поскольку муж ее был старше на 8 лет и она сама возглавляла кафедру, то ее окружала более «взрослая» компания, те, кто кончили университет еще до войны. Я же — ближневосточник, к тому же у нас в компании был более молодой и менее ответственный народ. Но мы с Люсей искренне симпатизировали друг другу и, главное, друг другу доверяли. Когда мне, уже пенсионерке, лет 10 назад понадобились совет и помощь, я обратилась именно к Люсе, зная, что не услышу пустых посулов, а твердое «да» или: «нет, не смогу». И Люся помогла мне с завидной готовностью.

Последние несколько лет мы регулярно перезванивались уже без всякой надежды увидеться, и в наших спорах и в обсуждениях тех или иных событий, в стремлении поделиться своими новыми мыслями, почитать друг другу любимые стихи, рождалась та самая доброжелательная взаимная поддержка, которой порой так не хватает людям...

Из эпизодов моей прошлой жизни, связанных с Л. К., мне особенно запомнились два, и сейчас я их расскажу.

Середина или конец 60-х — словом, Брежневская эпоха. Мы с Люсей заняты изданием факультетской стенгазеты, причем Люся как партийный товарищ — ответственный редактор, а я член редколлегии. У нас в редколлегии есть один студент — хороший фотограф. Уж не помню, кому из нас пришла в голову мысль сделать фотоподборку «Восток в Ленинграде» — благо, памятников достаточно. Наш фотограф берется за дело и приносит нам снимки: сфинксы разных видов, буддийский храм, синагога, мечеть, фигурка Лао Цзы, еще что-то. Отводим под эту «выстав-

ку» целый лист и прикрепляем всю газету на стену. В тот же день один из наших коллег — преподавателей факультета, бдительный член университетского парткома, встречает Люсю и говорит ей:

— Что это ты разводишь в стенгазете сионистскую пропаганду?

— Какую пропаганду?

— А что, шестиконечная звезда на воротах синагоги — не символ сионизма?

— Для меня это не сионистский символ, а память о тех, которые гибли в фашистских газовых камерах!

Но этот правдивый и бесстрашный ответ не действует на бдительного члена парткома, он докладывает обстановку своим парткомовским боссам, те требуют газету к себе, приказ передают Люсе, и она, подчиняясь партийной дисциплине (с этим было строго!), посылает студентку — члена редколлегии снять газету и отнести в партком.

— Почему?- удивляется девочка.

— Там представлено много культовых памятников.

— А это хорошо или плохо?

Л. К. не хотела подымать шум, понимая всю абсурдность ситуации, может быть, даже мне не хотела ничего говорить, но... В этом же злосчастном номере газеты мы поместили стихотворение одного нашего первокурсника с призывом уйти от мира и погрузиться в Нирвану. Написано оно было в том же размере, что и юмористическое романсеро Козьмы Пруткова «Осада Памбы», но в серьезном тоне. Мы с Люсей, получив этот опус, много смеялись, и я тут же сочинила пародийный ответ в аналогичном размере, закончив цитатой из того же Козьмы Пруткова: «Подарить ему барана — он изрядно подшутит!»

Этот ответ мы собирались поместить в следующем номере стенгазеты, но сейчас Люсе срочно понадобился текст — на всякий случай взять с собой в партком, вдруг кто придерется к сомнительным стихам первокурсника, а у нас уже готов ответ для следующего номера. Но парткому было не до стихов: как реагировать на синагогу в контексте буддийского храма и мечети (это происходило еще до разгула исламского терроризма)? Вроде бы и невинно, но... Сионизм он в любом контексте сионизм. Не зная, что делать, газету отправляют выше — в райком. Там тоже пожимают плечами — как трактовать такую проблему?

А на факультете волнение. К Люсе и ко мне все время обращаются: почему сняли газету? Отвечаем честно: потому что там было изображение синагоги. Реакция в большинстве случаев — недоуменный встречный вопрос:

— Как? Разве там была синагога? А мы и не заметили...

Дальнейшая судьба газеты была такова: райком, не зная, что делать с ней, отправляет ее обратно в партком («пусть они и отвечают!»), и из парткома по той же причине на факультет («пусть они в случае чего сами и отвечают!»). Партбюро факультета, не углядев в газете никакого криминала, разрешает повесить ее вновь, а народ теперь уже разглядывает синагогу, все обращают на нее должное внимание и комментируют.

Другой случай, более серьезный. Прошло лет 25, мы с Л. К. уже немолодые, обе «остепененные» доктора наук. Как-то июньским вечером, часов в 9, звонит мне Люся. Тон какой-то растерянный, чуть ли не извиняющийся: «Понимаешь, мне даже неудобно к тебе обращаться, но положение безвыходное, не знаю, что делать». И рассказывает мне такую историю: приехала ее ученица не то из Бурятии, не то из Калмыкии, точно не помню. У нее на завтра назначена защита, все готово, но нет отзыва от первого оппонента, московского монголиста, она позвонила ему в Москву, он сказал, что болен и отзыва не подготовил. «Я понимаю, что это даже неприлично с моей стороны просить тебя меньше, чем за сутки. Но до каникул Ученый совет больше заседать не будет, а осенью она не сможет приехать, у нее будет ребенок». Я знаю, как Люся относится к своим ученикам, словно трепетная мать, она вникает во все их нужды, живет ими, несмотря на суровую внешность. Но не терпит недобросовестности, халтуры, очковтирательства; вообще, как мне говорил один ее ученик, она «учитель не только в специальности, но в жизненном поведении».

Я понимала, что отказом нанесла бы ей жестокую травму, но и без этого согласилась бы: мне было жалко девочку, а кроме того на согласие меня толкала присущая мне некоторая склонность к авантюризму, что Люсе было совсем не свойственно, поэтому понятно, как ей трудно было в этой ситуации обратиться ко мне с такой «противоестественной» просьбой. Все это быстро пронеслось в моем мозгу, и я сказала: «Да, конечно, пускай сейчас же привозит диссертацию, у меня в запасе сегодняшний вечер и завтра полдня».

Девочка привезла диссертацию и автореферат, и я принялась за дело. Допоздна читала работу — добротную, логично построенную, как все работы, проходящие Люсину апробацию, легла спать, и утром — Совет ведь только в 4 часа — написала свой вполне положительный отзыв и явилась на факультет во всеоружии, предварительно сообщив Люсе по телефону, что все в порядке. Это была еще докомпьютерная эпоха, и отзыв был написан от руки в одном экземпляре, его предстояло еще перепечатать на машинке.

Люся перед защитой информирует декана о смене первого оппонента, потом подходит ко мне:

— Михаил Николаевич просит передать тебе свою благодарность и просьбу, чтоб ты ни в коем случае не говорила, что работу получила только вчера вечером.

— Да что он думает, будто я полная идиотка!

И решила все-таки немного схулиганить. Идет защита. Мой черед выступать. Я выхожу на кафедру:

— Обычно оппоненты начинают отзыв с освещения достоинств работы, а потом переходят к недостаткам, я же начну с возражения автору диссертации.

И исподтишка наблюдаю. Декан бледнеет, брови у него ползут вверх, Люся смотрит на меня с недоумением и страхом, диссертантка лихорадочно хватается за карандаш. А я спокойненько продолжаю:

— Вот здесь, на странице такой-то, о возможности практического применения диссертации скромно говорится, что материал ее может быть использован в курсе истории монгольской литературы, но диссертантка неправa, значение ее работы много шире, потому что она касается общих вопросов обращения к исторической тематике в художественной литературе, возможных способов построения исторического романа в мировой литературе, соотношение в нем проблем прошлого и современности, взаимоотношения исторических личностей и вымышленных персонажей ...и еще что-то, не помню уже. Все это в диссертации было, но не так широковещательно изложено. Однако, дело сделано, симпатии Ученого совета на стороне руководителя и диссертантки, защита проходит великолепно.

Вечером мы празднуем успех, и девочки — не помню уж почему — меня спрашивают:

— Анна Аркадьевна, а Вы хотели бы вернуть молодость, чтобы Вам снова было двадцать лет?

Чуть задумавшись, отвечаю:

— Двадцать? Нет, не хотела бы, это было трудное для меня время, лучше сорок, когда я почувствовала себя человеком.

Люся, услышав это, встрепенулась:

— Да? Ты тоже предпочла бы сорок двадцати? И я чувствовала себя в сорок лучше, чем в двадцать.

Так неожиданно мы на этом и сошлись. Ох, оставаться бы навечно со-рокалетними.

Доктор филологических наук, профессор А. А. Долинина

Е. И. Кычанов — главный научный сотрудник ЛО ИВАН СССР, неизвестный,
Л. К. Герасимович. 1977 г. Бурятия

Л. К. Герасимович на кафедре монгольской филологии. 1983 г.

Празднование 60-летия Л. К. Герасимович на кафедре монгольской филологии.
Выступает тибетолог, доцент Б. И. Кузнецов. 1983 г. Ленинград

Празднование 60-летия Л. К. Герасимович на кафедре монгольской филологии. Адрес
зачитывает научный сотрудник ЛО ИВАН СССР Н. С. Яхонтова. 1983 г. Ленинград

Е. А. Кузьменков и Л. К. Герасимович на кафедре монгольской филологии. 1983 г.

Л. К. Герасимович, доцент кафедры монгольской филологии Е. А. Кузьменков, доцент кафедры истории стран Дальнего Востока Б. Н. Мельниченко, лаборант кафедры монгольской филологии С. Г. Пучков. 1985 г. Ленинград

Л. К. Герасимович и лаборант кафедры монгольской филологии Е. А. Николаева.
1986 г. Ленинград

Л. К. Герасимович и профессор Монгольского государственного университета
Д. Галбаатар. 1997 г. Санкт-Петербург

Л. К. Герасимович с выпускницей кафедры монгольской филологии Р. В. Ивлевой.
1997 г. Санкт-Петербург

Л. К. Герасимович и Р. В. Ивлева.
2013 г. Санкт-Петербург

Л. К. Герасимович и ректор СПбГУ Л. А. Вербицкая. 2000 г. Санкт-Петербург

В гостях у Л. К. Герасимович студенты (слева направо): Б. Митруев, А. Крамскова, А. Грибкова и доцент кафедры монголоведения и тибетологии М. П. Петрова. 2012 г. Санкт-Петербург

В гостях у Л. К. Герасимович. Слева направо: М. П. Петрова, член Союза монгольских писателей Ц. Тумэнбаяр, Р. В. Ивлева. 2013 г. Санкт-Петербург

7. Список основных работ Л. К. Герасимович

I. Монографии

1. Литература Монгольской Народной Республики (1921–1964 гг.). ЛГУ. 1965. 311 с. — То же. History of modern Mongolian Literature. Bloomington: The Mongolian Society. 1970. 372 p. на англ. яз.
2. Монгольское стихосложение (опыт экспериментально-фонетического исследования). ЛГУ. Ленинград. 1976. 127 с.
3. Литература Монгольской Народной Республики (1965–1985 гг.). Очерки прозы. ЛГУ. Ленинград. 1991. 212 с.
4. Монгольская литература XIII — начала XX вв. (материалы к лекциям). Элиста. Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. 2006. 361.

II. Научные статьи и переводы

1. Под солнцем свободной Монголии. Новый мир. № 4. С. 272–275. 1952.
2. Творчество современного монгольского писателя Ц. Дамдинсурена. Автореферат кандидатской диссертации. 1956.
3. Из истории современной монгольской литературы (Поэтическое творчество Ц. Дамдинсурена 30-х гг.) Вестник Ленинградского университета. № 20. Сер. Истории, языка и литературы. Вып. 4. 1956. С. 139–149.
4. Литература Монгольской Народной Республики. Свет над Байкалом. № 2. 1957.
5. Повесть Ц. Дамдинсурена «Отвергнутая девушка» и ее роль в процессе становления современной монгольской литературы. Ученые записки

- (ЛГУ) № 282. Сер. Востоковедческих наук. Вып. 11. Л., 1959. С. 144–157. То же: Журнал «Цог». 1960. № 2. С. 83–95. На монг. яз.
6. Сторож. Рассказы писателей Востока. Л. 1959. С. 259–276.
 7. «Гологдсон хүүхэн» гэдэг тууж. Цог. 1960. № 2. У-Б. На монг. яз.
 8. К истории развития монгольской драматургии: Ч. Ойдов. Ученые записки (ЛГУ) № 306. Сер. Востоковедческих наук. Вып. 16. Филология стран Востока. 1962. С. 87–111. То же: Газета «Сонин утга зохиол». № 10. 1963. на монг. яз.
 9. Ч. Ойдовын жужгийн тухай. Соёл утга зохиол. № 10. 1963. На монг. яз.
 10. Д. Нацагдорж. Писатели стран народной демократии. М., 1960. С. 143–173. — То же. журнал «Цог». 1963. № 2. С. 65–75; 1963 № 3. С. 108–130. на монг. яз.
 11. Д. Нацагдорж. Цог. № 2. 1963. С. 65–76.; № 3. С. 108–130. На монг. яз.
 12. Образ Ленина в монгольской литературе. Народы Азии и Африки. № 2. 1963. С. 118–122.
 13. Старый дархан (перевод). Современная Монголия. № 6. 1963.
 14. Новеллы монг. писателя С. Эрдэнэ. Вестник Ленинградского Университета. № 20. 1963. С. 65–73.
 15. Монгольские сказки. Сказки народов Востока. М., 1962. С. 289–293.
 16. Лирика монгольского поэта Ц. Гайтава. Филология стран Востока. Сборник статей. Ленинград. 1963. С. 126–135. То же: Газета «Соёл утга зохиол». № 13 (378). 1964. На монг. яз.
 17. Рассказы монгольских писателей. Багряный горизонт. М., 1964.
 18. Фольклорные традиции в литературе МНР. Национальные традиции и генезис социалистического реализма. М., Наука. 1965. С. 640–666.
 19. К вопросу о связях монгольской и советской литератур. журнал «Народы Азии и Африки». № 5. 1967.
 20. Роза (перевод). Современная Монголия. № 5. 1967.
 21. Непрочитанное письмо (перевод). Там же. № 4. 1968.
 22. Начало пути (перевод). Там же. № 7. 1968.
 23. Жеребенок галшаровских (перевод). Современная восточная новелла. М., 1969.
 24. Советско-монгольские литературные связи. Современная Монголия. № 11. 1970.
 25. Литература новой Монголии. Вопросы литературы. № 6. 1970.
 26. К вопросу о характере ударения в монгольском языке. Вестник Ленинградского университета. 1970. № 14. С. 131–137.
 27. Рассказы монгольских писателей (переводы). Нева. № 8. 1970.
 28. Ударение в монгольском языке. Монголы судлал. У-Б., 1970. С. 183–190.

29. Зарождение литературы социалистического реализма. Очерки истории культуры МНР. Бурятское книжное издательство. Улан-Удэ., 1971. С. 83–105.
30. Формирование и развитие литературы социалистического реализма. Там же: с. 319–358.
31. Рассказы монгольских писателей (переводы). Нева. № 7. 1971.
32. БНМАУ-ын уран зохиол. Номан оршил. (1921–1964). Гаададынхан монголын тухай. У-Б. 1971. С. 310–312.
33. Экспериментально-фонетическое исследование монгольского стиха. Проблемы алтаистами. Тезисы докладов. Элиста., 1973.
34. Характеристика ритмической природы монгольского стихосложения» Вестник ЛГУ. № 8. Вып. 2. 1973.
35. Этапы большого пути. Вопросы литературы. 1973. № 12. С. 145–161.
36. Становление художественного метода новейшей монгольской литературы. Теоретические проблемы литератур Дальнего Востока. Л., 1974. С. 19–20.
37. О системе монгольского стихосложения. Народы Азии и Африки. № 3. 1974.
38. Монгольское стихосложение: экспериментальное исследование. Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы докладов. Л., 1974. С.13–14.
39. Дашдоржийн Нацагдорж. Библиографический указатель. М. 1975.
40. Монгольская поэзия наших дней» Литература зарубежной Азии в современную эпоху. М. 1975. С. 19–32.
41. Монгольское стихосложение. Автореферат докторской диссертации. Л., 1976.
42. Историко-революционная тема в монгольской литературе. Вестник ЛГУ. № 14. Вып. 3. 1977. С. 168–172.
43. Некоторые проблемы становления прозаического жанра новейшей монгольской литературы. Теоретические проблемы изучения Дальнего Востока. М. 1978. С. 47–49.
44. Становление современной монгольской прозы. Вестник ЛГУ. № 8. Вып.2. 1979. С. 55–60.
45. Монгольское стихосложение. Актуальные проблемы сравнительного стиховедения. Фрунзе., 1980.
46. Советско-монгольские литературные связи в 20–40-х гг. Культурные и научные связи между СССР и МНР. М., 1981. С. 57–81.
47. Взаимосвязи монгольской и Советской литератур (1940–1980). Культурные и научные связи между СССР и МНР. М.: Наука 1981. С. 200–224.

48. Современная монгольская повесть. Повести монгольских писателей. М. 1982. С. 5–16.
49. Литературные связи (1921–1940 гг.). Сотрудничество СССР и МНР в области науки и культуры. Новосибирск., 1983.
50. Взаимосвязи монгольской и советской литератур (1940–1980). Там же. С. 106–113.
51. Роман Д. Нацагдоржа «Мудрая Мандхай». Вестник ЛГУ. № 2. 1984. С. 52–56.
52. Характерные особенности монгольской литературы XIX — начала XX вв. Всесоюзная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Б. Я. Владимирцова. М., 1984. С. 152–153.
53. Рассказы монгольских писателей (составление). Рассказы монгольских писателей. М. 1984.
54. Основные тенденции развития монгольской литературы на современном этапе. IV международная конференция монголоведов. II т. Улаанбаатар. 1984 (85). С. 407–414.
55. Светские мотивы в лирической поэзии Д. Равжы. *Mongolica: Памяти В. Я. Владимирцова (1884–1931)*. М., 1986. С. 23–35.
56. Монгольская литература: традиции и новаторство. V международный Конгресс монголоведов. Доклады советской делегации. М., 1987. Ч. 2. С. 28–36.
57. Современная монгольская повесть. Повести монгольских писателей (в 2 т.). Т. I. М., 1982. С. 5–16. То же: Гадаадынхан монгол уран зохиолын тухай. Улаанбаатар. 1987. Улаанбаатар, 1987. С. 25–39. На монг. яз.
58. Характерные особенности монгольской литературы XIX — нач. XX в. Востоковедение: Филологические исследования. Вып. 14. Л., 1988. С. 15–27.
59. Предисловие. Смысл прошлого и настоящего: монгольские писатели о молодежи. Востоковедение. М., 1988. С. 5–14; 45–75.
60. С. Дашдооров «Беглец» (перевод). Монголия. № 11. 1989. С. 31–32.
61. Д. Нацагдоржийн уран бүтээлийн уламжлал, БНМАУ-ын орчин үеийн утга зохиолын зарим асуудал: Д. Нацагдоржийн уламжлал, утга зохиолын өнөөгийн зангила асуудлууд. Улаанбаатар, 1990. С. 103–123.
62. Новейшая монгольская литература и фольклор. Востоковедение: Филологические исследования. Вып. 17. ЛГУ. Л., 1991. С. 56–66.
63. Взаимосвязи русской и монгольской литератур (тезисы). Межлитературные связи Востока и Запада. Материалы международной научной конференции. СПб., 1995. С. 30–35.
64. Максим Горький и Монголия. Межлитературные контакты Востока и Запада. СПб., 1997. С. 51–56.
65. Позднее А. М. Там же. С. 79–86.

66. Литература Монгольской Народной Республики: 1965–1985. Очерки прозы. Л., 1991. 212 с.
67. Выдающийся русский монголовед. А. Позднеев (1851–1920). Вести. СПбГУ. Сер. № 2. 1996. Вып. 3. С. 88–95.
68. Козин С. А. Российские монголоведы (XVIII — нач. XX в.) Улан-Удэ. 1997. С. 127–133.
69. Ц. Дамдинсурэн. Писатель и ученый. VII конгресс монголоведов. 1997.
70. Художественное творчество Ц. Дамдинсурэна. Mongolia-IV. СПб., 1998. С. 11–16.
71. Еще раз о рассказе Д. Нацагдоржа «Слезы ламы». Mongolia-VII. СПб. 2007. С. 20–22.
72. Некоторые особенности лирической прозы Д. Батбаяра. Олон улсын монголч эрдэмтдийн X их хурлын илтгэлүүд. II боть. Монгол хэл, соёлын тулгамдсан асуудлууд. Улаанбаатар. 2012. С. 296–300.

Глава II

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

1. Страницы биографии

Людмила Константиновна не вела дневников. Не знаю, вела ли она их в молодости, но совершенно точно не в последние годы. Когда я приходила к ней, она часто рассказывала много интересных историй о своей жизни. И эти истории переносили меня далеко в довоенную эпоху, время второй мировой войны, послевоенное время. В детстве она жила с родителями на углу улицы Восстания и улицы Жуковского. Однажды мы проезжали мимо и Людмила Константиновна показала мне дом. Рассказала, какой красивой была парадная с коврами на лестнице. Квартира была просторной с красивой мебелью и благородной посудой. Во время войны отец пустил жить семью знакомого, который затем после войны отказался выезжать и квартиру пришлось разделить. Училась в школе на Восстания. В школе у нее была очень близкая подруга, которую тоже звали Людмилой. Но, несмотря на то, что они были тезками, по складу характера подруги были совсем разные. Одна хрупкая, нежная, ранимая со светлыми волосами, другая бойкая, энергичная, темноволосая. Людмила Константиновна предполагала, что возможно, та решила взять шефство над ней. Класс был дружный. Это был выпуск, который закончил школу, а назавтра началась война. Вчерашняя школьница копала окопы под Ленинградом. Однажды она подвернула ногу и ее несли на носилках. Затем

эвакуация. В эвакуации Людмила жила и работала в Кунгуре. Работала медсестрой и учителем. От истощения ее спасли переливанием крови. Но о трудностях, о том, что голодали, Людмила Константиновна почти ничего не рассказывала, все больше о детишках, о том, что они еще долго присылали ей письма, даже став взрослыми. Рассказывала о красоте кунгурских пещер, и о том, как однажды ехала на санях по тихому заснеженному лесу.

Все мальчики ушли на фронт, со многими одноклассниками Людмила Константиновна переписывалась. Переписывалась она и с подругой Людмилой. Было много фронтовых писем, помню письмо от Людмилы, написанное на обратной стороне клочка агитационного плаката. В условиях войны порой не на чем было писать. Но в тяжелейших условиях подруги находили время для того, чтобы почти каждый день отправлять друг другу письма. Однажды письма от Людмилы прекратились. Позже Людмила Константиновна узнала, что Людмила попала под бомбежку и погибла. Это была утрата, которую Людмила Константиновна не забыла и с болью вспоминала всю свою жизнь. Незадолго до своего ухода Людмила Константиновна стала подчищать архив, сжигая самые близкие, личные письма. Это были письма от Льва Абрамовича, которые она ежедневно получала, когда находилась вдали от него в зарубежной командировке, фронтовые письма одноклассников, письма от подруги Людмилы.

Еще вспомнился один эпизод. Мальчик из класса, уходя на фронт, сказал ей: «Когда вернусь с фронта, скажу тебе что-то очень важное». Но он не вернулся. Что хотел сказать молодой человек девушке-однокласснице, остается догадываться. Такова была судьба страны и судьба многих молодых людей того времени. На групповой фотографии запечатлен 10 класс 2-й выпуск 32-ой железнодорожной школы. Фотография датирована 1941 годом. Трое мальчиков из класса были отправлены на офицерские курсы по Ладогe на барже вместе с такими же как они мальчишками. Их баржу разбомбили фашисты и все ребята погибли. Одну девочку повесили немцы в оккупации, она была партизанкой в Ленинградской области. Большинство ребят из класса погибли в войну. Но те, кто выжил, пережив весь ужас войны, прожили долгую жизнь. После 90-летия были живы 7 человек из класса (5 девочек и 2 мальчика). Не иначе, как их одноклассники — ребята, трагически погибшие так рано, завещали им долгую жизнь.

Из одноклассников Людмилы Константиновны я лично знала Валентину Михайловну Михайлову и Надежду Федоровну Дубнякову-Шанину. Но особенно близка была Надежда Федоровна, с которой связывала дружба на протяжении всей жизни. Надежда Федоровна в детстве ча-

сто бывала в доме у Людмилы Константиновны, очень тепло и по-дочерни относилась к ее родителям. Для нее это была вторая семья - родную мать Надежда Федоровна потеряла в блокаду. Про Августу Михайловну она так и говорила, что считает ее второй мамой. Даже будучи уже взрослым, а затем пожилым человеком, она признавалась, что часто мысленно обращается за советом к Августе Михайловне или спрашивает себя, а что бы сказала Августа Михайловна в такой ситуации. Дружба на протяжении жизни — это великий дар, способность сохранить светлую дружбу дана не каждому и такая способность характеризует как одну сторону, так и другую. Людмила Константиновна знала цену дружбе, настоящим человеческим отношениям и могла всю себя отдавать, сопереживая и поддерживая другого. Надежда Федоровна — чистейшая, искренняя, открытая, добрая душа. Судьба наградила ее любящим и заботливым сыном, прекрасными внуками. Людмила Константиновна была крестной мамой сына Надежды Федоровны, Володи. Володя с большим уважением относился к крестной, звонил, приезжал в праздники, поддерживал в нужные моменты. В последние годы, когда подруги уже не могли свободно передвигаться и навещать друг друга (жили в разных концах города), они завели порядок созваниваться дважды в день в строго определенное время: утром, чтобы узнать как прошла ночь, и днем, чтобы удостовериться, что день прошел благополучно, поделиться мыслями, впечатлениями, почитать что-нибудь вслух. Людмила Константиновна не любила и не поддерживала разговоры на бытовые темы, поэтому разговоры с ней были всегда о чем-то более высоком.

По воспоминаниям Володи, незадолго до своего ухода в одном из таких телефонных звонков Людмила Константиновна сказала подруге: «Надя, я тебя очень люблю».

Елизаветино

Людмила Константиновна любила бывать на природе. Период, когда они могли выезжать на дачу в Елизаветино, пожалуй, был самым счастливым. Тогда были живы родители, папа Константин Васильевич и мама Августа Михайловна, а Людмила Константиновна и Лев Абрамович были молодыми и полными сил. На даче не было огорода, но весь двор был засажен цветами, особенно много росло гладиолусов. Однажды, когда я принесла гладиолусы, Людмила Константиновна сказала, что очень любит их и рассказала про дачу. Но в тоже время, она призналась, что эти цветы навевают грусть и воспоминания о прошлом. На дачу погостить приезжали друзья, и даже студенты.

Мама Августа Михайловна была замечательным кулинаром и превосходной хозяйкой. В самые трудные времена она умудрялась приготовить вкусный обед, сшить дочери новое платье или юбку хотя бы из старых папиных брюк.

В доме часто бывали гости, угощались пирогами Августы Михайловны и потом всегда вспоминали, как вкусно и тепло их принимали. Отношения с мамой были очень трогательными, когда родители уезжали на лето в деревню, теплые подробные письма, пропитанные любовью и заботой, писались каждый день. Но Людмила Константиновна считала маму строгой, более строгой, чем папа. Папе можно было пожаловаться, поплакать у него на коленках, обняв за шею. Мама была более сдержанна. В детстве, как вспоминала Людмила Константиновна, днем не дозволялось просто сидеть и читать книгу, только, когда переделаны все дела и есть свободное время. В самом раннем детстве нельзя было входить в комнату, когда в ней находились взрослые гости. Или, если приходилось сидеть за столом с гостями, не дозволялось вмешиваться в их беседу.

Книги из детства

Одно из ярких воспоминаний детства — когда родители подарили роскошную в бархатном переплете, с красивыми рисунками книгу. Это был Марк Твен «Приключения Тома Сойера». Некоторые книги остались с детства и Людмила Константиновна подарила их моим детям. Сейчас передо мной на письменном столе лежат эти книги: Семен Полоцкий «Каквас» (Государственное издательство типографии Печатный двор. Ленинград. 1928 г.); И. Грязнов «Искатели мозолей» (ОГИЗ. 1931 г.); С. Федорченко «Четыре дневника» (Государственное издательство. Москва/Ленинград. 1930 г.), набор иллюстраций с подписью Людмилы Константиновны: «Миша и Саша, придумайте историю по этим картинкам». Есть еще конверт, в который вложены фотография с монгольскими детишками и поздравительная открытка с надписью: «Дорогой Миша, становись год от года все лучше, добрее, мужественнее и сильнее. Настоящий мужчина всегда готов принять на себя самое трудное. Живи, расти и думай, думай, думай. Обнимаю тебя. Л. К.» И еще одна открытка, которую я бережно храню: «Дорогая Регина! Желаю, чтобы Ваш сын всю жизнь приносил Вам только радость! Поздравляю всю вашу семью с сыном и внуком! 15 августа 1999 г. Л. К. и Л. А.» Когда дети подросли, Людмила Константиновна приглашала их в гости. Особенно

любила беседовать с Мишей, отмечала его глубину и рассудительность. Саша (на четыре года младше брата), немного посидев, начинал ерзать на стуле, болтать ногами, а потом вставал и ходил по комнате, рассматривая висевшие на стене картины и изображения с монгольскими сюжетами. Сашу Людмила Константиновна называла непоседой. Уходя, дети одинаково трогательно задирали носики, подставляя лицо для поцелуя. Рассмеявшись, Людмила Константиновна приобнимала их и целовала в щечку.

Лев Абрамович и Людмила Константиновна

Людмила Константиновна была на последнем курсе университета, а Лев Абрамович уже работал преподавателем. Впервые они обратили внимание друг на друга во время подготовки к празднику 7 ноября. Людмила Константиновна была редактором стенгазеты. Выйдя из университета, они разговорились по пути и вместо того, чтобы пойти прямо по Невскому, как обычно она ходила домой, они пошли через Дворцовую и Марсово поле. Сразу же после этой прогулки Людмила Константиновна поняла, что произошло что-то очень важное. Она полюбила. Встретила человека всей своей жизни. То же самое, наверняка, почувствовал и Лев Абрамович. Их отношения всю жизнь оставались нежными, трепетными, наполненными любовью, заботой и тревогой друг о друге, и, конечно, очень уважительными друг к другу. Лев Абрамович знал, какой ранимой и чувствительной на самом деле была Людмила Константиновна. Он называл ее тургеневской девушкой и понимал, что ее надо защищать и оберегать. Еще он часто говорил ей: «Ты слишком женщина». Такой ее знали только самые близкие люди. О том, что болит, что ранит ее, Людмила Константиновна никому не говорила и никогда никому не показывала. Всегда была собрана, сдержанна, владела собой и держалась достойно в любой ситуации. Только ей самой и близким было ведомо, какой ценой ей все это доставалось. Близким людям она была предана полностью и без остатка.

Что же имел в виду Лев Абрамович, называя Людмилу Константиновну тургеневской девушкой, можно предполагать. Воспитанная на литературе 19 века, тонко чувствующая, склонная к рефлексии, явный интроверт, с войной рано пережившая потрясения и лишения, она, кажется, всю жизнь боролась с внутренней тревожностью, непонятно откуда берущейся душевной болью. И это колоссальное напряжение гасилось за счет самодисциплины, характера, воли и, несомненно, высокой внутренней культуры.

Людмила Константиновна и литература XIX века

Людмила Константиновна была воспитана на литературе XIX века. И порой казалось, что она родилась не в свое время, да и она сама так говорила. XIX век ей был ближе по духу. Родившись в начале XX века, она застала все же остатки атмосферы предыдущего века, прошло ведь не так много времени. Родители ее воспитывались и сформировались в XIX веке, в такой атмосфере растили и дочь. Поэтому тяга к тому времени, любовь к литературе XIX века были естественны для Людмилы Константиновны. Она считала, что настоящая литература должна побуждать человека думать, задумываться о глубоких вещах. Она признавала только литературу, в которой главным был человек и его душа, где оттенки человеческих переживаний и чувств отражались тонко, глубоко и полно. Именно поэтому в своих литературоведческих исследованиях столько внимания Людмила Константиновна уделяла психологизму и это было для нее самым важным критерием в оценке и анализе произведений прозы.

Достоевского и Чехова предпочитала Толстому, Лермонтова, Блока, Некрасова — Пушкину. Для нее литература, независимо от того, находилась ли она в роли читателя и исследователя, всегда была тяжелой работой души, которая болела, страдала, истекала кровью. Каждое произведение она пропускала через себя, прочувствовав эмоции, боль, переживания и трансформации. Иногда, особенно в последние годы, признавалась, что взялась в очередной раз за Чехова или Достоевского и не смогла продолжить, слишком тяжело. Чтобы дать душе отдохнуть, брала Агату Кристи или Стендаля. Восхищало, что при этом она не ограничивалась только классикой. Профессиональный интерес ее распространялся на современную русскую и зарубежную литературы. Она читала произведения постмодернизма (В. Пелевин, А. Королев, В. Ерофеев и др.), русскую беллетристику (Т. Толстая, Д. Рубина, Л. Улицкая и др.), современных зарубежных авторов (обоих Мураками, Паоло Коэльо, Дэна Брауна и др.) С чем-то соглашалась, что-то не принимала, но читала, чтобы знать, чтобы быть в курсе, что происходит сейчас в литературе.

С подругой Надеждой Федоровной в ежедневных телефонных разговорах беседовали о прочитанном, делились мнениями. Часто Людмила Константиновна зачитывала строки из любимых поэтов, ведь Надежда Федоровна видела уже плохо и сама читать не могла. С Анной Аркадьевной Долининой были, возможно, более профессиональные обсуждения, интеллектуальные споры. Они были равны по своему образованию, воспитанию, положению, интеллекту, но по складу характера, по жизненному

подходу, взглядам были очень разными. Иногда, реагируя на мой порой чрезмерный позитивизм, Людмила Константиновна по-доброму говорила: «Вы с Анной Аркадьевной похожи, вот с ней бы Вы нашли общий язык».

Не разделяла она моей склонности всегда, всем и всему находить оправдания. Людмила Константиновна во многом была строга, часто категорична. В первую очередь к самой себе. Но считала, что и к другим надо быть требовательным, чтобы не потакать плохому в человеке. Она была очень пунктуальной и обязательной. Об этом скажет каждый, кто знал Людмилу Константиновну. Не терпела непунктуальности и необязательности со стороны других. Когда у меня была назначена встреча с Людмилой Константиновной, я старалась не опаздывать, а то и приходиться немного раньше. А из-за того, что, как назло, что-нибудь да где-нибудь задерживало, я, как правило, прибегала не раньше, как хотела бы, а ровно минута в минуту. И Людмила Константиновна это подмечала. Не знаю уж, с упреком или одобрением говорила: «Вы пунктуальны, пришли минута в минуту». Это же касалось телефонных звонков. Если договорились, что позвоню в два, значит, ровно в два. Бывало, конечно, и далеко не раз, когда я опаздывала, иногда за это доставалось. Но, если быть откровенным, то ко мне Людмила Константиновна всегда была по-матерински добра и снисходительна. Поэтому, если даже я и бежала на встречу со всех ног, то не потому, что боялась выговора, а потому, что не хотелось заставлять ее ждать, так как со временем я начала больше понимать, что стоит за этим.

Беседы с Людмилой Константиновной

Людмила Константиновна верила в силу слова. Она считала, что теплая беседа, искреннее участие способны помочь человеку. Поэтому она никогда не скупилась на общение со своими студентами, каждому готова была уделить столько времени, сколько необходимо. Общение никогда не ограничивалось только рабочими моментами, это всегда было глубокое душевное и интеллектуальное общение. Часто Людмила Константиновна задавала вопрос, который, как правило, касался проблем нравственности (что такое добро, что считать нравственностью и пр.) и в ожидании ответа проницательным взглядом смотрела на собеседника. Мне кажется, мои ответы не всегда удовлетворяли ее. Тем не менее мы беседовали, пили чай. К чаю всегда было что-то очень вкусное. А со временем Людмила Константиновна даже готовила обеды, если знала, что иду не из дома. Это мог быть вкуснейший куриный бульон, который она готовила сама,

или купленные в «Лэнде» к моему приходу запеканка из цветной капусты или запеканка с картофелем и грибами, которые Людмила Константиновна разогревала на сливочном масле. В такой домашней атмосфере, угощаясь обедом, мы вели беседу. Людмила Константиновна иногда рассказывала истории из своей жизни, я слушала, затаив дыхание, живо представляя то, о чем она говорила. Теперь жалею, что не записывала все это. Но тогда казалось, что это будет продолжаться всегда. Всегда будет Людмила Константиновна и наши встречи, беседы тоже будут всегда... Поэтому уход Людмилы Константиновны, каким бы закономерным он ни был, для меня оказался неожиданным и внезапным. Ушел очень близкий, душевно близкий мне человек. Мы были очень разными, наши мнения во многом не совпадали, но это никак не влияло на душевную теплоту и заботу в наших отношениях. Людмила Константиновна была для меня тем человеком, к которому я могла прийти со своими переживаниями и получить поддержку и понимание. Бывали моменты, когда только Людмиле Константиновне я могла доверить то, что не доверила бы больше никому другому. Но при этом я никогда не теряла ощущения дистанции, которое бывает между учителем и учеником. Для меня Людмила Константиновна, впрочем как и для многих ее учеников, Учитель с большой буквы. Учитель не только в науке, но и Учитель жизни, пример благородства, достоинства, самоотдачи, образец высочайшей внутренней культуры.

Пожалуй, расскажу еще, каким образом, как мне кажется, завязались наши особые отношения с Людмилой Константиновной. Эта история прекрасно демонстрирует ее мудрость как педагога и наставника. На втором курсе в зимнюю сессию мы сдавали зачет. Несмотря на полную готовность к предмету, на кафедру я явилась не в лучшем состоянии духа, по причине совсем не имеющей отношения к учебе. Когда пришел мой черед отвечать, Людмила Константиновна, проницательно посмотрев, спросила, не случилось ли чего у меня. На что я, скорее всего с недовольным видом, быстро собрала вещи и, не попрощавшись, покинула аудиторию. Конечно, это не было проявлением дерзости с моей стороны, хотя, скорее всего, так и выглядело. На самом же деле, после участия Людмилы Константиновны, почувствовав, что подкатывают слезы, я поспешила уйти, чтобы никто их не увидел. К удивлению, эта история не имела негативных последствий, зачет я успешно сдала в следующий раз, будто бы ничего такого и не было. В конце одного из уроков, я подошла к Людмиле Константиновне с пустяковым шоколадным Дедом Морозом, извинилась за свое поведение на зачете и объяснила причину. Людмила Константиновна, мягко улыбнувшись, сказала: «Я все так и поняла». А после сле-

дующего нашего с ней урока она подарила мне хрустальную конфетницу с серебряной каемкой. Вот так, мне кажется, и начались наши теплые отношения. Впоследствии все курсовые, дипломную работу и диссертацию я писала у Людмилы Константиновны. И если я скажу, что моя любовь к монгольской литературе началась с Людмилы Константиновны, это будет абсолютной правдой.

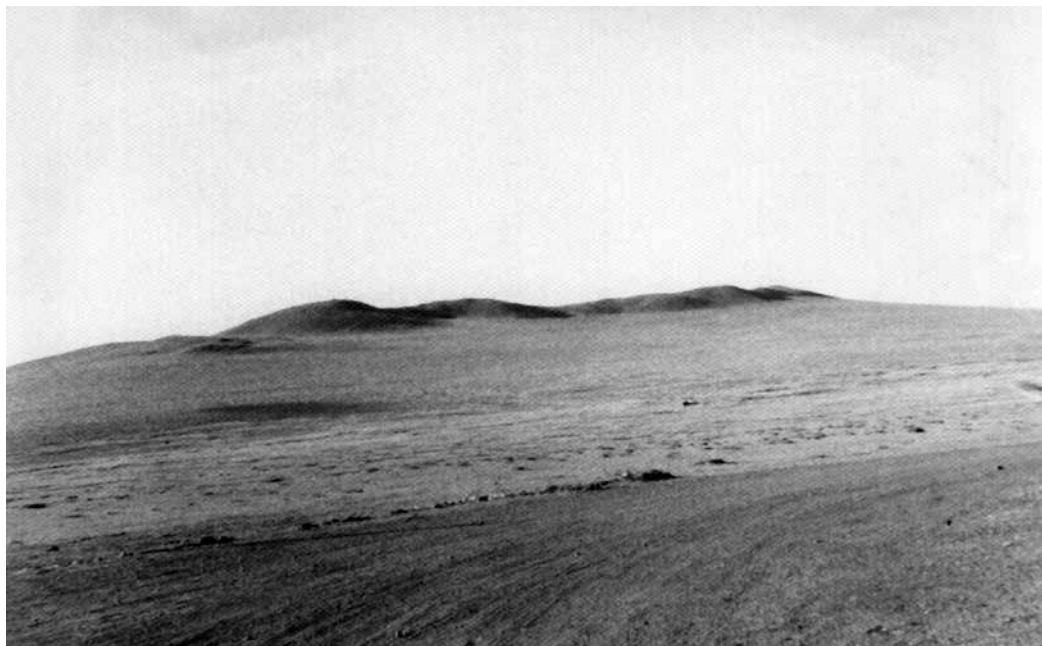
*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
ПСПбГМУ им И. П. Павлова Р. В. Ивлева*

В буддийском монастыре Гандан в Улан-Баторе. 1963 г.

Вид на монастырь Чойджина ламы (бывший Музей масок). 1963 г.

Пустыня Гоби. 1963 г.

Вид на гору Зайсан толгой и памятник советским воинам. 1963 г.

Стелы тюркского правителя Кюль-Тегина в местности Хошо-Цайдам в 80 км от Улан-Батора. 1963 г.

Торговля верблюдами на рынке в Улан-Баторе. 1963 г.

На рынке в Улан-Баторе. 1963 г.

Продавцы и покупатели спешат на рынок. 1963 г.

Юрты и глинобитные домики в Улан-Баторе. 1963 г.

Юрточный район Улан-Батора. 1963 г.

Торговые ряды в Улан-Баторе. 1963 г.

Л. К. Герасимович среди монгольских пионеров в одной из провинций. 1963 г.

Здание Главпочтамта. 1962 г.

Главное здание Монгольского государственного университета. 1963 г.

Памятник Д. Сухэ-Батору на центральной площади монгольской столицы. 1963 г.

Вид на проспект Мира в Улан-Баторе. 1963 г.

Музей природы в Улан-Баторе. 1962 г.

Кинотеатр «Элдэв-Очир» на площади Сухэ-Батора. 1963 г.

Вид на Театр оперы и балета и гостиницу «Улан-Батор» со стороны площади Сухэ-Батора. 1963 г.

Театр оперы и балета в Улан-Баторе. 1963 г.

Вид на гостиницу «Улан-Батор» 1962 г.

Вид на гостиницу «Улан-Батор». 2016 г. Фото Д. А. Носова

Вид на главную улицу столицы проспект Мира. 1962 г.

Вид на главную улицу столицы проспект Мира. 2016 г. Фото Д. А. Носова

2. Материалы защиты докторской диссертации Л. К. Герасимович

Стенографический отчет

**Ленинградский Ордена Ленина и Ордена Трудового Красного
Знамени Государственный Университет имени А. А. Жданова**

**Заседание Ученого Совета Восточного Факультета ЛГУ
им. А. А. Жданова
19 февраля 1976 года**

Повестка дня

Защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук Герасимович Людмилой Константиновной на тему:

«Монгольское стихосложение (опыт экспериментально-фонетического исследования)»

Официальные оппоненты:

- доктор филологических наук Л. Р. Зиндер
- доктор филологических наук Г. И. Михайлов
- доктор филологических наук А. Н. Болдырев

Ведущее учреждение — Институт мировой литературы
им. А. М. Горького АН СССР

Ленинград

Оглавление

Защита диссертации Л. К. Герасимович на соискание ученой степени доктора филологических наук

Л. К. Герасимович (доклад)	4
Обзор поступивших отзывов	12
Ответы диссертанта на выступления официальных оппонентов	13
Выступление профессора В. И. Цинциус	20
Заключительное слово диссертанта	21
Заключение о диссертации Л. К. Герасимович	22
Результаты голосования	25
Решение Ученого совета	26

Заседание Ученого Совета Восточного факультета ЛГУ им. А. А. Жданова 19 февраля 1976 года

Председатель — доктор филологических наук, профессор Е. А. Серебряков

Ученый секретарь Совета — кандидат филологических наук, доцент Г. Е. Рачков

Председатель. Председатель Ученого Совета — член корреспондент АН СССР доктор филологических наук Боголюбов Михаил Николаевич болен. Заместитель председателя Совета профессор Петрушевский Илья Павлович также болен. Михаил Николаевич и Илья Павлович просили меня провести сегодняшнее заседание Ученого совета.

На повестке дня сегодня один вопрос:

Защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук заведующей кафедрой монгольской филологии доцентом Людмилой Константиновной Герасимович. Тема диссертации: «Монгольское стихосложение (опыт экспериментально-фонетического исследования)».

Официальные оппоненты:

- доктор филологических наук Л. Р. Зиндер
- доктор филологических наук Г. И. Михайлов
- доктор филологических наук А. Н. Болдырев

Ведущее учреждение — Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

Слово предоставляется Ученому секретарю Совета — доценту Рачков Геннадию Евгеньевичу для оглашения документальных данных.

Ученый секретарь. В личном деле диссертанта имеются все документы, необходимые для защиты диссертации. (Оглашаются документальные данные)

Председатель. Есть ли вопросы к Геннадию Евгеньевичу? (Нет).

Позвольте предоставить слово для доклада по теме диссертации Людмиле Константиновне Герасимович.

(Речь Л. К)

Слово предоставляется Ученому секретарю Совета для зачитания отзывов, поступивших на диссертацию и автореферат диссертации.

Ученый секретарь —

Официальный отзыв на диссертацию поступил из Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР.

(Оглашается отзыв ведущего научного учреждения. Отзыв прилагается)

Отзыв подписали: заведующий отделом комплексных теоретических проблем ИМЛИ АН СССР А. С. Мясников; заведующий отделом литературы Азии и Африки ИМЛИ АН СССР Н. И. Никулин и Ученый секретарь отдела литератур Азии и Африки А. Б. Куделин. Утвердил отзыв заместитель директора ИМЛИ АН СССР В. Р. Щербина.

Кроме официального внешнего отзыва, в деле диссертанта имеется два дополнительных отзыва:

1) отзыв, подписанный заведующим лабораторией экспериментальной фонетики БИОН ВФ СО АН СССР И. Д. Бураевым и сотрудниками ЛЭФ Т. П. Бажеевой, Б. Ж. Будаевым, Э. И. Бюраевой, Г. А. Дырхеевой, Е. С. Павловой;

2) отзыв Монгольского государственного университета. Отзыв подписали: зав.кафедрой монгольского языка и литературы кандидат филологических наук С. Моомо; зав.кафедрой монгольского языка Ж. Лувсандорж; доктор филологических наук Чой Лувсанжав.

(Оглашаются отзывы. Отзывы прилагаются)

Председатель. Переходим к заслушиванию отзывов официальных оппонентов.

Слово предоставляется первому официальному оппоненту — доктору филологических наук Льву Рафаиловичу Зиндеру.

Д. ф. н. Л. Р. Зиндер. (Оглашается отзыв. Отзыв прилагается)

Председатель. Людмила Константиновна, вам предоставляется слово для ответа официальному оппоненту.

Л. К. Герасимович. Прежде всего, я хочу поблагодарить Льва Рафаиловича за то, что он очень внимательно прочел мою работу. Мне хочется сказать, что замечания, которые были высказаны по моей работе, интересны потому, что они побуждают поразмыслить, подумать. А это всегда хорошо, когда речь идет о какой-нибудь научной работе.

Во-первых, следует, очевидно, ответить не столько на вопрос, сколько на замечание Льва Рафаиловича Зиндера об отсутствии в диссертации даже упоминания о сингармонизме монгольского языка. Упрек этот более чем справедлив; сказать о сингармонизме было, безусловно, нужно и стоит только пожалеть, что это не было сделано.

Суть в том, что, в соответствии с требованиями законов сингармонизма, гласные монгольского языка делятся на три фонологических ряда: твердые, мягкие и нейтральные. Явление сингармонизма проявляется не только в том, что в одном и том же слове не смешиваются гласные разных фонологических рядов, но и в соблюдении законов губного притяжения (если в первом слоге есть а, аа, ай, у, уу, уй, э, ээ, эй у, уу, уй, то в непосредственно следующем слоге соответственного ряда не может быть о, оо, ой).

Безусловно, следовало сказать, хотя бы в самом общем виде, о связи сингармонизма с проблемой ударения. В какой-то мере оправдать это упущение можно лишь двумя обстоятельствами:

1. Насколько мне известно, в монголоведческой литературе нет мнения о том, что наличие сингармонизма в монгольском языке может свести ударение к дублирующей роли. Наоборот, отмечая сингармонизм, большинство ученых одновременно говорило и о наличии ударения. Стало быть, сам по себе факт сингармонизма не избавлял автора от необходимости исследовать прежде всего все корреляты ударения.

2. Сингармонизм для монгольского стихосложения — все же основной цели работы — существенного значения не имеет. Об этом можно было бы упомянуть в разделе об аллитерации, но ведь стихотворные строки аллитерируются не только по гласным, но и согласным тоже.

Второе замечание Льва Рафаиловича Зиндера касается формулировки на стр.127, где говорится: «Важно отметить, что в определенном контексте могут встречаться синтагмы, не являющиеся смысловыми единицами, то есть не имеющие законченного смысла и представляющие собой отрезок осмысленно расчлененной речи».

Формулировка, действительно, мало удачна и недостаточно четко выражает смысл, вложенный в нее автором. Конкретно речь идет о следующем. В целом ряде монгольских стихов (примеров можно было бы привести много) определение или группа определений представляет собой некое ритмико-интанационное единство и соответственно с этим выступает в роли первичного метрического члена.

Например, монгольский поэт и литературовед С. Буяннэмэх, впервые упоминавший о делении монгольского стиха на синтагмы, в одном из приведенных в качестве примера стихотворении Красивая шелковая/дэль выделяет в специальную группу именно определение: красивая шелковая/ дэль.

Совершенно справедливо, что уж коли диссертант принял определение синтагмы, данное Вербой, он должен был последовательно пользоваться им до конца. В данном случае произошло нарушение этого принципа — вместо слова синтагма очевидно нужен был другой термин (ритмическая группа, минимальная синтагма, ритмико-синтаксическая фигура).

Лев Рафаилович видит противоречие в следующих формулировках: с одной стороны автор констатирует отсутствие в монгольском языке фонологического ударения (стр. 93), с другой, к примеру, отмечает, что интенсивность играет определенную роль в характере монгольского ударения (которого нет!), то же при рассмотрении длительности и тона.

Во-первых, я позволю себе обратить внимание на то, что всякого рода предположения о наличии того или иного коррелята ударения хронологически предшествуют окончательному выводу, и автор использовал их потому, что все еще надеялся найти в монгольском языке ударение. Во-вторых (и это главное), в главе о монгольском ударении автор стремился быть предельно осторожным, ни на минуту не забывая, что он стремится решить эту проблему во всем ее объеме. Конечно, трудно полагать, что если в ритмически организованной речи нет фонологического ударения, оно может появиться на других уровнях речи (что предполагают, например, монгольские товарищи в своем отзыве). И все же очевидно, что для окончательного решения проблемы ударения необходимо привлечение материала во всем его объеме.

В настоящей работе достаточно категорическая формулировка об отсутствии ударения употреблена (наряду со всякого рода оговорками) лишь потому, что если оно вдруг обнаружится, то будет настолько акустически слабо, что никакой рифмообразующей роли в стихе играть не может.

Наконец, последнее — пожелание Льва Рафаиловича привлечь в качестве диктора чтеца — профессионала. Сделать это трудно по ряду обстоятельств. В связи с этим можно сказать следующее:

у монголов нет традиции чтения стихов специальными декламаторами (ситихи читают сами поэты);

представляется, что вообще принципиально не стоило бы привлекать к эксперименту профессионального чтеца именно потому, что его искусное, как отмечает Лев Рафаилович, чтение могло искусственно выявить ритм там, где он был бы объективно слаб, а степень ритмической организованности современных стихов остается большим вопросом для многих монгольских поэтов.

Председатель. Лев Рафаилович, вы удовлетворены ответом диссертанта? (Да)

Слово предоставляется официальному оппоненту — доктору филологических наук Георгию Ивановичу Михайлову.

Д. ф. н. Г. И. Михайлов. (Оглашается отзыв. Отзыв прилагается)

Председатель. Людмила Константиновна, вам предоставляется слово для ответа на выступление официального оппонента.

Л. К. Герасимович. Я благодарю Георгия Ивановича за отзыв, однако, к сожалению, кое в чем не могу согласиться с ним.

Во-первых, я никак не могу признать правильной и доказанной, как это говорится в отзыве, точку зрения академика Бориса Яковлевича Владимирцова на систему монгольского стиха, как систему силлабо-тоническую. Экспериментальные данные не показали, что в монгольском языке есть отчетливо выраженное и воспринимаемое на слух ударение — этому вопросу в диссертации посвящена специальная глава — стало быть, невозможно говорить о наличии в монгольской метрике ни тоники, ни силлабо-тоники. Предположения выдающегося русского монголиста в данном случае не подтвердилось, не подтвердилось объективными данными, полученными на современной аппаратуре, анализирующей человеческую речь.

Взгляды бурятских ученых тщательно проанализированы во вводной главе диссертации. Поэтому представляется более чем странным утверждение не названных вами «некоторых бурятских ученых» о том, что результаты настоящего эксперимента лишь подтвердили данные, полученные для системы бурятского стиха. Во-первых, среди бурятских ученых нет единого мнения относительно той или иной системы бурятской метрики. М. Хамгашалов и В. Золхоев выступали со «словостопной» теорией, но им решительно возражал Г. Туденов. Данные, полученные в результате нашего эксперимента, касающегося монгольского стиха, ни в коей мере не подтверждают «словостопной системы» М. Хамгашалова и В. Золхоева, напротив, они категорически опровергают эту точку зрения. Во-вторых, работа Г. Туденова касается уличенного бурятского стиха и единственной точкой соприкосновения с выводами настоящей диссертации является его утверждение о тенденции к изосиллабизму бурятского (можно отметить и монгольского) стиха.

В работах бурятских ученых нет четко сформулированных выводов ни об изошренности стихотворных строк, ни о членении их на стопы-синтагмы, ни об изошренности и приблизительном изосиллабизме этих синтагм. Представляется, что было бы очень интересно провести аналогичная экспериментальное исследование на материале бурятских и калмыцких стихов, с тем чтобы установить и близость, и отличие в системе монгольского, бурятского и калмыцкого стиха.

Председатель. Георгий Иванович, вы удовлетворены ответом диссертанта? (Да)

Слово предоставляется официальному оппоненту — доктору филологических наук Александру Николаевичу Болдыреву.

Д.ф.н. А. Н. Болдырев. (Оглашается отзыв. Отзыв прилагается)

Председатель. Людмила Константиновна, вам предоставляется слово для ответа на выступление официального оппонента.

Л. К. Герасимович. Я могу лишь поблагодарить Александра Николаевича Болдырева за его чрезмерно высокую оценку моей совсем не совершенной работы. Хочу лишь объяснить, что стихи Раджи входят в число 90 исследованных стихотворений и, конечно же, нужно было оговорить, что один из 18 наиболее известных поэтов (Равжаа) относится совсем к другой эпохе — к XIX веку.

Александр Николаевич, у вас есть и принципиальное замечание, правда, выраженное вами в чересчур деликатной форме.

Характеризуя образцы фольклора, подвергнутые экспериментально-фонетическому исследованию, в диссертации написано, что это «загадки, пословицы и т. д.». Александр Николаевич справедливо недоумевает по поводу этих «и т. д.». Лапидарность здесь доведена до абсурда, ибо «и т. д.» не существует как самостоятельный фольклорный жанр. Нужно было четко сказать, что анализу были подвергнуты две, так называемые триады, которые по сути дела являются загадками, но по форме столь своеобразны, что представляют собой вполне оригинальный жанр.

Председатель. Александр Николаевич, вы удовлетворены ответом? (Да).

Кто из членов Совета или присутствующих желает выступить?

Профессор В. И. Цинциус. Исследование Людмилы Константиновны Герасимович, посвященное проблеме ритмической природы монгольского стихосложения, ставит и разрешает по-новому многие вопросы, важные не только для монголоведения. В поисках отправного пункта для экспериментально-фонетических приемов анализа строения монгольского стихосложения, Людмила Константиновна выдвигает на первый план задачу о характере связи особенностей ударения в монгольском языке с ритмикой стиха. Впервые для монгольского языка проведенные экспериментальные проверки сущности монгольской акцентами показывают, что в монгольском языке отсутствует сильное, отчетливо воспринимаемое слухом ударение (что отмечается в автореферате на стр. 14), но огромную роль играет протяженность (долгота, редукция) гласных. Отсюда вытекает определение монгольского стихосложения как стихосложения по своей природе квантитативного, со вторым связаны и все ритмические приемы организации монгольского стиха, его своеобразие.

Проблема ударения по существу не исследована для многих языков алтайской общности, в частности для языков тунгусо-маньчжурских. Оригинальное разрешение этой проблемы на материале монгольского языка является значительным вкладом в данной области, выходящим, как уже отмечалось выше за рамки монголоведение.

У меня нет никаких сомнений в том, что Людмила Константиновна Герасимович за представленную монографию заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук.

Председатель. Есть ли еще желающие выступить? (Нет). Может быть среди присутствующих есть желающие взять слово? (Нет).

Людмила Константиновна, вам предоставляется заключительное слово.

Л. К. Герасимович. Прежде всего, я хочу поблагодарить Ученый совет Восточного факультета, который принял мою диссертацию к защите и рассмотрел ее на сегодняшнем заседании.

Хочу поблагодарить официальных оппонентов — Льва Рафаиловича Зиндера, Георгия Ивановича Михайлова, Александр Николаевича Болдырева за то, что они взяли на себя труд прочитать работу, очень внимательно и скрупулезно прочитали ее и оценили положительно.

Моя самая сердечная благодарность в адрес кафедры фонетики, где начиналась моя работа. Я благодарна всем членам этой кафедры и, конечно, особая моя благодарность Людмиле Алексеевне Вербицкой, которая была моим научным консультантом и течении долгих лет и поддерживала меня морально.

Я благодарю также сотрудников кафедры тюркской филологии и ее заведующего Сергея Николаевича Иванова, которые сочли возможным рассмотреть мою работу и рекомендовать ее к защите.

Благодарю моих коллег по кафедре, которые приняли участие в обсуждении этой работы.

Благодарю неоднократно рецензента работы Вадима Борисовича Касевича, а также всех составителей внешнего отзыва.

Я думаю, что сегодня было бы уместно вспомнить тех, кого сегодня нет среди нас, это — моих учителей монгольского языка Сергея Андреевича Козина, Дмитрия Андрианович Алексеева. Хочется вспомнить руководителя кандидатской диссертации профессора филологического факультета Павла Наумовича Беркова, его колоссальную ученость, эрудицию, интеллигентность в самом высоком смысле этого слова, его удивительную душевную чуткость.

Благодарю всех товарищей, которые почтили меня сегодня присутствием на заседании.

Председатель. Слово для зачитания текста заключения о диссертации Людмилы Константиновны предоставляется Ученому секретарю Совета.

Ученый секретарь. Предлагается следующий текст заключения о диссертации Людмилы Константиновны Герасимович:

В диссертации Л. К. Герасимович решен вопрос о ритмической природе монгольской метрики, по которому в течении многих десятилетий в монголоведческой литературе показывались различные противоречивые точки зрения. В диссертации раскрыто своеобразие ритмической организации монгольского стиха и принципов монгольского стихосложения. Установлено, что монгольское стихосложение по природе своей квантитативно, а его первичным членом является синтагма.

В связи с изучением монгольского стихосложения в диссертации исследована и проблема ударения в монгольском языке, также вызывавшая споры в научной литературе. Доказано, что в монгольском языке нет отчетливого словесного ударения.

Указанные выводы получены автором методом экспериментально-фонетического исследования на основе использования современной анализирующей аппаратуры. Проанализированный материал достаточно полно представлен и выводы вполне достоверны.

Результаты, полученные в диссертации Л. К. Герасимович, имеют значение не только для монгольского литературоведения и языкознания, но могут быть небезынтересными для общей теории поэтики, ибо, к сожалению, в работах, посвященных этим проблемам, своеобразие восточной метрики освящается скудно.

Исследование проблемы ударения в монгольском языке вносит новое в представления об ударении в алтайских языках.

Л. К. Герасимович впервые в таком масштабе применила новые экспериментально-фонетические методы в стиховедении. Эффект методики, примененной автором, стимулирует использование аналогичных приемов и для изучения других систем стихосложения.

Председатель. Есть ли у членов Ученого совета замечания по предложенному тексту заключения о диссертации Людмилы Константиновны? (Нет).

Есть предложение одобрить заключение о диссертации. Кто за это предложение, прошу голосовать. (Голосование). Кто против? (Нет). Кто воздержался? (Нет).

Заключение принято единогласно.

Прежде чем объявить перерыв, есть предложение избрать счетную комиссию в следующем составе:

- профессор Ева Яковлевна Люстерник;
- профессор Арон Давыдович Новичев;
- доцент Виктор Иосифович Балин.

Будут ли замечания по составу счетной комиссии? (Нет).

Есть предложение избрать счетную комиссию в предложенном составе. Нет возражений? (Нет).

Объявляется перерыв для голосования.

(Перерыв)

(После перерыва)

Председатель. Разрешите продолжить заседание Ученого совета и предоставить слово председателю счетной комиссии — профессору Люстерник Еве Яковлевне.

Профессор Е. Я. Люстерник. (Оглашает протокол № 1 заседания счетной комиссии о распределении обязанностей. Председатель — Е. Я. Люстерник)

Председатель. Кто за утверждение протокола №1 заседания счетной комиссии, прошу голосовать. (Голосование). Протокол утверждается единогласно.

Профессор Е. Я. Люстерник. (Оглашает протокол № 2 заседания счетной комиссии о результатах тайного голосования по баллотировке Л. К. Герасимович на соискание ученой степени доктора филологических наук)

Состав Ученого совета утвержден в количестве — 24 человек.

На заседании Совета присутствовало членов Совета — 16.

Роздано бюллетеней членам Совета — 16.

В баллотированной урне обнаружено бюллетеней — 16.

Результаты голосования:

За присуждение Л. К. Герасимович ученой степени доктора филологических наук подано голосов — 16.

Против — нет.

Недействительных бюллетеней — нет

Председатель. Есть предложение утвердить протокол счетной комиссии. Кто за это предложение, прошу проголосовать. (Голосование). Протокол утверждается единогласно.

Предлагается принять решение Совета:

На основании результатов тайного голосования (единогласно), отзывов официальных оппонентов, письменных отзывов, поступивших на диссертацию, выступлений членов Ученого совета ходатайствовать перед Государственной аттестационной комиссией о присуждении Л. К. Герасимович ученой степени доктора филологических наук.

Кто за предложенное решение ученого совета, прошу голосовать. (Голосование).

Решение принято единогласно.

Людмила Константиновна, позвольте поздравить вас с успешной защитой диссертации. (Аплодисменты).

Вопросы повестки дня исчерпаны. Заседание Ученого совета объявлено закрытым.

Председатель
профессор Е. А. Серебряков

Ученый секретарь Совета
доцент Г. Е. Рачков

Монгольский Государственный Университет
06.02.1976
№1/103
Улаанбаатар

Отзыв
на докторскую диссертацию Л. К. Герасимович
«Монгольское стихосложение»

В настоящее время изучение монгольского стихосложения является одним из спорных вопросов в монголоведческой науке, требующих основательного решения. И этот актуальный вопрос о ритмической природе монгольского стихосложения рассматривается советским монополистом Л. К. Герасимович в специальном диссертационном исследовании на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Начиная еще с первой половины XIX века предпринимались попытки изучить вопрос монгольской метрики отечественными и зарубежными учеными, высказывались весьма различные мнения, даже подвер-

гался специальному монографическому исследованию и до сих пор эти ученые не сходились едином мнении. Противоречивость этих точек зрения объясняется автором следующими причинами: во-первых, тем, что большинство этих исследователей допускало недооценки фонетических особенностей монгольского языка и сводило метрику монгольского стиха к аналогичным вариантам европейских систем стихосложения, во-вторых, тем, что каждый ученый, характеризуя ритмические определители монгольского стиха, опирался лишь на собственное субъективное восприятие.

А сам автор полагает, что именно экспериментально-фонетическое исследование системы монгольского стихосложения позволит провести объективную проверку различных гипотез и выявить наиболее существенные ритмические определители, характерные для монгольского стиха. Следуя этим задачам, она посвящает вторую главу диссертации изучению характера ударения монгольском языке.

Исследователи, которые считают систему монгольского стихосложения тонической, исходят только из того широко распространенного среди монополистов положения, что монгольский язык имеет экспираторное ударение, постоянно падающее на первый слог. Поэтому автор считает необходимым выверить истинность этих положений опытом экспериментально-фонетического исследования.

Из данных, полученных на анализирующей аппаратуре выяснилось, что такие компоненты ударения в монгольском языке, как интенсивность и длительность оказались не постоянными на одних и тех же слогах, а также не удалось выявить никакой закономерности в движении тона гласных монгольского слова. Следовательно, автор сделает выводы, утверждающие что: 1) в монгольском языке нет сильного, динамического ударения, постоянно падающего на первый слог; 2) в нем вообще нет отчетливо воспринимаемого самими носителями языка ударения, выделяющего в слове один определенный слог и, исходя из этого, последовательно выдвигает идею, отрицающую точку зрения о том, что монгольское стихосложение относится к тонической и силлабо-тонической системе.

По справедливому замечанию автора представленные здесь выводы однако не претендуют на окончательное решение проблем характера монгольского ударения, ибо материалом для исследований служили только стихи монгольских поэтов, прочитанные дикторами, а не живая речь носителей самого языка. Поэтому упомянутый выше вывод приемлем только по отношению к стихотворной речи, а не по отношению ко всем уровням языка.

В третьей главе диссертации включен опыт экспериментального анализа метрической системы монгольского стихосложения. Здесь проверяя теорию изошренности строк методом экспериментально-фонетического исследования автор объективно обосновала, что изохронность является первым, существенным ритмическим определителем в системе монгольского стихосложения. Это положение автора подтверждается другими любопытными результатами эксперимента, таких как внутренняя мера.

В результате данных осциллограмм установилось, что каждая строка монгольского стихосложения либо может представлять собой первичную единицу, либо может делиться на симметричные части синтагмы, каждая из которых обладает общими признаками, и создавая ритм, повторяется внутри строки. Такая внутренняя мера существует в виде «ритмико-синтаксической фигуры» в монгольском стихосложении. Эта точка зрения была основана еще в 1935 году нашим писателем и теоретиком литературы С. Буяннэмэхом и эти наблюдения подтвердились данными, полученными в результате исследования монгольских стихов современной анализирующей аппаратурой.

В результате экспериментально-фонетического исследования, проведенного Л. К. Герасимович, показано, что в основе соизмеримости подобных синтагм лежит изохронность: стопы, из которых состоит стих, очень близки по времени, необходимому для их произнесения.

Что касается других ритмических определителей монгольского стихосложения, то нам представляется глубоко убедительным то мнение, которое высказывалось автором, что равнословность строки не причина, а следствие ритмичной организации монгольского стиха, ибо ритм, вообще, не имеет независимого от синтаксиса значения. Мы помогаем, что принцип смыслового и синтаксического параллелизма сопоставимых строк, и равнословность, и равносложность аргументированы с той же изошренности строк к внутренней меры, которые имеют доминирующее значение в ритмическом строении монгольского стихосложения. Наличие в монгольском стихе таких традиционных ритмических определителей, как ритмико-синтаксический параллелизм, аллитерация и рифма не вызывает сомнения и у нас. Мы вполне согласны с проведенными экспериментами и выводами, сделанными на их основе, а именно, что монгольское стихосложение является по своей природе квантитативным.

Работа Л. К. Герасимович в этом отношении является новаторской и нужно сказать, что использование данных инструментального анализа позволяет автору показать ошибочность некоторых традиционных представлений.

Диссертационная работа Л. К. Герасимович «Монгольское стихосложение (Экспериментальное исследование)» заслуживает самой высокой оценки, а ее автор безусловно достойна присуждения ей искомой степени доктора филологических наук.

*Заведующий кафедрой монгольского языка и литературы
Монгольского государственного университета,
кандидат филологических наук С. Моомоо,
заведующий кафедрой монгольского языка
Монгольского государственного университета,
кандидат филологических наук Ж. Лувсандорж,
доктор филологических наук, профессор кафедры
монгольского языка Монгольского государственного
университета Чой Лувсанжав*

3. Поздравления, благодарности, письма.

В архивах Людмилы Константиновны сохранились официальные поздравления, личные, рабочие, дружеские фотографии, письма, поздравления от коллег и учеников.

Официальные телеграммы, поздравления и приказы

Ленинградский ордена Ленина государственный университет имени А. А. Жданова

Грамота

Ректорат и Студенческое Научное общество Ленинградского ордена Ленина Университета им. А. А. Жданова награждает настоящей грамотой аспиранта восточного факультета Герасимович Л. за активное участие в работе Студенческого Научного общества.

Ректор Ленинградского ордена Ленина Государственного
Университета им. А. А. Жданова
А. А. Ильюшин

11.10. 1951

**Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР**

**Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового
Красного Знамени Государственный университет
имени А. А. Жданова**

Приказ
от 04.10.1983. №1625-К
Ленинград

**Об объявлении благодарности
по Восточному факультету**

31 июля 1983 г. исполнилось 60 лет со дня рождения и 30 лет научной и педагогической деятельности заведующей кафедрой монгольской филологии, доктора филологических наук, профессора Герасимович Людмилы Константиновны.

Ученый-монголовед, исследователь истории монгольской литературы, профессор Л. К. Герасимович возглавляет заслуженный в отечественном и мировом востоковедении монголоведческий центр, каковым является кафедра монгольской филологии Ленинградского университета, где ведется подготовка филологов-монголоведов и тибетологов. Научная и педагогическая деятельность Л. К. Герасимович тесно связана с национальными республиками — Бурятской АССР, с Монгольской Народной Республикой, она состоит членом Ученого совета Бурятского института общественных наук Сибирского отделения АН СССР.

Автор ряда крупных исследований, профессор Л. К. Герасимович известна и как переводчик произведений современных монгольских писателей.

Коммунист Л. К. Герасимович принимает активное участие в общественной жизни факультета, неоднократно избиралась членом партийного бюро, является куратором студенческих групп. Профессор Л. К. Герасимович избрана заместителем председателя правления Ленинградского отделения Общества советско-монгольской дружбы.

За успешную научную и педагогическую деятельность и в связи с 60-летием со дня рождения профессора Л. К. Герасимович объявляю благодарность и желаю ей дальнейших успехов.

Ректор В. Б. Алесковский

**Ветерану — труженику тыла
в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.**

Дорогая Людмила Константиновна!

Деканат и общественные организации восточного факультета ЛГУ им. А. А. Жданова сердечно поздравляют Вас, ветерана трудового фронта, со всенародными праздником — 40-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Искренне желаем Вам здоровья, счастья, дальнейших творческих успехов во имя мира и на благо нашей великой Родины.

Декан восточного факультета чл.-кор. АН СССР
профессор М. Н. Боголюбов
Секретарь партбюро Р. А. Янсон
Председатель профбюро М. С. Салихов

**Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР**

**Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного
Знамени Государственный университет имени А. А. Жданова**

Приказ

от 27.11.1987. №1636/2

Ленинград

**О вынесении благодарности заведующему кафедрой
монгольской филологии профессору
Людмиле Константиновне Герасимович
по Восточному факультету**

Кафедра монгольской филологии восточного факультета ЛГУ внесла заметный вклад в развитие отечественного и зарубежного монголоведения как в деле подготовки кадров-монголоведов, так и в части постановки и решения научных проблем монголистики. Последние четырнадцать лет, продолжая деятельность своих предшественников — ак. С. А. Козина, до. Д. А. Алексеева, успешно возглавляет кафедру видный ученый-монговед — проф. Л. К. Герасимович, пополнив научную базу кафедры направлениями тибетология, маньчжуроведение.

Фундаментальные труды проф. Л. К. Герасимович — «Литература Монгольской Народной Республики. 1921–1964» и «Монгольское стихосложение» получили высокую оценку в монголоведческих кругах в нашей стране, в МНР и зарубежных научных центрах. Заслуги проф. Л. К. Герасимович в развитии монголоведения отмечены правительством МНР медалью «Дружба».

В связи с оставлением проф. Л. К. Герасимович должности заведующего кафедрой монгольской филологии и учитывая ее успешную работу на этом посту, объявляю профессору Людмиле Константиновне Герасимович благодарность, желаю ей здоровья и дальнейших достижений в педагогической, научной и общественной деятельности.

Ректор С. П. Меркурьев

**Министерство общего и профессионального
образования РФ
Санкт-Петербургский государственный университет**

Приказ
от 29.09.98 №1082/2
Санкт-Петербург

*Об объявлении благодарности
по Восточному факультету*

31 июля 1998 года исполнилось 75 лет профессору кафедры монгольской филологии Восточного факультета Людмиле Константиновне Герасимович.

Около пятидесяти лет она занимается монголоведением и преподает на Восточном факультете нашего университета. Людмила Константиновна поступила на Восточный факультет в 1946 году, и в 1953 — после окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации («Творчество современного монгольского писателя Ц. Дамдинсурэна») — начала свою преподавательскую деятельность. На протяжении многих лет она читает фундаментальные курсы по истории и теории монгольской литературы, ведет спецкурсы и языковые занятия по современному стаброписьменному монгольскому языку. Под ее руководством написано немало превосходных студенческих научных работ, дипломных сочинений. Большинство ее талантливых аспирантов успешно закончили аспирантуру и защитили диссертацию.

В обширной и многообразной сфере древней и современной литературы главным средоточием исследовательского интереса профессора Л. К. Герасимович стала современная монгольская литература, ее становление в XX веке. Классику монгольской литературы Ц. Дамдинсурэну посвящена ее кандидатская диссертация. В вышедших затем монографиях отражено развитие монгольской словесности начиная с 1921 года и по настоящее время. Людмила Константиновна по праву считается крупнейшим в мире авторитетом в этой области — ее классические работы переводят и переиздаются в разных странах.

Значительным достижением российского востоковедения явился труд Л. К. Герасимович «Монгольское стихосложение. Опыт экспериментально-фонетического исследования». (Л., 1975) (докторская диссертация защищена в 1974 году). Впервые было точно определено интонационно-ритмическое строение монгольского стиха, экспериментальная база вывела еще одну отрасль монголоведения на современный уровень, разрешила многие спорные доселе вопросы.

Многие поколения студентов, коллеги Людмилы Константиновны видят в ней воплощение классического образа истинного ученого-гуманитария.

Поздравляю Людмилу Константиновну со славной датой, желаю дальнейших успехов в служении нашему университету, науке.

За многолетнюю плодотворную работу и в связи с 75-летием со дня рождения приказываю объявить благодарность профессору кафедры монгольской филологии Людмиле Константиновне Герасимович и премировать в размере месячного оклада профессора за счет фонда оплаты труда № 47 (1306).

Ректор Л. А. Вербицкая

**От декана Восточного факультета СПбГУ
М. Б. Пиотровского
профессору Людмиле Константиновне Герасимович**

Глубокоуважаемая Людмила Константиновна!

В день Вашего замечательного юбилея я рад обратиться к Вам со словами признательности.

Значительная часть Вашей долгой жизни была отдана Восточному факультету Санкт-Петербургского государственного университета, где Вы прошли путь от студентки до профессора и заведующей кафедрой монгольской филологии.

Подготовленные Вами многочисленные специалисты трудятся в разных научных и учебных учреждениях России и зарубежных стран. Ваши книги по истории монгольской литературы, являясь авторитетными справочниками и учебными пособиями, получили широкое признание.

Поэтому позвольте мне поздравить Вас с юбилеем, пожелать Вам крепкого здоровья и новых успехов, и выразить глубокую благодарность за Ваш многолетний труд!

Искренне Ваш
М. Б. Пиотровский
Декан Восточного факультета СПбГУ
член-корреспондент РАН
профессор
(2013 г. — ред.)

Из Будапештского университета им. Лорана
Доценту Восточного факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова
зав. каф. тов. Л. К. Герасимович

Глубокоуважаемая Людмила Константиновна Герасимович!

Имею честь сообщить Вам о том, что Будапештский Университет им. Лорана Этвеша приглашает Вас для чтения лекции по монгольской литературе на пять дней в течении 1975 года. Расходы по Вашему пребыванию в Венгрии /без расходов поездки Ленинград-Будапешт-Ленинград/ несет наш Университет.

Прошу Вас известить нас о Вашем решении и относительно деталей установить связь с доцентом Д. Кара, заведующим кафедрой Центральной Азии Филологического Факультета /адрес: Будапешт, У. ул. Пешти Барнабаш 1./.

Будапешт, 15.07.1975.
С искренним уважением к Вам
профессор Ф. Мадл
проректор

Из Будапештского университета им. Лорана
Доценту Восточного факультета Ленинградского
государственного университета им. А. А. Жданова
зав. каф. тов. Л. К. Герасимович

Глубокоуважаемая Людмила Константиновна!

Имею честь сообщить Вам о том, что Филологический Факультет Будапештского Университета им. Этвеша Лорана приглашает Вас сроком на один месяц, с целью проведения консультаций и чтения лекций по вопросам монгольской литературы и монгольского стихосложения. Ваша поездка была бы осуществлена в течении 1977-ого года на основе пункта 9/4 плана работы советско-венгерского межгосударственного соглашения.

Расходы Вашего пребывания в Будапеште берет на себя Будапештский университет, однако расходы по транспорту /Ленинград-Будапешт-Ленинград) оплачиваются Вашим университетом.

Я уверен в том, что Ваше посещение в большей мере способствует укреплению личных и научных связей наших факультетов. Прошу Вас известить нас по возможности скорее о Вашем решении.

С целью уточнения деталей Вашей поездки прошу Вас обратиться непосредственно к заведующему Кафедрой Центральной Азии, доценту Д. Кара /его адрес: 1364, V., Pestí Barnabas u. 1./.

Будапешт, 10.01.1977.

С уважением
 профессор Ф. Мадл
 проректор

Из Калмыцкого Государственного университета

Телеграмма:

Горячо поздравляем со славным юбилеем. Высоко ценим Ваш большой вклад в развитие отечественного монголоведения. Желаем доброго здоровья, счастья, успехов.

Ректор Калмыцкого Госуниверситета,
 доктор пед. наук, профессор Борликов Г. М.

31.07. 2003

Из Улан-Баторского университета. Монголия

Улаанбаатрын Их Сургуль
Улаанбаатар хот
2003 он¹

Дорогая Людмила Константиновна!

Ваши друзья, ученики и коллеги из Улан-Баторского Университета рады приветствовать Вас в день Вашего славного юбилея - восьмидесятилетия со дня рождения и шестидесятилетия литературоведческой и научной деятельности. Мы знаем Вас как одного из крупных монголовед России и неустанного исследователя современной монгольской литературы. Необыкновенно много сделали Вы для раскрытия своеобразия исторического развития современной монгольской литературы XX века.

Международную известность получили Ваши книги «Литература Монгольской Народной Республики: 1911–1964» (1965), «Литература Монгольской Народной Республики (1965–1985)» (1991), «Монгольское стихосложение» (1976) и другие работы. Специалисты знают Вас как неутомимого пропагандиста достижений современной монгольской литературы и ее лучших представителей, таких как Ц. Дамдинсурэн, Д. Нацагдорж, Д. Равна и другие. Вами написаны статьи о монгольской литературе в БСЭ и КЛЭ.

Мы ценим Вас как блестящего переводчика произведений монгольских писателей С. Эрдэнэ, Б. Бакст, С. Дашдооров и других в России.

Вы воспитали целую плеяду молодых монголистов России и Монголии, Ваши ученики работают в вузах Монголии, России, Болгарии, в бурятских, калмыцких и якутских институтах и университетах, несколько поколений исследователей называют Вас своим учителем. Организованные Вашим учеником, ныне ректором Улан-Баторского Университета, С. Байгалсайханом «Семинары Герасимович» стали доброй традицией, и в нынешнем году в апрельские дни проводился восьмой по счету семинар с участием студентов десяти вузов Улан-Батора.

В Вас подкупает редкостное человеческое обаяние, удивительная простота, доброжелательность к людям.

Мы желаем от всего сердца Вам долгих лет жизни, крепкого здоровья и плодотворного творческого труда.

Выпускник аспирантуры Восточного факультета
Санкт-Петербургского Государственного Университета,
Ректор Улан-Баторского Университета, доктор, профессор
С. Байгалсайхан
2003

¹Улан-Баторский университет, г. Улан-Батор, 2003 г. (монг.)

Из Калмыцкого Института гуманитарных исследований

Российская Академия Наук
 Калмыцкий Институт Гуманитарных Исследований
 Исх. №189 от 29 июня 2006

Глубокоуважаемая Людмила Константиновна!

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН искренне поздравляет Вас с выходом книги «Монгольская литература XIII — начала XX вв. (материалы к лекциям)». Для нашего института большая честь подготовить к публикации труд, над которым Вы работали всю свою жизнь.

Ваша монография, посвященная истории монгольской литературы, начиная с периода ее зарождения и становления до начала XX века, бесспорно, займет достойное место в ряду фундаментальных трудов отечественных и зарубежных монголистов.

Символично, что работа опубликована в 2006 г. — в год проведения IX конгресса монголоидов. Вне сомнения, Ваш вклад в современное монголоведение получит широкий резонанс среди научной общественности.

Желаем Вам крепкого здоровья и дальнейших творческих удач.

С уважением,
 Э. Омакаева
 Н. Очирова

Из Калмыцкого Научно-исследовательского института истории философии и экономики

Правительственная телеграмма:

Глубокоуважаемая Людмила Константиновна,

Коллектив Калмыцкого НИИИФЭ сердечно поздравляет Вас со знаменательным юбилеем и 30-летием научно-педагогической деятельности. Желаем Вам доброго здоровья, дальнейших успехов в Вашей благородной деятельности.

Директор Института К. П. Катушов

**Из Института языка и литературы Академии
наук Монголии**

Факс:

Институт языка и литературы
Академия Наук Монголии

Доктору Л. К. Герасимович
Глубокоуважаемая Людмила Константиновна,
Сердечно от всей души поздравляем Вас с юбилеем. Желаем Вам крепкого здоровья, долголетия и больших творческих успехов.

С уважением,
Директор Института языка и литературы АН Монголии,
академик Х. Сампилдэндэв.

31.07.2003

Из Института языкознания АН СССР

Глубокоуважаемая и дорогая Людмила Константиновна!

Институт языкознания АН СССР, Сектор тюркских и монгольских языков сердечно приветствуют и поздравляют Вас, видного филолога-монголиста со славным юбилеем.

Советские и зарубежные востоковеды знают Вас как крупного специалиста по истории и теории монгольской литературы, авторитетного исследователя в области стихосложения и как переводчика произведений монгольских писателей на русский язык.

Ваша солидная монография «История литературы Монгольской Народной Республики» стала настольной книгой для научных работников, занимающихся изучением проблем литературы социалистических стран.

Благодаря Вашим литературоведческим исследованиям, посвященным творчеству монгольских поэтов и прозаиков, советские читатели получили возможность ознакомиться с содержанием современной монгольской литературы, ее новыми жанрами, разнообразием художественных манер и писательских почерков.

Ваши работы о творчестве классиков социалистической литературы Монголии — Д. Нацагдорже и Ц. Дамдинсурэне — внесли достойный вклад в развитие литературоведения и литературной критики.

Большое научно-культурное значение имеет Ваша переводческая деятельность. Прекрасное и глубокое впечатление оставляет Ваша антология «Современная монгольская новелла», привлекающая внимание благодарного Вам читателя образцами этого лаконичного, но очень емкого жанра молодой монгольской прозы.

Мы высоко ценим Вас и как монголовед-лингвиста, чья докторская диссертация посвящена экспериментально-фонетическому исследованию системы монгольского стихосложения.

Дорогая Людмила Константиновна! Вот уже в течение десяти лет Вы руководите кафедрой монгольской филологии в Ленинградском университете, продолжая своим трудами славные традиции отечественного монголоведения. Своей многогранной научной, общественной и педагогической деятельностью Вы вносите большой личный вклад в дело подготовки кадров монголистов, в том числе и высшей квалификации, а также в советско-монгольское культурное и научное сотрудничество.

Чествуя Вас, от всей души желаем Вам крепкого здоровья, большого счастья, новых успехов в Вашем благородном труде ученого и педагога!

Э. Р. Тенишев, А. А. Даарбеева, Г. Ц. Пюрбеев, всего 29 подписей

Из Союза монгольских писателей

*Союз монгольских писателей
Ректору Ленинградского Государственного Университета
доценту тов. Герасимович Л. К.*

Дорогие товарищи!

Мы с огромным интересом ознакомились с научно-исследовательской работой Людмилы Константиновны Герасимович «Литература Монгольской Народной Республики», вышедшей в издании Вашего Университета. Эта книга, написанная с глубоким знанием истории современной монгольской литературы, имеющая большие научные достоинства, обобщает 40-летний опыт нашей литературы, всесторонне показывает ее зарождение и развитие, картину сегодняшнего состояния. Она является важным вкладом не только в дело дальнейшего изучения и исследования вопросов развития нашей литературы, но, несомненно, сыграет большую роль в пропаганде успехов и достижений монгольской литературы — литературы социалистического реализма — за пределами нашей страны.

Позвольте еще раз сердечно поблагодарить Вас за постоянный интерес к нашей литературе, за неустанный труд по изучению и пропаганде ее лучших достижений, весь коллектив Университета за издание и распространение книги «Литература Монгольской Народной Республики».

От всего сердца желаем Вам новых успехов в научной работе, здоровья и счастья в жизни.

С глубоким уважением
С. Удвал
Председатель Союза Монгольских писателей
г. Улан-Батор
03.05.1966 г.

Из Союза монгольских писателей

*Диплом
№133*

Герасимович тана уран зохиол хогжуулэх хэрэгт амжилттай ажилласан учир Монголын Зохиолчдын Эвлэлийн 40 жилийн ойн нэрэмжит дипломоор дурсган шагнав.

Монголы Зохиолчдын Хорооны дарга
С. Удвал
1969 оны 1-р сар¹

Из Союза монгольских писателей

*Жуух бичиг
Дугаар 165*

Л. Герасимович нь монголын утга зохиолог сурталчлах ажилд идэвх зүтгэлээ дайчлан амжилт гаргасныг тэмдэглэж Монголын Зохиолчдын Эвлэлийн Хорооны жуух бичгээр шагнав.

Монголын зохиолчдын эвлэлийн хорооны дарга
1981 оны 5-р сарын 29 одор²

¹ Диплом № 133

В связи с 40-летием Союза писателей Монголии награждается Герасимович за успешный вклад в дело развития литературы.

Председатель Союза писателей Монголии С. Удвал
январь 1969 года (монг.)

² Почётная грамота № 165

Отмечая заслуги Л. Герасимович в деле активного изучения монгольской литературы, Союз писателей Монголии награждает ее Почетной грамотой.

Председатель Союза писателей Монголии
29 мая 1981 года (монг.)

Писатели Монголии

С. Эрдэнэ

Б. Бааст

Л. Удвал

Л. Тудэв

Д. Цэвэгмид

Л. Удвал

Ц. Гайтав

Э. Оюун

Из Союза писателей Монгольской Народной Республики

Телеграмма

От имени Союза Писателей, от себя лично сердечно поздравляем Вас со славным юбилеем. От души желаем доброго здоровья, больших успехов в Вашей благородной деятельности. Тепло обнимаем Вас.

Председатель СП МНР Д. Цэдэв, секретарь С. Удвал.
(Без даты)

Из Ленинградского Отделения Союза советских обществ дружбы

Почетная грамота

Награждается Почетной грамотой
Герасимович Людмила Константиновна

Заместитель председателя Правления Ленинградского отделения Общества советско-монгольской дружбы Ленинградского отделения Союза советских Обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами за большой вклад в дело укрепления дружбы между советским и монгольским народами и в связи с 25-летием со дня создания Общества советско-монгольской дружбы.

Председатель Президиума ЛО ССОД
Т. Легова
1983 г.
Ленинград

От Э. Р. Тенишева¹

Телеграмма

Монголисты, тюркологи ИЯ АН СССР сердечно поздравляют Вас со знаменательным юбилеем. Высоко ценим Ваши труды по истории, теории монгольской литературы, вклад подготовки кадров монголоведов. Желаем доброго здоровья, счастья, успехов в научной и педагогической деятельности.

профессор Тенишев

От В. Ц. Найдакова², И. Д. Бураева³

Телеграмма

Дорогая Людмила Константиновна, в связи с приближающимся славным юбилеем позвольте выразить самые теплые искренние слова поздравления от нас лично и всего коллектива бурятского института общественных наук. Несколько десятилетий связывает нас с Вами тесное плодотворное творческое сотрудничество, в котором ведущая роль по праву принадлежит Вам. Она определяется Вашими замечательными исследованиями, большой научно-организационной деятельностью, постоянной поддержкой наших научных начинаний, сочетающейся с неизменной принципиальностью и строгостью, Вашей бесценной помощью в деле подготовки наших гуманитарных кадров. Такое сотрудничество расценивается нами очень высоко и еще и потому, что в нем мы ощущаем тепло Вашей щедрой души, человечность, высокую культуру мыслей, чувств и поступков. Желаем Вам, Дорогая Людмила Константиновна, доброго здоровья, новых успехов в труде на благо советского монголоведение и большого личного счастья.

Найдаков, Бураев

¹ Эдгем Рахимович Тенишев — советский и российский лингвист-тюрколог, монголовед. Доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР. Заведующий отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН

² Василий Цыренович Найдаков — ученый-филолог, доктор филологических наук, директор Бурятского Института общественных наук СО РАН.

³ Игнатий Дмитриевич Бураев — монголовед-языковед, доктор филологических наук, гл. научный сотрудник Бурятского научного Центра СО РАН.

От учеников и коллег

Дорогая Людмила Константиновна!

Ваши ученики и коллеги рады искренне поздравить Вас в день славного юбилея.

Прошло уже немало лет с тех пор, как мы впервые переступили порог кафедры монгольской филологии и стали Вашими учениками. Под Вашим руководством мы делали свои первые шаги в освоении монгольского языка, а позднее вместе с Вами постигали тонкости монгольской литературы.

Вы научили нас добросовестному и бескорыстному прилежанию и строгости в оценке результатов своего труда, всему тому, что отличает востоковеда ленинградской школы. И хотя теперь мы работаем на другом берегу Невы, мы не перестаем ощущать постоянное внимание и поддержку родной кафедры.

Дорогая Людмила Константиновна, мы желаем Вам новых успехов в подготовке к жизни в науке новых поколений наших будущих коллег, а также в Вашей научной работе.

1983

И. В. Кульганек, С. Г. Кляшторный, Э. Н. Тёмкин
Всего 12 подписей

Дорогая Людмила Константиновна!

Мы, Ваши коллеги и ученики, рады поздравить Вас с Вашим замечательным юбилеем. Наша многолетняя совместная работа позволяет нам разделить с Вами этот праздник. Вы — выдающийся и широко известный специалист, прекрасный знаток монгольского языка и литературы. Ваши многочисленные труды являются крупным вкладом в отечественное монголоведение и пользуются заслуженным признанием наших зарубежных коллег.

Неоценим Ваш вклад в развитие научных и культурных связей с Монгольской Народной Республикой. Как Ваши научные труды, так и личные контакты с монгольскими учеными и писателями, способствуют дальнейшему укреплению советско-монгольской дружбы. Вы щедро делитесь своими знаниями с Вашими многочисленными выпускниками; многие из них стали известными специалистами и плодотворно работают рядом с Вами, в Москве, Улан-Удэ, Элисте и за пределами нашей Родины. Вы прирожденный педагог. Ваша любовь к Монголии и монгольской культуре, Ваши глубокие знания, терпение и настойчивость приносят прекрасные результаты.

Вы возглавляете одну из старейших кафедр восточного факультета, достойно продолжаете дело блистательной плеяды отечественных монголистов.

Мы постоянно ощущаем Ваше внимание, участие во всех делах наших, не только учебных, но и личных.

Ваша забота о кафедре, ее членах, студентах создает условия для плодотворной работы и успешной учебы.

Мы от всей души желаем Вам доброго здоровья, новых творческих успехов, плодотворной работы на благо нашего общего дела.

04.11.1983 г.

З. К. Касьяненко, Е. Николаева, В. Алдошин, Т. Ирдэнеева, И. Жданова

Всего 21 подпись

Глубокоуважаемая Людмила Константиновна!

Позвольте выразит Вам нашу признательность и восхищение!

Вы много сделали для воспитания целых поколений монополистов, неоценим Ваш вклад в востоковедение.

Неутомимый исследователь, искатель новых нетривиальных подходов к решению важных проблем, Вы достигли многого и по праву занимаете одно из первых мест в нашей науке.

Благодаря Вашему трудолюбию и мастерству мы приблизились к пониманию монгольской литературы, перед учеными открылись реальные перспективы в изучении монгольского стихосложения.

Мы желаем Вам дальнейших успехов: быть по-прежнему в авангарде отечественного монголоведения, подавая всем нам пример серьезного отношения к делу, умения сосредотачиваться и выделять главное, не упуская из виду мелочей, пример обязательности и выдержки.

Сочетание требовательности к своим ученикам и чуткого человеческого внимания к ним отличают Вас, Людмила Константиновна, как опытного и неравнодушного педагога.

В разных концах России и по всему миру работают Ваши воспитанники и последователи.

Примите, уважаемый профессор, искренние пожелания успехов и крепкого здоровья от учеников и коллег!

Е. Кузьменков, М. Петрова, Б. Нармаев. К. Алексеев, Т. Евдокимова
Всего 8 подписей

Глубокоуважаемая Людмила Константиновна!

Имею честь передать Вам Юбилейную медаль Восточного факультета, которой Вы награждены решением Ученого Совета факультета. Большое спасибо за книгу. Желаю Вам здоровья и всегда рад помочь. Мой телефон: 940-12-40.

С уважением,
Е. Зеленев¹

¹ Евгений Ильич Зеленев, доктор исторических наук, профессор, декан Восточного факультета СПбГУ с 2005 по 2013 гг.

Многоуважаемая Людмила Константиновна,

В этот радостный день мы поздравляем Вас со славным юбилеем и благодарно вспоминаем вехи Вашего долгого жизненного пути.

Вы пережили тяжелейшие годы войны и послевоенного восстановления страны. Стремление к знаниям и желание быть полезной людям привели Вас на Восточный факультет Ленинградского государственного университета, который Вы успешно окончили в 1950 году. В 1953 году Вы защитили кандидатскую диссертацию, а в 1976 г. — докторскую и стали профессором. С 1953 по 1999 гг. Вы преподавали на Восточном факультете и много лет заведовали кафедрой монгольской филологии.

За эти годы Вы стали ведущим в мире специалистом в области изучения современной монгольской литературы. Вам принадлежат две монографии и десятки статей, посвященных монгольской литературе XX века. Пионерской стала Ваша работа «Монгольское стихосложение», в которой изучении поэзии сочетается со строгим лингвистическим анализом. Вышедшая в 2006 г. монография «Монгольская литература XIII — начала XX вв.» является уникальной в отечественном монголоведении и стала итогом Вашей многолетней научной и лекционной работы. В 1996 г. Вам была вручена медаль «Санкт-Петербургский государственный университет».

Ваше имя и труды хорошо известны монголоидам во всем мире. Ваша книга «Литература Монгольской Народной Республики (1921–1964)» была переведена на английский язык. Правительство Монголии дважды награждало Вас медалью «Нарамдал»: в 1982 и 2003 гг., а в 1998 г. Вы стали лауреатом премии Ц. Дамдинсурэна. В Монголии традиционно проводятся в Вашу честь «Герасимовические чтения».

Ваши бывшие студенты и аспиранты, многие из которых уже сами защитили кандидатские и докторские диссертации, успешно работают в Санкт-Петербурге и Москве, в Бурятии, Калмыкии и Туве, в Монголии, в странах ближнего и дальнего Зарубежья. Они благодарны Вам за то, что Вы были и остаетесь для них не только авторитетным наставником, но и чутким, всегда готовым прийти на помощь старшим товарищем.

И мы, Ваши благодарные ученики и коллеги, в день Вашего замечательного юбилея от всей души поздравляем Вас и желаем Вам крепкого здоровья и новых творческих успехов!

31.07.2013

М. Б. Пиотровский, Н. С. Яхонтова, Ю.Н. Прорубщикова,
Л. И. Овсянникова, И. В. Кульанек, Б. М. Нармаев, Г. М. Нармаева,
Р. В. Ивлева, М. П. Петрова, В. Л. Успенский. Всего 27 подписей

Личные поздравления от коллег, учеников, друзей. Открытки и телеграммы.

От академика Ц. Дамдинсурэна

Телеграмма

Поздравляем с Днем Рождения. Желаем здоровья, творческих успехов в науке и воспитании кадров. Привет.

Дамдинсурэн, Любовь Владимировна, Аня
Без даты

От председателя Союза писателей Монголии С. Удвал

Миний хайрт Цагаан Дархи минь ээ!

Миний хундэтгэх эрхэм хун —

Людмила Константиновна!¹

Мы с Вами не признаем никакого бабского праздника. Потому что мы бабы необыкновенные:

Вы — священная Цагаан Дархи,

Я — необыкновенная глупая.

Каждый раз 8-е марта я устаю до смерти. Но от этого получаю очень большое удовольствие.

Мартын 8-ны баяр хургье!

Сайн сайхныг ёрооё!

Таны хонгор Удвал²
Без даты

¹ Любимая моя Белая Дара эхэ (женское божество буддийского пантеона)!
Многоуважаемая Людмила Константиновна! (*монг.*)

² Поздравляю с праздником 8 Марта!
Желаю всего самого наилучшего!
Ваша милая Удвал. (*монг.*)

**Поздравления с 1 мая
от монгольского писателя С. Дашдоорова**

Эрхэм хундэт Людмила Константиновна!
Баярын мөндийг орган довшуулиа
Баглаа цэцгийн цоморлигийг бариа!
Талон биш ч эн цэцгийн үнр
Танг хундэтгэх мини сэтгэл
Багтам орсон нь магад аа!¹

Дашдооров
26.04.1969

От венгерского монголоведа Д. Кары

Открытка

С наилучшими пожеланиями по поводу приближения года красной змеи.

Кара
Без даты

Открытка

С наилучшими пожеланиями с наступающим новым лунным годом черного пса.

Кара
Без даты

От Д. Кары

Харагчин гахай жилиин Цагаан сарыг угтахад энх эруул сууж аз жаргал эдлэхийн ероол ероож сайн сайхныг хусэн ёсолсон Дорж болой².

Kara Gyorgy
Budapest³
Без даты

¹ Глубокоуважаемая Людмила Константиновна!
Поздравляю с праздником
Преподношу букет цветов!
Надеюсь, что аромат этих цветов
Донесёт до Вас мою душу,
Полную уважения к Вам! (стихи) (монг.)

² Встречая праздник Белого месяца года черной свиньи, желаю Вам здоровья, счастья, всего самого наилучшего. Дорж. (монг.)

³ Кара Дьердь
Будапешт (англ.)

**От выпускницы кафедры монгольской филологии
Карин из Германии**

Дорогая Людмила Константиновна!

Примите мои лучшие пожелания с 8 марта, здоровья и многих приятных встреч! Будьте всегда такой энергичной, заботливой и опекающей добротой и вниманием студентов, такой, какой я Вас стала очень глубоко уважать.

Скоро следует письмо, в данном моменте у меня болеют все мои «мужчины» и забот много. Извините.

Ваша Карин
Без даты

**От доцента Восточного факультета Л. В. Зениной
и ее супруга Г. Т. Мочалова Л. Зениной и Т. Мочалова**

Дорогая Людмила Константиновна, мы памятуем о Вашем юбилее, а потому и шлем Вам свои сердечные поздравления и добрые пожелания. Здоровья Вам, долгой творческой активности, верного служения другу своему и повелителю Льву, коему мы также кланяемся.

Ваши Л. Зенина и Т. Мочалов
Р. S. Нижайший поклон Августе Михайловне
Грузино.
30.07.1983

**От выпускников ЛГУ Л. Доржиевой, Д. Бурасва,
В. Успенского, Г. Авакьянц**

Людмила Константиновна,

Быть может, не всегда
Бывали мы радивы,
примерны и
учтивы,
Но Вы нас и тогда
Учили терпеливо,
Хоть двойки справедливо случались иногда.
И Вам сказать СПАСИБО —
Сейчас прекрасный шанс!

Доржиева, Бурасва, Успенский, Авакьянц

От немецкого монголоведа Эрики Таубэ Э. Таубэ

Дорогая и глубокоуважаемая Людмила Константиновна!

От всей души поздравляю Вас — и от имени моего мужа — с Вашим юбилеем!

Желаю Вам всего самого лучшего и счастливого, крепкого здоровья, все больше удовольствия в научной работе, так же как и в преподавательской, талантливых и добрых студентов, многих радостей всякого вида, желаю, чтобы вы все с Львом Абрамовичем и Вашей уважаемой матерью были здоровыми и еще долго вместе в счастье и гармонии и мы все жили в мирном мире!

Я очень рада, что мы друг с другом познакомились и по поводу Вашего юбилея благодарю Вас за все, что Вы мне оказали — помощь, поддержку и дружное отношение ко мне.

Будьте всегда здоровы и счастливы и так бодры, как я Вас вспомню!

Сердечный привет Вам и Вашим близким!

Ваша Эрика.

P. S. Большое спасибо за автореферат Елизаветы Васильевны, спасибо и ее!

20.07.1983

От А. А. Долининой

Обычай изменить никто не волен
Приходит день — и курим фимиам
Шаг в сторону — и сам собой доволен
Любви и радости желаю Вам!

31.07.1983

**От выпускницы кафедры монгольской филологии
Восточного факультета ЛГУ Л. Доржиевой (Халопупковой)**

Телеграмма:

Сердечно поздравляю с юбилеем. Желаю крепкого здоровья, бодрости, творческого огня, долгие годы.

Лыгжима
Без даты

**От коллег по Восточному факультету
А. А. Долининой, К. В. Кауфмана**

Ода Людмиле

Богородица Людмила,
Глава монгольския орды!
В сей день тебя нам славить мило,
Затем и притекли сюды.
Откроешь только ты, без спору,
Нам путь на ту высокую гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает!
Она нам дух и ум пленяет;
Поддай найти ее совет.

Поддай, Людмила, наставление,
Как честно и правдиво жить,
Как, укротя страстей волненье,
Примером строгости служить
К самой себе и подчиненным,
К юнцам, наукою плененным —
Сему мы следовать слабы:
Мягась житейской суетою,
Сегодня властвуем собою,
А завтра — прихотей рабы.

И, поднося с любовью чашу
Тебе как счастья символ,
Главу смиренно клоним нашу,
Людмилы лицезря престол.
Небесные мы просим силы,
Да, их простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возместят!

(Разыскания в архивах Г. Р. Державина произведены
А. А. Долининой и К. В. Кауфман.)

31 июля — 29 сентября 1983 г.

**От выпускницы кафедры монгольской филологии
Восточного факультета ЛГУ В. Э. Раднаева**

Многоуважаемая Людмила Константиновна,
сердечно поздравляю Вас с юбилеем. Считаю, что Ваши книги вписали яркую страницу в монголоведение, по которым учились и будут учиться не одно поколение монголистов. Желаю долгих лет жизни, полных творчества во имя науки.

Ваш ученик, кандидат наук Владимир Раднаев.
Без даты

От монголоведа из Москвы М. Н. Орловской

Телеграмма

Милая Людмила Константиновна, сердечно поздравляю с юбилейной датой. Доброго здоровья Вам, благополучия, успеха в работе.

М. Орловская
Без даты

**От выпускницы кафедры монгольской филологии
Восточного факультета ЛГУ Г. С. Гороховой**

Телеграмма

Присоединяю свой слабый голос к обширному кругу ценителей Вашего таланта. Желаю дорогой юбилярше новых творческих успехов, здоровья, счастья.

Горохова
Без даты

**От выпускников кафедры монгольской филологии
Восточного факультета ЛГУ**

Дорогая Людмила Константиновна!

Сердечно поздравляем Вас с Вашим замечательным юбилеем! От всей души желаем Вам здоровья, хорошего настроения и долгих плодотворных лет жизни.

Ваши ученики
Наташа Яхонтова, Таня Евдокимова, Володя Успенский.
Санкт-Петербург
10.1993

**От выпускника кафедры монгольской филологии
Восточного факультета СПбГУ Б. Арлтанова**

Телеграмма

Людмила Константиновна, поздравляю Вас с Днем Рождения. Желаю крепкого здоровья, творческих успехов и всего самого наилучшего.

Ваш Бадма

Без даты

**От выпускницы кафедры монгольской филологии
Восточного факультета ЛГУ Т. Ю. Евдокимовой**

Дорогая Людмила Константиновна! Поздравляю Вас с юбилеем! Желаю здоровья, здоровья, здоровья и еще раз здоровья, а все остальное приложится. Спасибо Вам огромное за все, чему Вы нас научили.

Поклон Льву Абрамовичу.

С уважением, Ваша Татьяна Евдокимова.

26 (31).07.1993

**От выпускницы кафедры монгольской филологии
Восточного факультета ЛГУ М. П. Петровой**

Уважаемая Людмила Константиновна!

Примите мои сердечные поздравления в связи со славным юбилеем. Желаю Вам оставаться такой же жизнерадостной и оптимистичной еще долгие годы.

С уважением

М. Петрова из Монголии

07.07.1993

От члена-корреспондента РАН В. М. Солнцева

Телеграмма:

Дорогая Людмила Константиновна,

Поздравляем известного ученого, педагога, внесшего большой вклад в развитие отечественной монголистики со славным юбилеем. Желаем доброго здоровья, успехов, благополучия.

С уважением

Солнцев

29.07.1993

**От выпускницы кафедры монгольской филологии
Восточного факультета ЛГУ Л. Г. Скородумовой**

Здравствуйте, Людмила Константиновна!

Примите мои искренние поздравления, дорогая багша, с Вашим Днем Рождения! Посылаю кусочек праздничного настроения только что отшумевшего здесь надама. И еще желаю Вам здоровья, десять тысяч лет счастья и благоденствия Вашему дому. Я работаю, сколько хватает сил, иссекающих в знойно-морозном суровом монгольском климате. Но жить все равно интересно, потому что близость к небу и особенно бурные здесь протуберанцы будят мысль. Правда, на все желаемые писания не всегда хватает времени. Остается мечта о главной книге.

Монгольская литература живет и развивается, а писатели помнят и любят Вас благоговейно, я для них — только Ваша ученица. Весной это было засвидетельствовано во время филологических студенческих чтений в Вашу честь. Байгалсайхан, надеюсь, написал Вам об этом? Страна меняется стремительно, все внимание устремлено к политическому маятнику, атмосфера заряжена предвестием бурь, пусть и местного масштаба. Мои старые друзья, наши общие знакомые, С. Эрдэнэ, например, опекают меня, а это важно и нужно здесь в новых реалиях бытия. Л. Дашням тоже дружит со мной, иногда заводим разные диспуты. Ну вот, об остальном, Людмила Константиновна, в другой раз. Если будет возможность, напишите записочку. Я бы хотела для кафедры посылать газеты, видеоматериалы, но трудно с оказией.

До свидания.
Ваша Лида
14.07.1998

**От выпускницы кафедры монгольской филологии
Восточного факультета СПбГУ Р. В. Цагановой (Ивлевой)**

Телеграмма

Дорогая Людмила Константиновна, от всей души поздравляю Вас с Днем Рождения. Желаю Вам крепкого здоровья, успехов и долгих лет жизни.

С уважением Регина
Элиста
31.07.(год не указан)

**От выпускника кафедры монгольской филологии
Восточного факультета ЛГУ Б. М. Нармаева**

Уважаемая Людмила Константиновна,

Позвольте поздравить Вас с юбилеем! Вы являетесь одним из ведущих монголоведов мира, главой школы, Ваши многочисленные ученики работают во многих странах, Ваши работы издаются и изучаются за границей. Ваши ученики, к которым осмеливаюсь причислить себя и я, всегда помнят о Вас, не теряют с Вами контактов, ценят Ваши советы. Мы, Ваши ученики и коллеги на кафедре, помним и ценим Ваш вклад в развитие кафедры как заведующего кафедрой, доктора филологических наук. На годы, когда Вы возглавляли кафедру, пришелся ее расцвет. Во многом благодаря Вам, на кафедре работал всеми уважаемый и любимый Бронислав Иванович, кафедра была единственной в стране, выпускавшей специалистов-тибетологов. Вы также продолжили традиции известных монголоведов, работавших в университете — академика С. А. Козина, доцента Т. А. Бурдуковой, способствовали развитию монголоведения в Калмыкии, Бурятии, Москве.

Желаю Вам десять тысяч лет процветания, счастья, здоровья!

Искренне Ваш
Б. Нармаев
31.07.2003

От П. Ц. Биткеева¹

Телеграмма Элиста-Ленинград

Горячо поздравляю своего учителя со славным юбилеем. Творческих исканий, побед, желаю новых научных успехов на благо отечественного монголоведения.

Биткеев
Без даты

¹Петр Цеденович Биткеев — ученый-востоковед, специалист в области фонетики монгольских языков, знаток современного и старописьменного монгольского языка, ойратской письменности, педагог, главный редактор научно-популярного журнала «Мандала».

Телеграмма

Позвольте от всей семьи редакции журнала гордостью поздравить славным юбилеем Вас большого ученого справедливого принципиального педагога замечательного человека тчк наилучшими пожеланиями.

Ваш ученик редактор журнала Мандала
заведующий кафедрой профессор Биткеев

30.07 (год не указан)

**От выпускников кафедры монгольской филологии
Восточного факультета ЛГУ И. В. Кульганек,
Е. В. Кульганек, Н. С. Яхонтовой, Т. Ю. Евдокимовой,
В. Л. Успенского, А. Г. Сазыкина**

Телеграмма

Дорогая Людмила Константиновна, наш учитель, наставник. Поздравляем Вас с Днем Рождения, с возрастом мудрости, всепонимания. Желаем здоровья, дальнейшей плодотворной работы многие годы. Ваши ум, сердце, знания необходимы всем. Ваши ученики Ира, Катя Кульганек, Наташа Яхонтов, Татьяна Евдокимова, Владимир Успенский, Алексей Сазыкин.

31.07. (год не указан)

**От выпускницы кафедры монгольской филологии
Восточного факультета ЛГУ. А. Д. Цендиной**

Телеграмма

Дорогая Людмила Константиновна, сердечно поздравляю Вас с юбилеем. Желаю Вам крепкого здоровья, большой плодотворной работы. Всегда помнящая Вас благодарная ученица Анна Цендина.

Москва.

29.07.(год не указан)

**От выпускницы кафедры монгольской филологии
Восточного факультета ЛГУ Л. Г. Скородумовой**

Уважаемая Людмила Константиновна! Поздравляю Вас с Днем Рождения! Желаю крепкого здоровья, много радости и счастья. Ваша Скородумова.

Без даты

Дорогая Людмила Константиновна, спасибо Вам за огромный дар — Вы научили любить эти синие дали, золотые пески Гоби, чудесный мир под названием Монголия. Поздравляю Вас! Думаю, что сотни Ваших учеников думают также и присоединяются.

Ваша Лида.
15.07.2003.

От С. Байгалсайхана

Телеграмма

Горячо поздравляю Вас с Юбилеем и желаю огромных успехов в Вашей педагогической и научно-исследовательской работе. Доброго здоровья, большого счастья в жизни.

Байгалсайхан
30.07 (год не указан)

От И. В. Кульганек, Е. В. Кульганек

Телеграмма

Дорогая Людмила Константиновна,
от всей души поздравляем с юбилеем. Желаем здоровья, счастья, дальнейших творческих успехов.

Ваши ученицы Ира, Катя Кульганек.
Без даты

**От Т. Ю. Евдокимовой, А. Д. Цендиной, Н. С. Яхонтовой,
И. В. Кульганек**

Дорогая Людмила Константиновна!

От всего сердца поздравляем Вас с днем рождения! Желаем Вам душевного спокойствия, здоровья, побольше радостей и поменьше огорчений!

Ваши благодарные ученики
Евдокимова Т., Цендина А., Кульганек И., Яхонтова Н.
СПб
31.07.2003

**От выпускницы монгольской кафедры
Восточного факультета ЛГУ М. В. Монгуш**

Дорогая Людмила Константиновна!

Жаль, что не могу быть в Питере в этот день, чтобы лично поздравить Вас с Днем Рождения, но я Вас всегда помню и люблю.

Пусть успешными будут дела,
Пусть сбываются Ваши мечты,
И пусть жизнь Ваша будет полна
Счастья, радости и красоты!

Ваша Марина Монгуш
18.08.2003

**От выпускника монгольской кафедры
Восточного факультета СПбГУ А. Б. Лиджиева**

Телеграмма

Уважаемая Людмила Константиновна,
поздравляю Вас с юбилеем, желаю счастья, здоровья, долгих лет жизни.

С уважением
Искренне Ваш Александр Лиджиев.
Элиста
31.07. (год не указан)

**От Д. М. Насилова¹, выпускника монгольской кафедры
Восточного факультета ЛГУ А. Д. Насилова**

Телеграмма

Дорогая Людмила Константиновна,
в день славного юбилея желаем крепкого здоровья, благополучия,
творческого долголетия, гордости, учеников.

Ваши Дмитрий, Алексей Насиловы.
Пушкино
31.07. (год не указан)

¹ Дмитрий Михайлович Насилов, востоковед-тюрколог, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой тюркологии ИСАА МГУ.

От Л. Г. Скородумовой

Дорогие Людмила Константиновна и Лев Абрамович!
Примите мои наилучшие пожелания и поздравления с Новым 2003
годом!

Всяческого Вам благополучия и много здоровья.

Ваша Лида Скородумова

2003

**От выпускницы кафедры монгольской филологии
Восточного факультета ЛГУ Н. О. Хариновой**

Телеграмма

Сердечно поздравляю с Новым 2005 годом. Желаю Вам здоровья, доброго благополучия. Благодаря Вашим заслугам, смогла издать книгу и методическую разработку к ней.

Нина Харинова

01.01.2005

**От выпускницы кафедры монгольской филологии
Восточного факультета ЛГУ Л. Дорджиева (Холоупкова)**

С юбилеем, 80-летием!

Всего самого доброго, крепкого здоровья, благополучия и дальнейших творческих успехов дорогой Людмиле Константиновне желает Лыгжима из Праги.

Сайн буян болтутай!¹

2003

**От коллеги по Восточному факультету ЛГУ
Л. И. Овсянниковой**

Телеграмма

Глубокоуважаемая Людмила Константиновна, примите самые искренние поздравления с Днем Рождения. Желаю крепкого здоровья, бодрости, благополучия.

Людмила Овсянникова

Санкт-Петербург

31.07. (год не указан)

¹ Да будет благодать! (монг.)

**От выпускницы кафедры монгольской филологии
Восточного факультета ЛГУ Н. П. Биткеевой**

Телеграмма

Дорогая Людмила Константиновна,
от всей души поздравляем с Днем Рождения, Юбилейной датой. Желаю крепкого здоровья и много радостей.

Ваша Ногала
31.07. (год не указан)

Телеграмма

Наша Дорогая, Уважаемая Людмила Константиновна, поздравляем Вас и Льва Абрамовича с Вашим Днем Рождения. Желаем Вам крепкого здоровья, исцеления всех болезней, долгих лет жизни без потерь и разочарований. Пусть каждый день приносит Вам новые радости, удовлетворение, воодушевление, чтобы жить, творить, вдохновлять всех, Вас окружающих.

Ваши Антон, Ногала.
31.07. (год не указан)

**От выпускника кафедры монгольской филологии
Восточного факультета ЛГУ А. В. Федотова**

Уважаемые Людмила Константиновна и Лев Абрамович!
Поздравляю вас с Наступающим Новым 1999 годом!
Желаю вам здоровья, удачи и терпения.

Лена Федотова

Дорогая Людмила Константиновна!
Хотя за окном еще снег, дома у нас уже запахло весной — теплом, ярким солнечным светом. Баба Марта и Вам принесет здоровья и радости!
Сердечный привет от мамы и Снежаны!

Целую Вас.
Саша Ф.
21.02.2012

Любезная Людмила Константиновна,
Вся нежная, как свечка стеариновая!
(Тут я рифмую, словно Евтушенко)
Веди себя сегодня хорошенько,
Наплюй на цифры, юбилеи, даты -
Уж этим бараклом мы все богаты!
Взгляни: не так уж скверно все вокруг —
К тебе с любовью поспешает друг,
И подлинные чувства горячи,
Как пламя разгоревшейся свечи.

31.07. 2013

надо: Без подписи. (А. А. Долинина? — ред.)

От Б. М. Нармаева и его сестры Г. М. Нармаевой

Уважаемая Людмила Константиновна,
в день Вашего юбилея примите наши искренние пожелания Вам долгих лет жизни, благополучия и радости!

Для Ваших студентов Вы являетесь образцом выполнения долга, добросовестности и творческого долголетия.

Пусть Ваши опыт, знания, трудолюбие и целеустремленность будут примером для всех Ваших учеников и коллег!

С благодарностью,

Ваши Б. Нармаев, Г. Нармаева

31.07.2013

От Л. Г. Скородумовой и А. Д. Цендиной*Телеграмма*

Уважаемая Людмила Константиновна,

Примите самые искренние душевные поздравления в день Вашего триумфального юбилея. Позади длинная, не всегда легкая жизнь, но Ваши тепло и мудрость, столь щедро подаренные нам в юности, всегда сопровождали нас, не позволяли сбиться с пути. Мы чувствовали настроенный Вами камертон, вслушиваясь в симфонию монгольской жизни, стараясь понять ее и еще больше полюбить. Людмила Константиновна, счастливая возможность называться Вашими учениками заставляет гордиться, служат пропуском в монгольской среде, придает вес. Мы стараемся не уронить марку и быть достойными учениками своего учителя. Спасибо Вам. Приносим Вам синий, как монгольское небо, хадак и желаем от всей души здоровья и долголетия.

Ваши Лидия Скородумова и Анна Цендина

29.07.2013

**От выпускника кафедры Истории стран Дальнего Востока
Восточного факультета ЛГУ С. Ю. Врадия**

Здравствуйте, дорогая Людмила Константиновна!

Вот и пришел самый главный день в году — день Вашего рождения. Я уверен, что в этот день у Вас будет множество поздравлений, теплых слов, вкусной еды и положительных эмоций!

Конечно, подсчитывать цифры своего возраста не стоит, но ведь Вас никто не заставляет делать это сегодня - это вполне может подождать до завтра, потом до послезавтра, а там и забудется.

Поздравляю Вас с днем рождения и, кроме всего прочего, желаю по-больше думать о хорошем, — и тогда все, действительно, будет прекрасно!

С неизменным уважением и признательностью,

Врадий Сергей

Владивосток

07.2013

От А. В. Федотова

Дорогая Людмила Константиновна!

Примите, пожалуйста, наши наилучшие пожелания по случаю Вашего славного 90-летия! Здоровья Вам! Любим Вас и всегда помним о Вас!

Снежана, мама и Саша! Горжусь Вами! Целую, Саша.

18.07.2013

От выпускницы кафедры монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ Н. О. Кокшаевой

Манай хайртай багш Людмила Константиновна,

сердечно поздравляю с наступившим новым годом. Примите самые теплые, наилучшие пожелания доброго здоровья на многие лета. Постоянно я мысленно с огромной благодарностью вспоминаю Вашу доброту и храню ту теплоту, которую Вы, Людмила Константиновна, дарили нам в те далекие годы нашей учебы на кафедре монгольского языка. Я постоянно чувствовала долг перед Вами, преподавателями нашей кафедры, и пыталась оправдать ваши стремления дать нам знания.

Огромная благодарность за все, я должна была оправдать. Благодаря Вас, Людмила Константиновна за поздравления по случаю защиты диссертации. Тема моей работы значится так: «Лингвистический анализ документов переписки калмыцкого хана Дончук-Даши (18 век)» Защита состоялась в Изя АН (Москва), ведущей организацией был Институт Востоковедения.

Одним из оппонентов была Наталия Сергеевна Яхонтова. Спешу сообщить, что 2 января 2015 г. привезут мой диплом.

Очень хотелось бы увидеться.

Манай хайртай багш¹ Людмила Константиновна, шлю самые добрые пожелания. И много много раз поздравляю с новым годом.

С уважением и благодарностью

Ваша Нина Харинова Кокшаева

31.12.2014

¹ Наш любимый учитель (монг.)

От Н. Ф. Дубняковой-Шаниной

Дорогая Люся!

Поздравляю с Юбилеем! От всей души желаю здоровья, счастья!

Твоя Н.

07.1983

Дорогая Люся!

Поздравляю тебя с Юбилеем! От всей души желаю тебе доброго здоровья и, конечно, Л. А. Будем жить надеждой, что последующий год будет благополучным и более спокойным.

Успехов и удач в ваших служебных и домашних делах. А поэтому быть в хорошей трудовой форме. Добрые пожелания в жизни передает моя семья. Обнимаю. Твоя Н.

07.1993

Дорогая Люся!

От души поздравляю с Днем Рождения. Доброго здоровья тебе и Л. А.

«Неумолимые года

Остановить не в нашей власти.

Пусть эта замечательная дата

В душе твоей оставит добрый след.

Желаю я всего, чем жизнь богата,

Здоровья, счастья, мира, долгих лет.»

Обнимаю твоя Н.

31.07. 1998

Открытка с 8 марта

«Только память тревожат безвозвратно ушедшие дни».

Надя

07.03.2007

Дорогая Люся, школьная подруга.

Душевно поздравляю с днем рождения-юбилейным. Желаю здоровья, беречь его. «На Бога надейся — сам не плошай».

И еще желаю искренне, чтобы ты в трудные минуты помнила о тех периодах, в которые ты жила легко и радостно.

Обнимаю Шанина-Дубнякова
31.07.2013

Письма и записки от коллег и учеников

Людмила Константиновна сохранила некоторые письма своих учеников и коллег. В этих письмах почти уже забытые дух и атмосфера 60-х, 70-х, 80-х годов прошлого века, академический мир того времени. Есть письма и более поздних лет. Все они как небольшой срез времени, вдруг оживляют застывшие картинки из прошлого. Большинство писем — от учеников. Они же и самые интересные, подробные и развернутые. В своих письмах ученики Людмилы Константиновны рассказывают ей не только о том, как обстоят их дела, но, прежде всего, делятся своими мыслями о жизни, говорят о своих переживаниях, много размышляют. Кто-то видит в ней единственного человека, с которым можно вот так откровенно и душевно поговорить, которому можно довериться. Незаурядные характеры, разные судьбы, целые миры открываются нам в этих письмах.

От П. Н. Беркова¹

Дорогая Людмила Константиновна!

Большое спасибо Вам за память и за книгу! Я только самым беглым образом пересмотрел ее, мне кажется, что при внимательном чтении я найду в ней полезные материалы. Желаю Вам всего доброго.

Искренне Ваш
П. Н. Берков
Ленинград,
12.02.1966

¹Павел Наумович Берков — литературовед, библиограф, книговед, источниковед, историк литературы, специалист в области русской литературы XVIII века. Член-корреспондент Академии наук СССР.

Глубокоуважаемая Людмила Константиновна,
сердечно благодарю Вас за доброе, теплое поздравление к Новому году, полученное мною вчера. Желаю Вам в свою очередь всего-всего доброго и поздравляю с уже наступившим Новым Годом.

Искренне Ваш
П. Н. Берков
Ленинград,
01.01.1968

Глубокоуважаемая Людмила Константиновна!
Большое спасибо за память и за поздравления к Новому Году, самое экзотическое из полученных мною. В свою очередь шлю Вам самые лучшие пожелания к уже наступившему Новому году. Рад, что Вам удалось, наконец, побывать в Монголии; огорчен, что Вы чувствуете себя не особенно хорошо. Желаю Вам всего доброго. Пишите о своих впечатлениях: меня они интересуют.

Искренне уважающий Вас
П. Н. Берков
(Дата не указана)

Глубокоуважаемая Людмила Константиновна,
тронут Вашими поздравлениями, в искренности которых ни минуты не сомневаюсь.

Да, мороки было много, теперь все осталось позади, дальше дело пойдет без моего участия. Вместе с благодарностью за столь сердечные поздравления примите мои поздравления с наступающим новым годом и пожелания всего самого хорошего.

Г. Михайлов
21.12.1970

Дорогая проф. Герасимович!

Извините меня, что я не прощалась лично, но если вечером у меня будет возможность, уйду на вокзал. Если так получается, что мы не встретимся, пусть я прощалась от Вас по обычаю нашей кафедры с лесным орехом и апельсином. (Когда кому-то не получается обедать, всегда ест или орех или апельсин). Этим я желаю Вам хорошего, счастливого пути, счастливой Пасхи и всего хорошего в жизни. До свидания!

Vinkovics (? — ред.) Yudit

Будапешт

23.03.1978

Дорогая Людмила Константиновна!

Извините меня, что так долго не писала Вам. После 1,5 месяца в больнице я еще выполнила, что я обещала своему профессору, Каре, и только сейчас пришлось мне писать.

Позвольте мне выразить свою благодарность о том, как Вы всегда внимательно следили нашу судьбу в Ленинграде, как всегда помогали решить наши проблемы от самых маленьких дел до самых крупных. К сожалению, в прошлом году не могли ходить на Ваши лекции по монгольскому литературоведению, но, надеюсь, что в жизни будет еще возможность познакомиться с Вашими идеями подробно о XVII-вековой монгольской литературе. Не только я, но наши преподаватели тоже так видят, что мы провели это время очень полезно, видно на нашем знании. Это, конечно, мы благодарны всем, которые занимались с нами, особенно Вам, доценту Кузьменкову, Касьяненко и Нармаеву. И, конечно, были очень рады познакомиться с вашими студентами, с некоторыми из них, наверное, встретимся еще в Будапеште.

К сожалению, Ёжа еще имеет два экзамена по всеобщей истории и так в этот период не может писать Вам, поэтому я всегда писала «мы». Но, надеюсь, что сдает все экзамены свои успешно, и потом уже может писать Вам.

Еще раз позвольте нам выразить благодарность за все, желать здоровья, всего хорошего и прошу, передайте привет той группе студентов, которая знала нас.

Спасибо за все.

Yudit
Будапешт,
14.02.1980

От Ц-Д Дондовой¹

Дорогая Людмила Константиновна!

Получила Ваше письмо. Большое спасибо за теплые сердечные слова. Тронули они меня до слез. Пусть я немного поплачу, но всегда рада буду этим искренним словам.

4 ноября отметили 49 дней... вот так уходят дни, дни самые тяжелые для меня. Мы ведь, с Циником Бобоевичем были не только мужем и женой, но большими друзьями с одним взглядом на жизнь. Поэтому-то я вдвойне переживаю это невосполнимую для меня утрату.

Людмила Константиновна, я еще раз рада за Вашу дружбу с Цибином Бобоевичем и рада за наше знакомство. Буду гордиться Вами.

Ваша Цырен-Дулма Дондова

11.11.1983

**От выпускницы кафедры монгольской филологии
Восточного факультета ЛГУ Т. Апушевой**

Здравствуйте, моя дорогая Людмила Константиновна!

Вот опять я долго собиралась написать Вам, хотя в мыслях послала сотни писем, а донести их до бумаги... Большое спасибо за письма, мне всегда становится от них легче. И еще большое спасибо за деньги, которые Вы передали Вильмеру, он сказал, что сделал все, как я его просила, только не смог купить гвоздик, а я так хотела, чтобы он подарил Вам именно гвоздики.

У меня все по-прежнему, сижу дома. С интуристами ничего не получается, сейчас нет групп, т. е. для меня не хватает. Недавно Вильмера выбрали в партком факультета, он отвечает за пропаганду, и он написал письмо в партийный контроль с просьбой помочь мне устроиться на работу. Вот мы и ждем сейчас ответа на это письмо. Может, повезет.

Во второй половине ноября были в гостях у Таубе. И там познакомились с Церен-Содномом, он выпускает вместе с ее мужем книгу. Вначале я не могла сказать даже самой простой фразы на монгольском, хотя понимала почти все, а потом, под конец кое-что произнесла. Меня охватил такой ужас, прибежав домой, схватила монгольско-русский разговорник и выучила его наизусть. Насколько долго запомнила пока не знаю, сейчас стараюсь читать старые номера Цогов. А если не

¹Цырен-Дулма Дондова, с 1983 г. — вдова Цибика Бобоевича Дондова, знакомого Л. К. Герасимович из Бурятии

найду работу по специальности, лучше об этом пока не думать. Пока есть надежда.

Иногда встречаемся с Карин. Она счастлива, сейчас у нее есть все, о чем когда-то мечтала. Только переживает за работу, что, может быть, не успеет с диссертацией, но я думаю, все образуется.

Вот и все мои новости. Хотя рассказать хотелось бы о многом, попросить совета, поразмышлять, но для этого мне надо Вас видеть, видеть Ваши внимательные глаза, Ваше по-доброму интеллигентное лицо. Мне всегда так тепло и хорошо с Вами, Вы, наверное, моя «духовная мама». Спасибо за то, что Вы есть, что я знаю, что не безразлична для Вас. Это так помогает мне жить.

А как Вы живете? Как Ваше здоровье, не болеют ли Ваши родные? Какие новости на кафедре? Я никому, кроме Вас, не пишу. Поздравила Бронислава Ивановича с днем рождения и собираюсь написать поздравительные открытки ему и Зое Кононовне с Новым Годом. Вы ведь знаете, я не могу фальшивить и писать то, что я не чувствую.

Рада за Вас, что Вы смогли этим летом отдохнуть, я много слышала о Карелии, но ни разу там не была, может быть, когда-нибудь посчастливится.

На этом заканчиваю свое письмо.

До свидания.

Ваша Таня

P. S. 1. Большой привет и мои поздравления с наступающим Новым Годом Вашим родным.

2. Большой привет Вам от Вильмара и спасибо за добрые слова в его адрес.

Лейпциг,

18.12.1983

От выпускницы ЛГУ 1982 года Нойзе Карин

Дорогая Людмила Константиновна!

От всей души и от всего сердца желаю Вам здорового, благополучного и счастливого Нового года, без больших тревог и со многими приятными развлечениями! Все мои добрые пожелания и Льву Абрамовичу и Вашей маме!

Ваша Карин

Если бы Вы знали, как мне хорошо, легко и тепло стало после Вашего доброго письма. Для меня было очень важно, как Вы относитесь к моему решению, и, вообще, ожидала, что Вы меня крепко поругаете и не одобряете мой уход из университета. Вы, конечно, можете подумать — «А что от этого изменилось бы?» — но все равно я Вам очень благодарна за Ваши теплые слова и понимание, и что Вы и дальше верите в меня.

Нашла я новую работу, которая, по всей видимости, будет интересной, на которой я сама могу развиваться, но и какое-то дело развивать. Буду работать в международной гостинице «Merkur» и руководить языковым обучением всех сотрудников всех международных гостиниц Лейпцига (русский, английский, французский). Там будет много организационной работы, но и работа по содержанию программ обучения и т.д. Пока я больше не знаю, поскольку сама еще не начала работать и пока мало знаю о работе в гостиницах.

Спасибо Вам большое за передачу. Я только что вернулась из дома (была там 3 недели с детьми) и нашла тут посылочку из Берлина. Завтра увижусь с Таней и передам ей Вашу передачу.

Дорогая Людмила Константиновна, постараюсь и в будущем быть и остаться такой, чтобы Вы не разочаровались во мне и всегда буду Вашей.

Карин

(Дата не указана)

Дорогая Людмила Константиновна!

Сердечно поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам, прежде всего, крепкого здоровья, много счастливых, солнечных дней, больших успехов в работе и хороших, послушных студентов!

С большой радостью получила Ваше письмо и очень благодарю. До сих пор живем здесь мирно и почти всегда даже дружно. Лучше друг друга узнаем и учимся понимать друг друга. Наконец-то нам дали все положенные по программе занятия. Старомонгольский у нас ведет сам Лувсандорж. Мне эти занятия очень нравятся. Он очень хорошо и очень много объясняет; грамматику, содержание, приводит примеры из разговорного языка, даже уже монгольские карты объяснил. И из преподавателей я его лучше всех понимаю. Очень четко говорит.

Скоро я уже собираюсь домой поехать: может быть, на наше рождество дома буду. Так что первый семестр здесь почти прошел. Зато второй будет намного длиннее, и будет намного больше работы. Ведь курсовая ждет

еще. Только совсем немножко добились до сих пор. Хотелось бы очень зимой заехать в Ленинград, но пока еще не знаю, как получится. Все-таки деньги играют большую роль. Мы-то бедные студенты, тем более здесь. До скорой встречи!

Действительно, очень хочется в Ленинград.
Самые хорошие пожелания Льву Абрамовичу.
До свидания.

Карин
(Дата не указана)

Дорогая Людмила Константиновна!

Конечно, у Вас будет долгая жизнь (!), уже если только судить по тем добрым пожеланиям и чувствам, которые держат в себе для Вас все Ваши студенты, которых Вы учили и воспитывали, которым Вы дали много ценного, не только в рамках учебной программы. Я лично Вам очень благодарна за все это, и мне очень жаль, что годы идут и мы не видимся. Во время учебы все было так нормально, что можно было с Вами поговорить и после каникул возвращаться в Ленинград (хотя разлука с домом никогда не была легка), но зато сейчас, вообще, никуда не поедешь, работа, обязанности, семья. Очень хотелось бы хоть на неделю приехать в Ленинград, только я не вижу в скором будущем возможности для такой поездки. Я часто в душе разговариваю с Вами или вспоминаю Ваши указания, а при этом ругаю себя, что Вам так мало пишу. Помню, что Вы нам рассказывали, что монголы говорят, что в душе Вас очень любят и помнят, а писать не пишут. Вот и я так же поступаю, хотя знаю лучше. Это я Вам хотела хоть раз сказать, что я не стала забывать Вас или Ленинградское время. Поэтому меня и все интересует, что происходит в Ленинграде, на кафедре, как Вы себя чувствуете, как Ваши близкие, как Ваша работа и студенты. Сама буду чаще писать, не только в душе с Вами разговаривать.

<...> Конечно, придется в это время работать над диссертацией, поскольку аспирантуру продлят только на полгода. Надеюсь, что у меня получится это. Шлю Вам свой самый сердечный привет и желаю Вам, Льву Абрамовичу и Вашей маме здоровыми вступить в зимний сезон!

Ваша Карин
Лейпциг,
24.09.1984

От студента кафедры монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ В. Алдошина

Здравствуйте, уважаемая Людмила Константиновна!

Расписание у нас осталось старое, занятий столько же, сколько и было. Началась настоящая монгольская весна с пыльными бурями, которые наполняют омут пылью и рассеивают свет солнца. Может быть, из-за погоды группа стала появляться на занятиях не в полном составе.

До сих пор испытываю затруднения с разговорным монгольским, видимо, это связано с тем, что я сначала научился читать по-монгольски, а потом уже говорить — во время бесед, услышав предложение, я представляю его напечатанным, а потом уже перевожу. Я вспоминаю наш последний разговор. Вы были абсолютно во всем правы. Я хочу лишь еще раз сказать, что очень хорошо отношусь к людям и именно поэтому я сторонюсь их. В течении долгого времени я создал в себе особый мир, которым я живу. Этот мир замкнут и я не хочу, чтобы кто-то вторгался в него. Я нуждаюсь в людях — мне очень нравятся чисто деловые и чисто «никакие» отношения, когда никто ни у кого ничего не просит, а самое главное, когда эти отношения не касаются моих чувств. К сожалению, жизнь показывает, что очень редко удается установить такие отношения, а когда люди пытаются как-то коснуться моего мира или обмануть меня, они сразу теряют для меня всякий интерес, я никому этого не прощаю, и делаю все, чтобы они ушли из моей жизни, хотя бы в ущерб себе.

Простите за столь странное письмо.

До свидания.

В(италий — ред.) Алдошин

29.03.1983

Здравствуйте, уважаемая Людмила Константиновна!

Письмо я нашел, действительно, странное и, может быть, не совсем точно изложил свои мысли. У меня трудные отношения с людьми и, наверно, это связано с тем, что я почти лишился чувственного восприятия мира. Я разучился по-настоящему общаться и прощать. Жизнь для меня — это явления, которые почему-то накрепко запоминаются мне. Слишком много времени нужно для того, чтобы можно было назвать человека другом, а за это время происходят такие вещи, которые не позволяют мне назвать человека ни «другом», ни «врагом». Мне намного проще со-

всем не общаться с людьми, но общения избежать нельзя. Мне легко общаться с людьми, если я точно знаю, как они ко мне относятся. Доброту и неравнодушие ко мне я очень редко вижу, так что общаюсь я в основном с «врагами» и «людьми равнодушными». Но я не боюсь смерти, а потому не боюсь «врагов», и к людям я отношусь так, как они ко мне относятся - если люди честны со мной, я честен с ними. Но лучше оставить этот вопрос. В Улан-Баторе уже начала зеленеть трава, каждый день ветер вздымает кучи песка, и учиться осталось всего несколько дней. Людмила Константиновна, если возможно, узнайте можно ли еще посещать занятия по древнему китайскому языку для начинающих. Мне хочется продолжать учить китайский, хотя, конечно, это очень сложно.

До свидания

Виталий (Алдошин — ред.)

17.05.1983

От выпускницы кафедры монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ Т. Апушевой

Дорогая Людмила Константиновна!

Поздравляю Вас с наступающим праздником 8 марта! Желаю крепкого здоровья, успехов, всего самого хорошего, доброго и прекрасного. А самое главное: не болеть и жить долго, долго.

У меня появились кое-какие изменения. Мы, наконец-то, получили квартиру, переехали, понемногу обживаемся. Экзамен в институте сдала на «5», и вот уже в апреле будет выпускной, а затем... т. к. насчет работы полная неизвестность. Настроение не ахти, одна радость — скоро поеду домой — в Союз. Я уже считаю дни и ночи. Как только мама пришлет приглашение, сразу же выеду. Конечно же, поеду через Ленинград и уже представляю нашу с Вами встречу, наверно, я снова буду рыдать (на этот раз от счастья, что увидела Вас снова), уже сейчас навернулись слезы. Я больше не могу здесь. Ну, хватит мне ныть, сама виновата!

А как там Вы? Как Ваше здоровье? Я уже очень соскучилась, наверно, скоро позвоню. Большой привет Льву Абрамовичу и мои поздравления с праздником Августе Михайловне.

Ваша Таня
До скорой встречи.

Лейпциг,
28.02.1983

**От выпускника кафедры Истории стран Дальнего Востока
С. О. Курбанова**

Уважаемые Лев Абрамович и Людмила Константиновна!

Извините меня за то, что будет написано ниже, но именно вас мне не хочется поздравлять казенными холодными словами. И рука моя пишет совсем другие строки...

Здесь на открытке нет привычной новогодней елки, зимы и всего того, что обычно сопутствует Новому году. Но зато здесь есть «Новое»... Эти молодые птенчики, зеленая трава, цветы... Однако нелепо говорить о новом, когда в жизни пришла Осень. Да, конечно, все будут говорить, что осень прекрасна, что ее любят и воспевают все. Но ведь это осень... Пора, когда прекрасное старое уступает место неизвестному новому. Листья падают, освобождая место другим поколениям листьев... Но осень — это еще и пора плодов. Да! Плоды созревают **только** осенью. А что такое плод? Это источник жизни нового, еще более нового, чем на старом дереве. Без плодов невозможна жизнь вообще, невозможно развитие. Плод — смысл всего. И мне очень, очень хочется, чтобы ваши плоды дали жизнь как можно большему и прекрасному новому! И это было бы истинным счастьем...

Я думаю, что и Маша, которая сейчас, видимо, находится в Монголии (точных данных у меня нет) присоединилась бы к моим словам, пусть неключим, но сказанным от всего сердца.

С. Курбанов
Пхеньян,
12.1984

От выпускницы ЛГУ Джылдыз¹

Здравствуйтесь, Людмила Константиновна!

Большое Вам спасибо за письмо. Извините, что долго не отвечала. Я долго думала над Вашим письмом, но ни к какому утешительному выводу для себя не пришла. <...> (часть письма опущена)

Знаете, Людмила Константиновна, я много думала, и мне теперь кажется, что три года, прожитые в Ленинграде, учеба в нашем Университете мне многое дали. Если бы я жила с родителями, я никогда бы, наверное, не поняла, что такое обида, друзья, обман, потому что меня настойчиво огра-

¹ Составители специально не указывают полное имя адресанта. Приводят данную переписку исключительно в целях продемонстрировать степень доверительности Л. К. Герасимович со своими учениками.

ждали от этого. Ведь для них я всегда была ребенок и мне нужны только положительные эмоции. Боже мой, Людмила Константиновна, если бы Вы знали, сколько я совершила ошибок всего лишь за три года, скольких людей я обидела, мимо скольких прекрасных людей я прошла, утешая себя тем, что будет еще время с ними встретиться. Я просто не учла того, что в жизни не бывает мелочей и есть время только для ошибок, а времени, чтобы исправить их часто не дано нам. Одна мелочь наслаивается на другую, одна ошибка идет за другой, а прозрение приходит поздно, если вообще приходит <...> (часть письма опущена)

Спасибо Вам, Людмила Константиновна, за то, что выслушали меня. Спасибо за все, что сделали для меня. Ведь Вы научили меня думать, оценивать свои поступки критически. Но не Ваша вина в том, что получалось плохо или иногда совсем не получалось. Я обязательно буду Вам писать, потому что говорить мне всегда трудно, легче написать.

Дж.

03.04.1982

Здравствуйте, Людмила Константиновна!

Извините меня, пожалуйста, за то, что я не смогла сразу ответить на Ваше письмо. Спасибо Вам большое за книжку, но работать над ней я еще не начала, не смогла достать словарей, придется отложить работу до приезда в Ленинград. Совершенно не представляю себе, как я буду работать после окончания, ведь совершенно невозможно достать нужную литературу по Фрунзе, но, надеюсь, что окончательно это выяснится потом, когда я буду иметь возможность записываться в нужные мне библиотеки.

Сейчас я закончила (почти закончила) свои дела, отпечатала все госбюджетные отчеты кафедры, все текущие материалы и вздохнула свободно. Теперь занимаюсь не менее важным, но более трудным делом — достаю билет на самолет, но пока безуспешно. Занимаюсь этим с 6 августа, но никакими успехами не могу похвалиться. Никогда не думала, что во Фрунзе летом съезжается огромное количество туристов, отпускников и т.д. Сегодня стояла в очереди с шести утра, но всего навсего оказалась 55-ой по списку, а в день на самолет ТУ-154 дают по 15–20 билетов. Не могу представить, куда деваются остальные, если заказы за 20–25 дней они не принимают, просят позвонить за 15 дней, а за 15 дней билеты уже нигде невозможно достать. Сегодня продавали билеты на 27 августа, мне, естественно, не досталось. Завтра тоже пойду попытаю счастье. К чему я начала весь этот разговор? Людмила Константиновна, помните наш

разговор о равнодушии, о любви к людям, отзывчивости? Я много думала над этим, наблюдаю за людьми везде, делаю свои выводы. Людмила Константиновна, помните, Вы говорили о любви ко всем людям. Я не отрицаю самого существования такой любви. Но для этого нужно быть Львом Толстым, иметь такое же сердце, как у него, что большая редкость во все времена, за что, кстати, перед Л. Толстым преклоняются. Для такой любви нужно уметь прощать, прощать за все: и за подлость, и за предательство, и за грязь. Мало людей, которые могут простить это, гораздо больше таких, которые никогда не смогут (именно не смогут) простить негодяев. Можно всегда прощать людей за ошибки, которые совершаются постоянно, но которые идут не от злого сердца, прощать за те ошибки, совершив которые, человек постоянно чувствует себя виновным. Я не совсем точно выразилась, но краткий смысл таков — нужно знать кого прощать. Я никогда не смогу быть в хороших отношениях с человеком, который в панике может забыть о том, что он человек, и начинает топтать детей, больных. Это не фантазия, я наблюдала это, когда в троллейбусе, в котором я ехала, что-то загорелось и люди, давя друг друга, детей, стали пробиваться к выходу. Людмила Константиновна, видели бы Вы их лица... Это было стадо. И это страшно.

Я не могу помогать людям, которые обливают людей грязью, испытывают удовольствие от этого. Конечно, это наивно и граничит порой с максимализмом, но я не могу с ними разговаривать, даже здороваться. Когда я вижу таких людей, на меня накатывает такая волна брезгливости и презрения, что иногда самой становится страшно за свою впечатлительность.

Конечно, я не собираюсь высказывать примитивную и банальную мысль о том, что все люди — дрянь, и они не стоят того, чтобы делать ради них что-то. Такая мысль и глупа, и слепа. Я для себя сделала один вывод — нужно всегда быть честным перед собой. Это, конечно, трудно, не всегда это приятно, часто оказываешься битым и «хуже других», но мне кажется, что в этом суть нашего существования. Вот то, что я хочу сказать. Я знаю, что мне трудно будет в жизни, что с такой позицией я ничего не добьюсь, но как бы ни было мне плохо, я буду знать, что я чиста перед совестью.

Людмила Константиновна, как Вы относитесь к творчеству В. Высоцкого? Я знаю, что многие из старшего поколения его не принимают из-за его какой-то бравады, за его «непричесанные» песни, но главное ведь не в этом. Я читала недавно его книгу, нашла одно интересное стихотворение. Я не знаю, песня ли это или он не успел написать музыку. Но дело не в этом. Мне кажется, что оно имеет прямое отношение к нашему разгово-

ру о равнодушии. Если хотите, я приведу его здесь полностью. Называется оно «Маски».

Смеюсь навзрыд, как у кривых зеркал,
Меня должно быть ловко разыграли:
Крючки носов и до ушей оскал —
Как на венецианском карнавале.

Что делать мне? Бежать, да поскорей?
А может, вместе с ними веселиться?
Надеюсь я - под маскою зверей
У многих человеческие лица.

Все в масках, париках — все, как один.
Кто сказочен, а кто литературен.
Сосед мой справа — грустный Арлекин,
Другой — палач, а каждый третий — дурень.

Я в хоровод встаю хохоча,
Но все-таки мне беспокойно с ними, —
А вдруг кому-то маска палача
Понравится, и он ее не снимет?

Вдруг Арлекин навеки загрустит,
Любуясь сам своим лицом печальным?
Что, если дурень свой дурацкий вид
Так и забудет на лице нормальном?

Вокруг меня смыкается кольцо,
Меня хватают, вовлекают в пляску.
Так-так мое обычное лицо
Все остальные приняли за маску.
Петарды, конфетти! Но все не так...
/и маски на меня глядят с укором.
Они кричат, что я опять не в такт,
Что наступаю на ноги партнерам.

Смеются злые маски надо мной,
Веселые — те начинают злиться,
За маской пряча, словно за стеной,
Свои людские подлинные лица.

За музами гонясь по пятам,
 Но ни одну не попрошу открыться:
 Что если маски сброшены, а там
 Все те же полумаски-полулица?

Я в тайну маски все-таки проник.
 Уверен я, что мой анализ точен.
 И маска равнодушия у иных —
 защита от плевков и от пощечин.
 Как доброго лица не прозевать,
 Как честных угадать наверняка мне?
 Они решили маски надевать,
 Чтоб не разбить свое лицо о камни.

Вот и все, о чем хотела Вам написать, Людмила Константиновна. Я знаю, что со многим, что я написала, Вы будете не согласны. А иначе и быть не может. Если бы было по-другому, то жизнь стала бы слишком легка и скучна.

Р. S. Да, Людмила Константиновна, совсем забыла написать. Я ведь отправила документы на факультет: характеристику, выписку из трудовой книжки, фотокарточки. Вот только не помню, отправила ли я заявление на имя ректора. Как всегда, я верна себе. Я хочу отправить сейчас, только мне кажется, что это можно сделать позже, когда приеду в Ленинград. Как Вы думаете, Людмила Константиновна?

Дж.

11.08.1982

Здравствуйтесь, Людмила Константиновна!

Я все-таки решилась написать Вам, хотя поначалу мне не хотелось надоедать Вам со своей жизнью, потому что Вы столько сделали для меня и хотели сделать, но все оказалось безрезультатным по моей же вине. Мне много раз хотелось написать Вам, но меня удерживала мысль: «А что я могу написать, кроме своих занудных размышлений?». Ведь, честное слово, они мне самой надоели, но сейчас мне просто необходимо написать Вам. Наверное, когда выплеснешь все на бумагу, становится понятнее и самой в чем же дело.

Из нашего разговора зимнего мне чаще всего приходит на память Ваша фраза о том, что при моем образе жизни и мыслей мне придется подводить печальные итоги в конце жизни. Как всегда, Вы были правы, 100 раз правы, по-моему, эти печальные итоги я подвожу уже сейчас. Мне кажется, что потерпела крах моя очередная схема. Я пыталась жить, как живут многие. Людмила, Константиновна, ведь многие живут, сознательно упрощая все в жизни, стараясь не задумываться ни о чем глубоко, и ведь они счастливы! Другая сторона, конечно, в том, что они теряют от этого образа мыслей, но я так схватилась за него, что первое время даже радовалась спокойствию и тишине. А сейчас мне просто жалко выброшенного года, но иногда мне хочется забыть это время, но я не могу это сделать, потому что слишком много плохого накопилось в моей душе, чувствую, что я стала намного хуже, чем была раньше, хотя раньше тоже не была приятным человеком.

И опять-таки Вы были правы, когда говорили мне о том, что мне нужно дело. Я всегда знала об этом, но что-то у меня не ладилось. Причем, самое обидное в том, что нельзя оправдаться тем, что ты ничего не знала об этом. Плохо, плохо я живу, но мне кажется, что я не смогу себя сломать. Временами я думаю: «Все! Кажется, выкарабкалась». А в следующий раз это мне удастся все тяжелей и хуже.

Когда-то я писала стихи, но дело не в них, тем более, что это были плохие стихи. Мне дорого то состояние души, которое у меня было тогда. Это настолько неповторимо, что, видимо, никогда не изгладится из моей памяти.

Перечитала письмо-сумбур, ничего так и не поняла, кроме того, что в каждой строчке «я» да «я».

Людмила Константиновна, я знаю, чувствую, что письмо мое Вам не понравится, но других я пока писать не умею.

Да, совсем забыла написать еще об одной перемене в моей жизни — я уволилась, теперь я даже не машинистка, не знаю кто. Конечно, я могу пойти работать куда угодно, у нас это не проблема, но что за смысл в этом, если мне опять придется уволиться? Сейчас я думаю.

Людмила Константиновна, если у Вас будет желание, напишите мне письмо. Буду ждать с нетерпением, хотя уже сейчас знаю, что в нем будет мало приятного.

Дж.

17.04.1985

Здравствуйте, дорогая Людмила Константиновна!

Больше месяца уже прошло после нашей встречи. Я не забыл о ней и, поверьте, уже никогда не забуду. И еще раз хочу сказать Вам: спасибо за урок. Простите меня. Не хочу больше говорить об этом: мне просто стыдно. Вы правильно сказали: разрушить добрые отношения легко, чтобы восстановить их нужно многое. И это многое должен сделать я сам...

Итак, я виделся с мамой и Андрюшей, которые передают Вам большой привет. Андрюша успешно закончил автомобильный техникум. Препо-дает там же. Маме в этом году исполняется 55 лет, судя по всему, она продолжит работать. К сожалению, дома был мало — всего две недели. Мама очень тяжело переживает разлуку, мне кажется, даже с каждым годом труднее и труднее. От /Новосибирска я, наверное, уже отвык (ведь с 17-ти лет я в Ленинграде), хотя он мне дорог, прежде всего потому, что там живут близкие мне люди.

А потом мы все (Снежана и ее мама) встретились в ГДР. Дора и Уве в этом году не смогут приехать в Болгарию из-за малышки — очаровательной Марии. Она теперь средоточие наших мыслей и забот. Конечно, одной недели, проведенной там, было крайне мало, особенно для Снежаны и Доры — они так привязаны друг к другу.

Расставания, вслед за встречами, неизбежны в нашем большом интернациональном семействе. А там, где расставания, там и слезы.

А в Софии на меня, как всегда, обрушился поток дел и куча работы. Но это мое обыкновенное, уже привычное состояние. Хочу за остаток лета успеть сделать то, на что потом просто не будет времени.

Людмила Константиновна, будете ли в сентябре в Ташкенте на 29-й конференции РАС, посвященной проблемам алтаистики? Или, может быть, поедет еще кто-нибудь с кафедры?

Примите привет от Снежаны, мамы и папы. Желаю всего доброго Августе Михайловне и Льву Абрамовичу.

Искренне Ваш
Саша
София,
24.07.1986

Дорогая Людмила Константиновна,

Спасибо Вам за Ваше письмо-откровение, спасибо за доверие. Вы абсолютно правы: из жизни уходит что-то такое, что в принципе должно быть мерилом человеческой совести. На таких теперь почему-то смотрят как на, мягко говоря, чудаков, людей странных и непонятных. Боюсь, что это процесс универсальный и повсеместный. Вот он и здесь. И если можно хоть в какой-то степени «закрыть глаза» на отдельные случаи такого поведения, учитывая какую-то особую одаренность этого человека, может быть, даже гениальность, то, к сожалению, картина повального прагматизма действует на тебя, подобно всегромящей кувалде. Не знаю, поверите ли Вы, но я с такой тоской вспоминаю нашу все-таки академическую атмосферу на кафедре, на факультете. Наверное, сейчас многое изменилось, но хотя бы есть, что вспомнить. Тут же все совершенно иначе. Много трудностей объективного и субъективного характера. Все подчиняется каким-то сиюминутным потребностям, часто отнюдь не научного характера. Мне, наверное, грех жаловаться: все-таки я теперь уже в лучшем болгарском университете, у меня интересная работа, но я один, Людмила Константиновна. У меня есть друзья — мои коллеги одного (чуть старше) со мною возраста, которые по-моему действительно занимаются делом, другие же заняты чем угодно, только не наукой и, извините за это слово, воспитанием студентов. Т.е. о востоковедении применительно Болгарии можно говорить, по-моему, пока условно. Есть отдельные востоковеды, но нет науки.

Вы знаете, я все больше и больше убеждаюсь, как много мне дал университет (в любом отношении). Я чувствую в себе какой-то стержень, который, хочется думать, никогда не сотрется, не исчезнет. Это вселяет в меня уверенность за все то, чем занимаюсь, дает мне силы. Это важно. Погрязнуть же в быту просто не удастся, как говорится — пока «ни двора, ни кола». Да это и к лучшему, больше времени посвящаю работе.

Ваш студент, по-моему, не прав. Для меня же теперь литература 19 века (мой любимый период в развитии русской литературы) — это незримая связь с Россией. Когда мне плохо, я сажусь и читаю Толстого, Чехова, Тургенева... Вот и сейчас перечитываю одиннадцатый том Л. Н. Толстого.

Я обязательно приеду летом в Ленинград и разыщу Вас. Я скучаю по кафедре, по Ленинграду.

Я тоже с нетерпением жду каникул, чтобы окончательно засесть за «Тайную историю монголов». Я работаю с китайским изданием текста. В этом году должен сдать перевод в издательство «Наука и искусство» с большим предисловием и соответствующим научным аппаратом. В этом

я вижу большую пользу для нашего общего дела. Помимо этого хочу заняться (и фактически уже занимаюсь) литературными качествами этого памятника в целом — пишу монографическое исследование. К марту должен сдать статью о развитии монгольской литературы (обзорную) в новейший период. Работа меня увлекает и работаю я с большим желанием. Наверное, это и есть мое призвание. С другой стороны, меня все больше увлекает преподавательская деятельность, особенно чтение лекций. Всякий раз стараюсь зажечь в глазах студентов огоньки понимания, интереса, разбудить их, хотя (это, наверное, ворчание) студенты пошли какие-то странные.

Дорогая Людмила Константиновна, передайте, пожалуйста, наш привет Льву Абрамовичу. У нас со Снежной все хорошо, мы любим и понимаем друг друга, а это главное. Мы по-прежнему разбросаны по свету, в Германии растет наша маленькая племянница, ей скоро будет 2 годика. Ее зовут Мария.

Людмила Константиновна, я с радостью выполню все Ваши просьбы. Желаю Вам и Вашему супругу здоровья и благополучия в этом году.

Искренне Ваш

Саша Федотов

София,
08.01.1988

Здравствуйтесь, дорогая Людмила Константиновна!

Вчера получил Ваше письмо и новогоднее поздравление и тут же сел писать Вам ответ, устыдившись за свое молчание, поверьте, молчание формальное, так как последнее время очень часто Вас вспоминаю и, как мне кажется, сейчас, по прошествии стольких лет, лучше Вас понимая и правильнее оценивая Ваше желание найти с нами — тогдашними студентами общий язык. Если бы знали, что мне приходится переживать с моими студентами. Казалось бы, возрастная граница не столь велика, но это совершенно другие люди. К сожалению, их еще и много, наши группы в среднем по 15 человек, все разные, но работать бы хотелось не более с 2–3, остальные же просто мешают, не просто не хотят понять суть востоковедения, не желают понять, что это призвание, а не профессия, но мешают и другим это сделать. Вот уж никогда не думал, что перестану по ночам спать из-за отношения студентов. Пытаюсь им объяснить, точнее, привить любовь к Востоку, говорю, что в противном случае им просто нечего у нас делать — нет, ими в большинстве случаев движет просто прагматизм и чисто утилитарный подход. Коллеги меня успока-

ивают, говорят, что преподавать — это значит просто работать, о другом нужно забыть. Но ведь, как мне кажется, мы еще должны немало вещей объяснять этим молодым людям, которые к нам пришли. Одним словом, только сейчас я понял, когда появились собственные студенты, раньше я читал для студентов из других специальностей, что такое преподавательская работа. Это — ад, если, наверное, пытаться что-то сделать. К сожалению, это очень мешает освободить себя для другого — я перестал отдыхать, точнее, просто уже не могу отдыхать, труднее идет научная работа. Хотя сейчас пытаюсь закончить докторскую диссертацию. Тема «Дидактические традиции в древней и средневековой тибетской поэзии», работаю над ней давно, у меня вышло немало статей и даже книг по этой теме. Не хочу ограничиваться только преподаванием, особенно, когда не всегда получаешь за это благодарность. Но, конечно, есть и хорошие, даже прекрасные студенты, которые сочетают в себе и жажду к знаниям, и этику, и воспитание. Вот только что — пишу это письмо на кафедре — двое таких студентов поздравили меня с Новым годом и даже преподнесли открытку. Кстати, они первокурсники, но уже изучают по желанию монгольский язык, читают мои переводы.

Дорогая Людмила Константиновна, этим летом я был в Монголии на конгрессе монголоведов. <...> (часть письма опущена) там я видел некоторых старых знакомых — Аню Цендину, Лиду Скородумову... Аня мне сказала об одном интервью, которое Вы дали монголам, в частности, Вы говорили там о своих учениках. Мне было очень приятно это услышать, спасибо Вам, поверьте, для меня это очень ценно. С годами, наверное, эта связь — пусть даже незримая и осуществляемая в письмах — становится крепче и осязаемее <...> (часть письма опущена)

Ах, как бы хотелось взглянуть даже на обшарпанный Петербург! Сердечный привет уважаемому Льву Абрамовичу. В 4 выпуске Бюллетеня Ассоциации монголоидов прочитал поздравления Лиды Скородумовой по поводу Вашего юбилея. Мне нет оправдания, в полной мере осознаю себя ничего не стоящей гахай, тем не менее, дорогая Людмила Константиновна, позвольте и мне пожелать Вам крепкого здоровья, все остальное — последствия. И глубокий Вам поклон за то, что нам преподавали именно Вы. Вы даже не знаете, как это важно!

Снежанка Вам кланяется <...> (часть письма опущена)

Передайте от меня привет тем, кому сочтете нужным. Я остаюсь с наилучшими пожеланиями Вам и Л. А.

Искренне Ваш Саша

София,
19.12.1997

Людмила Константиновна, здравствуйте!

Пусть Вас не удивляет мое местонахождение. Я приехала сюда на лечение. В этих местах я впервые. Здесь можно прекрасно отдохнуть, увидеть очень много интересного и познавательного. Все-таки наш факультет дал очень многое мне. Я стала с интересом относиться ко всем народам, меня интересует буквально все. Прислушиваюсь к речи, пытаюсь не только понять, но и почувствовать народ. Конечно, большую роль в этом сыграли Ваши советы и весьма поучительные истории, которые Вы нам рассказывали.

Но сегодня я хочу поговорить с Вами о другом. Людмила Константиновна, я беспокоюсь за Вас. Вам нужно отдохнуть. Вы устали, Вы очень устали и это заметно. Я совсем не привыкла видеть Вас плохо выглядящей. Подумайте хоть немного о себе. Сколько можно тратить сил на нас. Если честно говорить, то мы не стоим этого, Людмила Константиновна. Сколько раз мне было стыдно за себя, за слабость свою и безволие. А Вы так умели терпеть и понимать. Людмила Константиновна, Вы даже сами не знаете скольким Вы помогли. Я знаю: Вас это не интересует. Вы помогли и мне. Я очень Вам благодарна и признательна, Людмила Константиновна. Вы нужны не только мне, Вы нужны многим. Вы совсем не умеете беречь себя. Сделайте это хотя бы ради нас студентов (я до сих пор считаю себя Вашей студенткой). Впереди новый учебный год... Вы должны отдохнуть. И Льва Абрамовича надо заставить это сделать. Он у нас частенько забывает об этом. Так нельзя! Людмила Константиновна, обещайте, что обязательно отдохнете. Иначе я не успокоюсь.

Чрезмерная сентиментальность мешает мне говорить добрые слова, но в душе я так хочу выразить свои добрые пожелания дорогим мне людям. Написать легче, чем сказать. А то чуть что, голос дрожит и глаза на мокром месте. А это ведь совсем не модно. Может, со временем научусь говорить. Мне всегда кажется, что если я начну говорить, то мои слова будут звучать не искренно. Только самое странное то, что я слушаю и воспринимаю все с видом бесчувственного чурбана. Поэтому для очень многих я просто равнодушный человек. Вряд ли Бадма Морхаджиевич знает, что я очень болею за него. Он очень добрый и честный человек.

Людмила Константиновна, давайте договоримся: Вы со Львом Абрамовичем будете спокойно отдыхать, подкрепите здоровье. Здоровье — самое главное. Побольше бывайте на свежем воздухе. Помните: хороший отдых — залог здоровья. Мне ли Вас учить, Людмила Константиновна?!

С уважением
Марина Монгуш
P. S. Какое глупенькое письмо.

22.07.1982

Дорогая Людмила Константиновна!

Спасибо, что откликнулись. Постоянно думаю о Вас как о родном, бесконечно близком мне человеке. До сих пор храню в сердце ту безграничную доброту, которую Вы буквально изливали на нас в течение пяти студенческих лет. А ведь мы были у Вас не одни... Сейчас, когда я крепко стою на своих ногах и устоялась в своем мировоззрении, мне как никогда хочется вернуть Вам долги, хотя заранее знаю, что не смогу дать Вам столько, сколько Вы дали мне.

Я настроена решительно, Людмила Константиновна. Собираюсь в начале следующего года приехать в Питер и дальше прокладывать дорогу в мир знаний. У меня состоялся телефонный разговор с Сергеем Григорьевичем Кляшторным, правда, он чувствовал себя неважно, сильно кашлял и общий тонус бы явно понижен. Я пообещала ему, что приеду не с пустыми руками, т.е. подготовлю основу работы. Сейчас заканчиваю работу над второй главой, приступаю к третьей. Всего будет пять глав, плюс введение и заключение. Теоретический материал собираюсь навестывать в Питере, т. к. здесь мы сильно оторваны от новой литературы. Зато со сбором фактологического материала как раз дело в Туве обстоит самым лучшим образом. Никогда и нигде не бывает на все 100 процентов плохо, всегда есть что-то, чему можно и следует поучиться.

Ваше намерение подготовить лекции по монгольской литературе я полностью поддерживаю. Дай мне Бог оказаться в Питере, чтобы помочь Вам в технических делах (набор на компьютере, сверка сносок и т. д.). Между прочим, Ваши лекции настолько сильно отпечатались в моем сознании, что я слово в слово могу воспроизвести их как будто это было вчера. Тогда, в начале 1980-х, слушая Вас, я видела, что в Вас живет не только талантливый педагог, но и характерная актриса с очень широким диапазоном. Через Ваши лекции легко можно было увидеть масштаб Вашей личности. Вы своей личностью обогащали монгольскую литературу. Благодаря Вам, она становилась богатой и многогранной, хотя сильно ее принижать тоже не хочу. Красота в глазах смотрящего — через эту истину, как мне кажется, Вы реализовали свою любовь к Монголии.

Я надеюсь, Людмила Константиновна, быть несколько лет рядом с Вами. Знаю, что Вы никогда не будете просить о помощи, но, когда она Вам будет нужна, я не стану Вас спрашивать об этом, я просто начну действовать. Конкретное действие — вот что меняет жизнь.

Ваша Марина Монгуш

Кызыл,
18.09.2000

Дорогая Людмила Константиновна!

Вы, как всегда, очень искренне откликнулись на мои дела, за что я Вам бесконечно признательна. Я ни на минуту не забываю о том, какую большую роль Вы сыграли в моей жизни, поэтому мое желание быть несколько лет в Питере рядом с Вами было и остается осознанным. Я пыталась осуществить это желание через возобновление старых контактов со своим бывшим научным руководителем в надежде, что он будет спокоен на счет того, что не kota в мешке берет. Но, увы. Но у этой ситуации есть свои положительные стороны. Во-первых, я почти что сделала самостоятельную монографию из несостоявшейся докторской диссертации, которую назвала «История буддизма в Туве». Во-вторых, у меня в голове уже довольно четко вырисовывается композиция другой темы, на которую мне пришлось в срочном порядке переориентироваться. <...> (часть письма опущена)

Кстати, я и в Вас вижу много нереализованного потенциала, который, как мне кажется, может легко раскрыться при дружеском участии хорошего единомышленника. Вам есть что сказать людям и, самое главное, пожалуй, это то, что Вы от природы обладаете ярко выраженной способностью воздействовать на глубинные структуры человеческой души. Будь я режиссером, я бы сняла только один Ваш взгляд, в котором так много ясности и бесконечного движения, которые сродни вечности. Как видите, Людмила Константиновна, во мне живет не только исследователь науки. В последнее время с удовольствием пишется и думается.

Жаль, что тогда Вы отказались сфотографироваться. Я так хотела иметь Вас у себя дома, всегда рядом. Как члена семьи. Может быть, в следующий раз согласитесь?

И как на счет интервью? Мне бы очень хотелось сделать с Вами интервью для нашей тувинской газеты. Вы ведь человек, хорошо знающий наш регион, наш менталитет. У Вас было несколько тувинских студентов. Вот вокруг этого и строили бы свой разговор. В связи с этим высылаю Вам свои последние зарисовки, чтобы привлечь Ваше внимание к своей просьбе. Правда, я работаю не только в жанре интервью, мы могли бы по-другому выстроить материал. Кроме того, я знаю, что за Вас мне писать не придется. Вы это сделаете гораздо лучше меня. Вас по работам хорошо знают наши литературоведы, но они понятия не имеют, что как личность Вы еще более интересная. Я бы хотела представить им Вас. Так что моя просьба остается серьезной и настойчивой.

Желаю Вам и Льву Абрамовичу всяческих благ. Берегите себя. Буду очень рада, если черкнете парочку строк. Для меня это очень важно.

С низким поклоном
Ваша Марина Монгуш
31.01.2001

Записка от Л. И. Овсянниковой

Дорогая Людмила Константиновна!

Помню Вас, вспоминаю частенько Вас и Льва Абрамовича (вечная ему память!), скучаю.

Здоровья Вам и бодрости на много-много лет.

Обнимаю Вас!

Мила
(Овсянникова Людмила Ивановна)
Без даты

От аспиранта Л. А. Березного — Ю. В. Кузьмина

Глубокоуважаемая Людмила Константиновна, здравствуйте.

Из Иркутска Вас приветствует Юрий Васильевич Кузьмин, бывший аспирант Льва Абрамовича Березного. Надеюсь, что Вы помните меня, я у Вас изучал монгольский язык в 1981 учебном году, а в 1986 году защитил кандидатскую диссертацию по монгольской диссертации, 1998 году защитил докторскую диссертацию «Монгольский и урянхайский вопросы в общественно-политической мысли России конца 19 в. — первой трети 20 века». Лев Абрамович написал мне отзыв на автореферат докторской диссертации. Хотя послал автореферат просто для благодарности. По-прежнему занимаюсь монголоведением, опубликовано 215 работ, из них 8 монографий (с переизданиями 12), 16 учебных пособий. Диссертации под моим руководством защищаются по истории, монголоведение и экономике.

Работаю в двух университетах, руковожу двумя научными центрами, главный редактор двух п/изд. «Вестник МУАИ», «Востоковедные чтения».

Только что вернулся из Монголии, где участвовал в двух международных конференциях и 26 октября вручили Диплом Почетного Доктора Монгольского Национального Университета. В своей речи (по-монгольски) я говорил, что это награда моим ленинградским и иркутским преподавателям, называл имя дорогого Льва Абрамовича Березного и Ваше.

Дорогая Людмила Константиновна, я всегда гордился и горжусь своим образованием на восточном факультете. Главное — историческая подготовка, историографическая школа Льва Абрамовича очень помогли мне в научной работе. До сих пор книги Л. А. Березного — настольные для моих аспирантов и докторантов.

Дорогая и глубокоуважаемая Людмила Константиновна, я всегда помню Вашу строгость и требовательность; доброту и профессиональность Льва Абрамовича. Я до сих пор в долгу перед Вами.

Напишите, пожалуйста, мне кратко о Вашей жизни. Может быть, нужно что-то издать из Ваших трудов или рукописей. Могу издать в Иркутске недорого и быстро за свой счет. Людмила Константиновна, как Вы себя чувствуете? Какие проблемы? У меня есть друзья в П-ге, может быть, нужна помощь в чем-либо?? Сообщите, пожалуйста. Пытался звонить по телефону, но на известный мне номер не попадал к Вам. Сообщите свой телефон. Заранее благодарен.

Людмила Константиновна, желаю Вам здоровья и благополучия.
Благодарю Вас. Спасибо.

Ваш Ю. Кузьмин

30.10. 2011

Письма от Немудровой Веры Николаевны, первой выпускницы Людмилы Константиновны

Разница в возрасте между учителем и ученицей была всего лишь в несколько лет. Вера Николаевна почитала Людмилу Константиновну как своего наставника и учителя. До самых последних лет они поддерживали связь, переписывались, обменивались звонками. Бывая в гостях у внучки в Петербурге, Вера Николаевна непременно заходила в гости к Людмиле Константиновне, чтобы встретиться и поговорить по душам.

Здравствуйте, Людмила Константиновна,
здравствуйте, дорогой человек, давно преданно ставший мне близким.

Виновата я: когда еще обещала написать Вас, да вот только собралась. Что-то все мешало: и хорошее, и не совсем. Из хорошего могу сказать о поездке в Казань, буквально на 2 или 3 неполных дня. Но

успела прибраться на могиле своего отца, что-то заменить. Встретилась с теми, кого знаю еще с 1-го класса школы. Многие вспомнили, что было в далеком детстве, а для меня это и о моих родителях. Трудно, непросто было уходить мне от моего Николая Федоровича. Конечно, это не первая моя поездка в город моего детства, но вот едва ли еще последует.

Правда, чувствую себя неплохо. Доказательство тому поездка на машине 6 часов в один конец. Этим летом кое-что сделала в квартире, вернее, на кухне, а тут хлопоты с сантехникой. Все это делалось с перерывами, как только было можно. Но я довольна, что все сама, значит, еще живу, а не прозябаю. Теперь, когда вернулось зрение, с удовольствием читаю. Это же мое любимое занятие с детства, в той же Казани я попала в библиотеку впервые. До сих пор сохранилось то удивительное восхищение. Думаю, снова буду дружить с множеством книг на полках. Прервано это было, когда я, правда, собиралась проститься с белым светом. Конечно, есть что перечитывать (вся классика русской литературы есть). Сейчас вот Тургенев, Пушкин, Чехов рядышком. Пытаюсь помнить, подновлять в памяти, что знала наизусть. С удовольствием бы вернулась к преподаванию, что, естественно, невозможно. Своего рода ностальгия по тому, как надо к словарям обратиться, к справочникам, что-то составить интересное на уроке. Ведь были ученики и среднего звена, не только старшие.

Но все это только пожелания.

Другое дело для Вас, Людмила Константиновна. Вы ведь и сейчас в меру своих сил, хоть немного можете заниматься своим делом. Научными работами. Еще в 1953 году Вы написали кандидатскую диссертацию о творчестве Ц. Дамдинсурэна. «Она дала обстоятельную монографию, базирующуюся на доброкачественном фактическом материале» — так писал Г. И. Михайлов в своей работе «Очерк истории современной монгольской литературы».

А сколько потом за многие годы Вы создали нужного, полезного для познания монгольской литературы. Вот в том числе и «Монгольская литература XIII — начала XX вв.» Это для меня дорогой, знаменательный подарок. Кстати, Вы, в свою очередь, напомнили: «Первый наиболее полный очерк монгольской литературы XIII — начала XX вв. написал Георгий Иванович Михайлов...»

Это из числа последних, а вот (никак не избавлюсь от «вот») из достаточно далекого, но я помню.

Осоход шуд цагаан
Отлоход ус цагаан
Ухэхэд яс цагаан¹.

(Из книги «Монгольское стихосложение»
Л. К. Герасимович)

Видимо, не могу я порвать с Востоком. «Японская литература VIII–XVI вв.» В. Н. Перегляд. Это тоже подарок. Как пишет автор: «... в знак старой дружбы». А Кобаяси пишет в хокку: «Вечерние сумерки,

о чем-то с землей шепчутся,
падая листья».

Совсем, как сейчас, когда пишу Вам.
Когда же было совсем плохо то...
«Вечерние ласточки, а мой завтрашний день
так ненадежен».

Кто знает, что с чем придет завтрашний день. Пока живы, надо жить насколько можно полнее.

Что-то расписалась я, даже ручку пришлось сменить. Видимо, моя старость сказывается, говорят они, старые, много любят говорить. Уж извините меня, Людмила Константиновна.

Да, а еще хорошее — это моя внучка Алена стала законной женой в прошлую пятницу.

Ну, Вера Николаевна, пора и честь знать.

До свидания, Людмила Константиновна.
Добрых вам дней и спокойных ночей.

Ваша (надеюсь) Вера Н.
30 сентября 2013 г.

¹ В детстве — зубы белые,
В старости — волосы белые,
После смерти — кости белые. (монгольское трехстишие)

Одно из последних (по дате) писем в архиве — письмо Бадмы Мархаджиевича Нармаева, проявлявшего всегда, а особенно в последние годы жизни Людмилы Константиновны, по отношению к ней огромную человеческую заботу и чуткость. Людмила Константиновна говорила, что Бадма Мархаджиевич «очень теплый человек».

Уважаемая Людмила Константиновна,

посылаю Вам распечатку из книги Марины Монгуш — на всякий случай, может быть, Вы не видели ее благодарность Льву Абрамовичу и Вам. Марина, насколько я знаю, доктор исторических наук, живет в Москве, много публикуется.

В декабре 2014 получил письмо от Риты Сумба. Она долго жила в Берлине, но уже несколько лет в Туве, работает в музее. Дети, как она пишет, уже выросли, учатся в Берлине.

Отправил письмо Н. О. Кокшаевой (Хариновой), в котором процитировал то, что Вы мне продиктовали по телефону.

Галя передает Вам привет и пожелания всего наилучшего в наступившем (теперь уже и по старому стилю) 2015 году!

Буду рад помочь Вам в меру своих сил.

С уважением, — Б. Нармаев

14.01.2015

Письма от Д. Кары

Дьёрдь Кара (Дьердь Кара, Георг Кара, Хардорж) — видный венгерский монголовед-филолог, фольклорист, кодиколог, заведующий кафедрой Центральной Азии Университета имени Лорандо (Будапешт, Венгрия), профессор университета Индиана в США, почетный член Общества монголоведов РАН. В 1960-е годы работал в Ленинграде в Ленинградском Отделении Института востоковедения АН СССР над монгольскими рукописями, результатом чего стал его известный труд «Книги монгольских кочевников».

Людмилу Константиновну и Д. Кару помимо профессиональных интересов связывали простые теплые человеческие отношения и взаимная симпатия. Оба были учеными высочайшего уровня в области монголоведения. Оба незабвенно любили Монголию и монголов. Им, несомненно, было о чем поговорить. Кроме того, видимо, что-то общее было и в их характерах. По крайней мере, Людмила Константиновна расска-

зывала, как однажды они договорились встретиться ровно в определенный час на углу Невского и Литейного проспектов. Подходя к месту на несколько минут раньше, Людмила Константиновна заметила на другом углу Кару, который, поглядывая на наручные часы, явно выжидал время. Как только подошло назначенное время, он пересек проспект и подошел к месту встречи. Кажется, Людмила Константиновна была, как минимум, удовлетворена, если не восхищена пунктуальностью Кары. Пунктуальность же самой Людмилы Константиновны известна всем, кто ее знал.

По приглашению Венгерского университета, а также при участии самого Д. Кары, Людмила Константиновна дважды побывала в Венгрии с лекциями.

Глубокоуважаемая Людмила Константиновна!

Еще раз хочется поблагодарить Вас за долгий труд, за успешную защиту и за Вашу любезность, и еще раз просить извинения за многие беспокойства от прошлого сентября до нынешнего июня.

Сразу после приезда я «основательно» простудился (если не заразился каким-то бродячим гриппом) и бегал больной десять дней. Кстати, после солнечной теплоты Севера здесь встретил меня неожиданный пасмурный холод, потом подавила нас тропическая жара. Погода наша теперь уже милее и умнее, и мне тоже почти совсем хорошо.

Мой учитель восхищен исполнением Воли своей и старается поставить меня на путь истинный истинного понятия научной степени.

Детей своих я нашел в добром здравии, «старшая дочка», т.е. жена, была страшно занята переселением своего Посольства на новое «кочевье» (это уже третье место — вот кочевое посольство!), «младшая» дочка кончила 8-летку отлично, а сын — кочевник — пятый класс, с самым средним результатом. У нас в гостях монгольская двоюродная сестра, которая недавно кончила музыкальную школу в Москве. В университете здесь тихо; наш факультет получил нового декана, вместо историка-лингвиста по словообороту; правда, литературоведы уже давно не добились деканства, слишком долго у нас царили историки. Наши отважные академические алтаисты готовятся к походу на США, где в конце этого месяца произойдет конференция по ист., лит., фил., и прочим областям алтаистики. Главная тема настоящей конференции — человеческие чувства в языках и литературах алтайских народов. Единственному женскому «депутату» нашей «депутации» я дал тему «Дружба и любовь в Сокровенном сказании».

Я спросил ту фразу «алчихтайна билээ» у многих монголов, но они говорят, что она им также непонятна.

В сентябре следующего года наше Общество им. Кёрёши Дома будет организовывать тибетологическую конференцию. Приглашения мы пошлем и ленинградским тибетологам.

Я был бы рад видеть у нас и Вас, и если Вы хотите, я с удовольствием пошлю частное приглашение Вам и Льву Абрамовичу на следующее лето, например. Вы нашего крошечного княжества еще не видели, а Лев Абрамович посетил эту страну в военное страшное время, ему же будет интересно посмотреть на нее 30 лет спустя после войны. Прошу передать ему мой большой привет.

Прошу передать мой поклон и всем на Вашей кафедре.

Еще раз благодарю Вас за все.

С глубоким уважением
Ваш Кара
Будапешт,
20.04.1975

Глубокоуважаемая Людмила Константиновна!

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо от 25 марта, которое я получил 3 апреля, в день отбытия акад. Кононова и накануне нашего праздника тридцатилетия освобождения.

Спасибо за Вашу помощь и труд над моей несчастной диссертацией: страшно и подумать, сколько излишних хлопот причиняю я Вам! Виноват я, что не выписал аккуратно и подробно все указания, а поступил еретически (как обычно).

Я уже вырезал рисунки (все страницы), которые я раньше оставил в тексте без нумерации), но и теперь хочется оставить на месте бывшую страницу 201 с алфавитом горизонтального квадратного письма — без этого «рисунка», в самом деле, первой дешифровки данного письма, текст там стал бы непонятным.

В приложении таблиц гонял бы я и «графический анализ» текста Чингисова камня в печати Туляка. Таким образом нумерация изменится лишь в конце, где выгнанные из рая рисунки (ранние «операции без нумерации») и таблицы (раньше с неуклюжими римскими цифрами) получат все праведные арабские цифры. Так я понял, но, по всей вероятности, не совсем правильно, ведь так оглавление оказывается без изменения. Поэтому я еще не смел наклеить вырезанные листы.

На основе Вашего письма я смело предполагаю, что второй экземпляр перепечатанной диссертации наконец ползли до Вас, и что перенос

таблиц произошёл именно во втором экземпляре, в чём виновник я самый грешный, дал Вам немало работы. Оршоогун! А Геннадий Евгеньевич мне говорил, что два новых и праведных, перепечатанных экземпляра хватит для дела: первый в ВАК, а второй — в библиотеку факультета. Надеюсь, что в этом нет изменения.

Наши университетские новости: бывшая наша монгольская преподавательница вернулась на родину ещё в конце прошлого года. Но, слава тэнгрям и дипломатии, с 1 марта приехала новая супруга его превосходительства посла, которая уже успешно учат нас. Я, следуя Вашему примеру, также прицепился к кафедре тибетологии в качестве адъюнкта. Студентки наши (все две!) будут в МНР вероятно осенью.

Вероятно во второй половине мая будет у меня здесь немецкий соотарищ или собрат в уйгуроведении — я был у них в конце декабря и в начале января: провели мы там две недели в бешеной работе (планы в Берлине строже наших!)

Надеюсь, что у Вас все благополучно (кроме «кары» моей диссертации), и что прежний певческий обитель уже удалось превратить в человеческую квартиру. (Я помню Ваш рассказ, о розах в ванной актрисы.)

Ещё раз и ещё раз благодарю Вас и прошу Ваше прощение и милость, а также прошу Вас передать мой низкий поклон всем Вашим и всем на кафедре подальше.

Ваш искренний и благодарный
Кара

08.04.1975

Глубокоуважаемая Людмила Константиновна!

Надеюсь, что Вы уже получили письмо нашего проректора с приглашением на 5 дней (что легко превратить в неделю), и, несмотря на обидно позднее послание и на слишком короткий срок, сможете заглянуть к нам. (Я просил пригласить Вас уже три года тому назад, но наше «универмажное» начальство одобрило мое старинное предложение только в начале лета — я уже совсем забыл о моих страданиях в году Мыши).

Я работаю здесь до 2 сентября над уйгурскими рукописями Шаньской эпохи. Будьте любезны, напишите мне по поводу Ваших возможностей приехать в Будапешт.

Ваш покорнейший
Хардорж

08.1975

Глубокоуважаемая Людмила Константиновна!

Прошу Вашего прощения из-за того, что я так долго тянул с этим ответом: после моего прилета из Берлина я превратился в род «Жуулчинского» учреждения, не то что Ю. А. из Ленинграда, но вдруг появились на пороге моего сомнительного убежища двое из Франции, две дамы, одна монголовед, мис Намауон, одна — тунгусовед, потом, еще при них, Локеш Чандра из Дели, а теперь Лу-дэндэв гуай, кроме того, размножаются у меня чиновничьи забавы. Все-таки жаль, что Ваше высокое министерство не дает мне возможности увидеть Вас еще в этом году здесь. Ведь между нашими Уник-Тами существуют и непосредственные связи, по которым и я побежал к Вам в июне, без всякого министерства! Попробую заново для след. года официально, и, параллельно, можете приехать спокойно по личному приглашению, как я уже раньше писал об этом. Доживем. Надеюсь, что у Вас все благополучно (что я желаю и себе), прошу передать мой поклон Вашему супругу и большой привет всем на факультете.

Искренний Ваш
Юрий Кара
Будапешт
23.10.1975

Возможно, что в ноябре я буду в Москве, на заседании по восточным языкам (ИВАН), в конце (на самом хвостике) года я должен поехать в Берлин; студентов, как я уже писал, мало, но зато уроков у меня 10 в неделю, кроме того, по вечерам попробую собрать мои скудные немецкие знания на одном курсе (где я стараюсь спрятать тот факт, что я, прилежный студент курса, являюсь преподавателем того же самого университета; забавно).

Семья наша в общем здорова; с конца прошлого года я взял к нам своего отца с тромбозом (к счастью, не резкого характера), теперь ему лучше.

Примите мои наилучшие пожелания. Прошу передать мой поклон Вашей семье.

Пусть будет нам легкий конец года дракона!

Ваш Кара
18.10.1977

Глубокоуважаемая Людмила Константиновна,
я недавно отправил Вам письмо, в котором просил от Вас наверно три небольших доклада на майское посещение Будапешта, думая, что Ваша поездка будет наконец осуществлена. Еще до страшного плана акад. Лигети, я начал это дело лет пять назад. Вчера я получил Ваше новое известие и решил не перестать: если не в этом году, то пусть будет в 1978; на всякий случай, это тоже повод жить дольше! Я пока своему мудрому начальству ничего не доложу — вдруг какая-нибудь измена университетских чехов, и Вы все-таки придете в этом мае, а если нет, то попробуем в следующем году.

Здесь мало нового, много работ и забот, бумажек и сует, но с каждым днем становится день светлее, а я становлюсь мудрее: все глубже узнаю пустоту светского задора.

С глубоким уважением
Искренний Ваш
Кара
28.11.1977

Глубокоуважаемая Людмила Константиновна!

Благодарю Вас за письмо и известия. Ваш приезд, быть может, более нужен нашим кафедрам, чем Вам, по крайней мере, в данной официальной форме. Я Вас жду тогда в мае; если возможно, читайте нам три доклада (1. по монг. стихосложению — с магнитными записями благозвучных стихов; 2. о новостях совр. монг. литературы? 3. по любой теме (? традиции и обновление, ? фольклор и совр. лит.)), примерно 30 минут по каждому + иллюстративные материалы, вопросы и ответы и т.п.

Будьте любезны во-время (дней 10–12 до приезда) сообщить о координатах Вашего путешествия на Юг.

По служебным дипломат. каналам приплыл и диплом, которым я так долго мучил Вас и всех, что этот мой грех (лай по монг.) проводит меня до геенны.)

С наилучшими пожеланиями
Искренний Ваш
Кара
24.11.1977

Глубокоуважаемая Людмила Константиновна!

Я до сих пор виноват и должен перед Вами: еще не успел получить копию *Ordosica* (где, кстати, нет ничего особенного о Кешигбатые, его фотография опубликована в издании *Erdeni-yin Tobci Mostaert'a*); но *Ordosica* будут интересны и без К.

Пока я шлю Вам печатные цветы (венг. текст не будет мешать Вам, названия даны и по латыни) и мой самый низкий поклон с наилучшими пожеланиями Вам и всем Вашим.

Кара
06.11.1981

Глубокоуважаемая Людмила Константиновна!

Наконец, после длительных кутузовских маневров, сопутствующих заболеваний и долго несмолкаемой мирской суеты я передал второй экземпляр (перепечатанный) библиотеке нашей АН, которая выслала по 21 февраля, на Ваше имя и на Вост. фак. Жаль, что я не мог передать тяжкий томик ленинградскому посланцу венг. студенту, который появился у меня 14-го, когда переплета еще не было. Первый экз. и две ксерокопии переплетаются.

Для Михаила Николаевича Боголюбова нашел параллельные издания на англ. и венг. языках детективного романа Агаты Кристи — возьму с собой, если доживу. Для Вас и для кафедры также собираю несколько книжек, которые могут быть полезными.

Надеюсь, что Вы и все Ваши здоровы, быть может, «преобразование старой-новой квартиры также заканчивается успешно.

У меня паспорт готов, попробую найти командировку на неделю для само/защиты. (Не использованная мною возможность в прошлом декабре не автоматически повторяется в этом году.)

Благодарю Вас за помощь и одновременно прошу извинения за беспокойство и излишний труд. Прошу передать мой низкий поклон всем на кафедре, а также декану, М. Н., и ученому секретарю Г. Е.

Ваш благодарный и грешный
Кара
Без даты

Переписка с родителями

Мои родные, здравствуйте.

Получили вашу телеграмму, что вы добрались, наверное, устали очень. Гадаем, почему вы изменили маршрут.

Дома все как было. Погода мало устойчива и довольно прохладная. Дни проходят у папы в ходьбе по своим делам, а у меня тоже по своим. Встаем сейчас вместе в 8 часов. Настроение у отца хорошее и ко мне он проявляет максимум внимания. Телевизор работает и все интересные передачи смотрим. Телефон молчит, никаких звонков не было. Даже М. В. не звонила, а, наверное, уже вернулась. Люсенька, на твое имя пришло из Москвы два письма, посылаю их. На имя Л. А. пришла книга из редакция «Правда» от Юрьева и в ней записочка, которую посылаю. А что делать с книгой? Ну, вот, кажется, и все. Завтра пойдем за деньгами и вечером постараюсь опять чиркнуть несколько слов.

Да, открытку с заказом билета отправили в воскресенье 1 июля.

Будьте здоровы, мои дорогие. Отдыхайте и отключитесь от всех забот. Будем ждать ваших вестей. Целуем вас крепко.

Мама.

03.07.

9 часов вечера

Дорогие мои, решила сегодня еще пару словечек написать, да кстати, и Зоину телеграмму отослать.

Новостей у нас абсолютно никаких нет. Билет папа уже получил на 21-ое и мне думается, ваши же места в 5-м вагоне. Сидим, как говорится, на чемоданах. Я спрашиваю отца, почему он сделал заказ на 21-е, все намеченные дела сделаны и могли бы выехать несколько раньше, оказывается, он тянул из за уколов. Сегодня он поехал в Рощино. Я хотела тоже увязаться, а потом решила не ехать. Вчера мы вечером так промерзли, да и ночью было очень холодно.

По телевизору дают мало что интересное. Единственный фильм, который мне понравился «Свет Любви». Вы, вероятно, тоже кино не забываете.

Я так рада за вас, что вы хорошо отдыхаете, а на деньги плюньте. Не надо ли взять их побольше? Тогда дайте телеграмму. Эти дни все вре-

мя рано вставала, а вчера назяблись и сегодня проспали до 9 часов. Сейчас иду на рынок, обеда нет и по пути отправлю записочку. Будьте здоровы, мои дорогие. Целую вас и обнимаю. Папка, конечно, тоже. Он у меня стал такой дисциплинированный и увлекся всякими хозяйственными делами. О своих немощах (в час сказать) пока забыл и лекарства все забросил. Еще раз целую. Возможно, до отъезда чиркну еще.

Мама

P. S. Если во Львове мы, паче чаяния, не сумеем выехать почему-либо в тот же день, то дадим телеграмму на квартиру, чтобы вам не бегать на почту.

16.07. 1956

Людмилочка, родная, поздравляю тебя со знаменательной датой в твоей жизни. Желаю тебе здоровья, счастья и благополучия.

Главное, здоровья, все остальное придет вместе со здоровьем. Льва Абрамовича поздравляю с..., (затрудняюсь оформить словами это поздравление). Одним словом, поздравляю, а с чем он знает. Сегодня получили ваше письмо от 27.07. Да! действительно, не везет вам нынче с отдыхом. То одно, то другое, а волнения с избытком для обоих. Хорошо, что еще мы не добавляем вам волнений за нас. К счастью, никаких особых происшествий у нас нет. Живем с мамой дружно и, пожалуй, за весь месяц, кажется, два раза между нами пробежала кошка, но не черная, а серенькая и маленькая. Мое самочувствие вполне удовлетворительное (физическое), настроения не теряю. Аппетит волчий. Астма последние дни давала себя чувствовать по ночам, но это расплата за обтирание и обливание водой. Придется с этим покончить, а жара, жара невыносимая.

О мамусе я не пишу, она это делает сама и сегодня, и раньше. Ее основное занятие — это письма для вас. По моему, она полнеет, а это говорит за все! Конечно. Целую вас и желаю вам еще раз здоровья и счастья.

Любя, пока.

лето 1959

Доброе утро, дорогие мои.

Сегодня рано проснулась и не могла больше уснуть, решила встать и пока не надо бежать на кухню, поговорить с вами. Вчера не писала, хотя никуда не ходила и ничего особого не делала. Уж очень жаркая погода стоит, днем не знаешь, куда деваться, а вечера замечательные, гуляем с папкой только вечерами. Днем после 2-х спасемся на нашей лавочке, бывает тень и небольшой откуда-то сквознячок.

Как-то у вас делишки? Сегодня видела вас во сне. Ты отправилась гулять в каких-то валяных туфлях и Л. А. пришлось бежать домой за обувью, а мы с тобой ждали его где-то в парадной на Невском. В общем, беспокойный сон, вероятно, лежала на спине. Да и солнышко рано будит на балконе.

У нас все в порядке. Чувствуем себя оба хорошо. Вчера получил отец два письма от М. И. и Ник. Петр. Последний пишет, что в августе будет обязательно в Луге, где у него много друзей.

Здесь мы иногда встречаем Ек. Кон. (из 23-го). Она всякий раз приглашает к себе. Но днем по жаре мы не рискуем отважиться на такое путешествие, а вечером думается, поздно тревожить.

Как-то вы переносите такое чрезмерное тепло? Разве, что только вы живете в лесу, — это спасает.

П ч. — Позавтракали и отец отправился на рынок, не дождавшись пока я допишу письмо, говорит, пока не жарко, а какое там, с меня уже семь потов сошло, как говорят.

Як. Григ. тоже отправился в лес с любимой дочкой (Манечкой). Плохо он нынче ведет себя по отношению к семье. Одного внука подчеркнуто балует, а второго и не видит. Отсюда атмосфера нынче несколько накалена, хотя внешне все как-будто и хорошо. 29-го Мария приезжает (а вся неприязнь идет от нее) и все само собой разрядится. Вот и все новости свои и чужие. Сегодня надеюсь получить от вас весточку, но это будет только к вечеру, утренняя почта уже была. С большим интересом прочла «Беседу по душе» Хрущева с Никсоном.

Будьте здоровы, дорогие. Набирайтесь сил для дальнейшего путешествия.

Целуем вас обоих крепко — Мама. 26.07. 7 ч. утра.

26.07.1959

Глава III

КОНТАКТЫ Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ С НАУЧНОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ МОНГОЛИИ

1. Переписка с монгольскими писателями, интервью

До конца своих дней Людмила Константиновна Герасимович поддерживала связь с представителями научной и творческой интеллигенцией Монголии. Сохранилась ее переписка с Б. Бастом, С. Удвал, Ц. Дамдинсурэном, С. Лувсанванданом, Л. Тудэвом, Д. Цэдэвом, Ш. Гадамбой, С. Байгалсайханом. Некоторые письма опубликованы в сборнике, посвященном 90-летию Л. К. Герасимович, который вышел в Улан-Баторе в 2013 году.¹

В личном архиве профессора Герасимович сохранилось порядка десяти писем от известного монгольского писателя и драматурга Дармаагийнна Батбаяра (род.1941). Самое раннее датировано 1986 годом, последнее — 2011 годом. Двадцать пять лет творческих и человеческих контактов... В своих письмах Д. Батбаяр выражает Людмиле Константиновне

¹ Монгол бол миний хайртай орон. Хоёрдахь Эх орон минь билээ. УБ., 2013. Х. 308–372.

бесконечную благодарность за искренний интерес к его произведениям, спрашивает совета, делится своими творческими планами.

«Сейчас вместе с С. Эрдэнэ и Д. Маамом пишем сценарий фильма «Чингис хан». Мы посвятили этой большой работе уже два года, но кажется, что мы еще только в начале пути. Надеюсь, справимся. Такую работу невозможно выполнить лишь при помощи воображения. Благодаря ей я много прочел, услышал, узнал. Для меня это большой плюс.

Я очень Вам благодарен. Наша встреча прошлой зимой заставила меня о многом задуматься. Я не только ничего не забыл, но запретил себе писать Вам до тех пор, пока не выполню Ваш наказ. Во время той нашей встречи Вы критиковали меня за то, что я до сих пор не написал о своем дедушке. Я воспринял Ваши слова как творческий наказ... И вот отвечаю Вам тем, что сдал в печать сборник «Предчувствие праздника». В него вошли 18 рассказов о жизни моих дедов (простых скотоводов). Думаю, Вы правильно поймете меня, я не хвастаюсь, что написал что-то особенное, но это действительно нужно было написать»¹.

Из писем Д. Батбаяра видно, что Людмила Константиновна не обошла своим вниманием ни один сборник произведений автора. Верно угадав большой талант, она следила за дальнейшим творческим ростом писателя. Всегда справедливо критиковала или положительно отзывалась о его работах. Батбаяр высылал ей свои книги и с нетерпением ждал ее профессиональной оценки. С Л. К. Герасимович он делился своими раздумьями о смысле писательского труда и роли писателя в жизни общества. «За последние три года в моем внутреннем мире произошла некая перемена, которую можно назвать либо «поворотом», либо «просветлением», — пишет Д. Батбаяр, — прежде всего я понял, с какой целью мараю бумагу. До этого я думал, что писать, значит быть писателем и это цель всей моей жизни. Но оказалось, что это не так. Писать что-то гораздо проще, чем быть писателем. А писателем стать легче, чем философом... И сейчас я взялся за одну философскую книгу, которая воплощает все мои философские воззрения. Это «Невечность в сосуде вечности». Создание философской книги в некотором роде сродни созиданию собственной вселенной»².

В своих письмах Д. Батбаяр описывает современную жизнь, в том числе и в сельской местности, будучи уверенным в том, что профессору-монголоведу будет интересно все, что связано с изучаемой ей страной.

¹ Письмо Д. Батбаяра — Л. К. Герасимович от 08.1986. Из личного архива профессора Герасимович.

² Письмо Д. Батбаяра — Л. К. Герасимович от 02.12.1995. Из личного архива профессора Герасимович.

«Стоит прекрасное лето, — пишет Батбаяр, — каких давно не было в наших краях. Скот холеный, ухоженный. У скотоводов настроение веселое. В целом, стало гораздо лучше. Но совсем по-другому. Жаль, что настоящих монгольских кочевников-скотоводов почти не осталось. Скот преумножают, стремясь получить от этого выгоду. Преобладают те, кто сделал скот своим бизнесом. И так как внутренние отношения стали совсем другими, то и скот стал другим. Обычным делом стало перевозить скакунов на машинах, чтобы они участвовали в надамах. Мало стало даже тех, кто может хорошо ездить верхом»¹. Д. Батбаяр также выражает свое недовольство состоянием современной монгольской литературы, говорит о том, как мало стало по-настоящему талантливых авторов. Жалуется на то, что русская литература стала практически недоступна монгольскому читателю, что сегодня в Монголию практически не поступают российские издания, в то время, как в прошлые годы монгольская литература не могла «дышать» без литературы русской. В этом же письме Д. Батбаяр пишет: «Я считаю Вас одним из самых близких своих друзей (и это не комплимент) Пишу со всей искренностью. Потому что с течением лет все меньше становится тех, кто близок твоей душе и сердцу. А тем, кто еще остался хочется пожелать здоровья и долгих лет жизни... Со дня нашего первого знакомства Вы показались мне совершенно необычным и близким мне человеком. Еще раз желаю Вам здоровья и долголетия. Буду за Вас молиться»².

Искренние трогательные слова, глубокие чувства. Жаль, что будучи с творческим визитом в Санкт-Петербурге в мае 2015 года Д. Батбаяр уже не застал Людмилу Константиновну в живых.

В 2013 году приехала в Санкт-Петербург писательница совсем другого поколения — Цэрэнтулгын Тумэнбаяр. Она много слышала о профессоре Герасимович, но лично знакома не была. Ей выпала счастливая возможность побывать в гостях у Людмилы Константиновны и даже взять у нее интервью. Тумэнбаяр была очень рада лично встретиться и познакомиться с автором учебников по истории современной монгольской литературы, поговорить о дальнейшем развитии монгольской художественной словесности. Большое впечатление на писательницу произвели район, дом и сама квартира профессора. Центр города, совсем недалеко — дом-музей Ф. М. Достоевского, православный Владимирский Собор. А квартира — настоящая библиотека. «Все дышит творчеством. Здесь не-

¹ Письмо Д. Батбаяра — Л. К. Герасимович от 21.08.2011. Из личного архива профессора Герасимович.

² Там же.

возможно не писать. Удивительно, но я встретила с человеком-легендой» — говорила после визита Ц. Тумэнбаяр.

Последнее интервью Л. К. Герасимович дала аспирантке кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ Э. Мунхцэцэг. Опубликовано оно было уже после смерти профессора¹. Разговор шел о прежней и нынешней Монголии, о поездках Людмилы Константиновны в пустыню Гоби и другие аймаки много лет назад, о ее работе в Союзе монгольских писателей. «Моими первыми знакомыми монголами были слушатели Военно-медицинской Академии в Ленинграде. Мы быстро познакомились и подружились. Тогда монгольских студентов часто посылали учиться в Советский Союз. А вот одним из последних монголов, с кем я не так давно встречалась был Цэдэв гуай. Мы с ним знакомы очень давно и очень хорошо понимаем друг друга», — рассказывала Л. К. Герасимович. На вопрос Мунхцэцэг о писателе С. Эрдэнэ Людмила Константиновна ответила следующее: «Можно сказать, что мы были очень хорошими друзьями. Дело в том, что мы очень похожи по характеру. Он меланхолик. Я тоже. Во время моей первой поездки в Монголию в 1962 году Эрдэнэ пригласил нас — стажеров в Союз писателей. Я заметила его пристальный, внимательный взгляд, хотя там были и другие девушки — русские и бурятки. Но смотрел он именно на меня. Я до сих пор хорошо помню этот его взгляд. Мы познакомились и подружились. Много раз встречались в Союзе писателей и в других местах, о многом говорили. О жизни, о человеке. Наши взгляды во многом совпадали. Самое интересное, что нам не надоедали эти разговоры. Ведь он был врачом психиатром по образованию и многое знал о людях».² Вспомнила профессор Герасимович и о визите в Ленинград академика Б. Ринчена, рассказала о работе с ленинградскими-петербургскими монголоведами и иностранными коллегами. «В те далекие годы монголоведческими исследованиями мало кто занимался. Мы были хорошо знакомы с Дьердем Карой. Ведь он — ученик Лигети. А Лигети тесно общался с нашими академиками Козиным и Владимирцовым и считал, что его ученик Кара должен защищать свою диссертацию только в Ленинградском государственном университете. Кара приехал. Я была тогда заведующей кафедрой монгольской филологии. Естественно, я ему помогала, поддерживала его. И не я одна. Большую помощь оказал С. Г. Кляшторный. Позже Кара пригласил меня прочесть курс лекций по истории современной монгольской литературы в университет в Будапеште», — вспоминала

¹ Мунхцэцэг Э., Мазарчук А. В. Би монголчуудад нээлттэй хүн. Өнөөдөр. 15.08.2016.

² Там же

ла Л. К. Герасимович. «Я всегда с удовольствием общаюсь с монголами и монголооведами», — такими словами заканчивается интервью.¹

И письма, и интервью Л. К. Герасимович являют нам пример искренних чувств и тесных связей ученого-монголооведа с той страной и тем народом. Исследованию которых была посвящена вся ее жизнь.

*Доцент кафедры монголоведения и тибетологии
Восточного факультета СПбГУ М. П. Петрова*

2. Из воспоминаний Л. К. Герасимович о писателях Монголии

Союз монгольских писателей в 60-е годы XX века

Из дневниковых записей Л. К. Герасимович

В начале 60-х гг. прошлого века Союз монгольских писателей располагался в небольшом одноэтажном здании, разделенном на маленькие комнаты, обставленные не очень новой стандартной для того времени мебелью. В этих комнатах ютились различные комитеты и подкомитеты, если не ошибаюсь, там же была расположена редакция литературной газеты «Уран зохиол, урлаг» и журнала «Цог». Впрочем, в последнем не уверена. Одно совершенно точно, в здании было всегда много народу, преимущественно писателей, занятых делом или просто общающихся друг с другом.

Кабинет председателя Союза монгольских писателей тоже не претендовал на роскошь, но был уютен и по-деловому строг. За председательским столом мне довелось видеть С. Удвал и Д. Цэдэва, оба занимали свои кресла довольно долго (в общей сложности с конца 1950-х до конца 1980-х гг.)

Моим постоянным местом работы была библиотека. Также очень небольшая по площади, с книжными стеллажами по стенам, столом хранителя библиотеки Чойдова О. и поставленным специально для меня небольшим рабочим столиком. До сих пор помню, как работать было холодно (дело было поздней осенью и зимой). И я, и Чойдов гуай работали в верхней одежде.

¹ Мунхцэцэг Э., Мазарчук А. В. Би монголчуудад нээлттэй хүн. Өнөөдөр. 15.08.2016.

ЛГУ послал меня осенью 1962 г. в научную командировку в МНР, чтобы изучить книги современных монгольских писателей, необходимые в последующем для монографии о монгольской литературе 20–60-х гг. XX в. Для любой исследовательской работы, главным объектом которой является человек (создатель книги, ее герои) важно и даже необходимо не просто прочесть книгу, но по возможности проникнуть в личность ее автора, понять его человеческое «я».

Именно поэтому мне представилось не просто интересным, но весьма полезным и даже необходимым познакомиться и поговорить с авторами.

Нередко заглядывавший в библиотеку к концу дня С. Эрдэнэ неизменно подавал мне пальто, помогая одеться. Чойдов гуай очевидно не знакомый с этим европейским правилом этикета с явным недоумением смотрел на эту процедуру. Но уже через несколько дней сам неизменно вскакивал и подавал мне пальто. По его доброму лицу было видно, что делал он это с явным удовольствием.

Ц. Гайтав

Однажды порог библиотеки, подталкиваемый кем-то другим сзади, переступил невысоко роста мужчина с насупленными бровями и явно раздраженным выражением лица. Это был Ц. Гайтав. Сев на кончик стула напротив меня, он обнаружил явное нежелание ни говорить со мной, ни тем более обсуждать литературные проблемы. С большим трудом удалось хоть как-то разговорить его. Из этой первой беседы отчетливо помню только одно. Гайтав с какой-то отчаянной решимостью повторял, что он не любит и не умеет писать лирические стихи. Мастер этого жанра Б. Явуухулан. А его, Гайтава, интересует только гражданская тема.

Вторая встреча с Гайтавом была случайной. Мы столкнулись в книжном магазине. Он к моему удивлению сам подошел ко мне, интересуясь, какие книги я выбираю. Во многом именно эта встреча дала мне счастливый случай узнать Гайтава как человека. Стоя на морозе (Гайтав, кстати, отказывался идти в общежитие, где я жила) мы очень долго и очень дружески разговаривали о жизни, о литературе, о человеческих отношениях. Гайтав очень болезненно переживал разрыв своих близких дружеских отношений с Г., чувствовалось, что это его сердечная боль. Он явно недооценивал своего места и своей роли в литературе того времени. За этим не стояло ни обиды, ни оскорбленного самолюбия, только горечь неоправданных надежд. Передо мной стоял человек тонко чувствующий,

отчетливо понимающий роль и место писателя в жизни, горько сожалеющий, что не все получается и не все правильно получается.

Первая встреча с поэтом относится к началу 60-х гг. и происходила она в старом здании Союза монгольских писателей, маленьком тесном одноэтажном здании. Обставленные простой, часто не новой мебелью (иногда столы, стулья) кабинеты и отделы в течение дня никогда не были пустыми за редкими случаями. В них почти всегда ежедневно бывали литераторы, критики, новеллисты. В библиотеке, где я просиживала целыми днями, работая с архивом, книгами, встречаясь с писателями, зимой было отчаянно холодно. Согревали лишь пространные разговоры и встречи, да неизбежная улыбка, сидящего за столом напротив, очень подтянутого, очень интеллигентного и очень доброжелательного хозяина библиотеки Чойдов гуая.

Любопытная деталь, связанная с ним. Сидя напротив друг друга, мы часто улыбались друг другу, обменивались репликами, часто я задавала вопросы о литературной жизни в Монголии в 1920-х гг. Чойдов гуай очень охотно и очень подробно отвечал на все мои вопросы, обнаруживая прекрасное знание литературной жизни Монголии 1920–1930-х гг.

В 1960–1970-х гг. в Ташкенте проводились международные литературные конференции, в которых регулярно участвовали и монгольские писатели. Ц. Дамдинсурэн, вспоминая об одной из этих конференций, рассказывал, что однажды он ездил туда вместе с Ц. Гайтавом. Зная его закрытость и замкнутость, он поспорил на ящик коньяка с одним из советских писателей, что тому ни за что не удастся заставить Гайтава сказать хоть слово. Мне довелось знать и видеть другого Ц. Гайтава. Однажды он приехал в СССР по приглашению газеты «Комсомольская правда». Выразил желание поехать в Ленинград. Поселили поэта в одной из лучших гостиниц города «Астория», где мы и встретились. Оба были обрадованы встречей и, улыбаясь, долго пожимали друг другу руки. Потом гуляли по городу и говорили не только о красоте и величии Ленинграда, но и о многом другом: о последних стихах и поэмах Гайтава, обсуждали сущностно значение гражданской лирики, ее глубокую духовную значимость.

Ц. Дамдинсурэн

Очень давно, еще с аспирантских времен, мне удалось познакомиться с Ц. Дамдинсурэном. Наше знакомство длилось с 1950 года вплоть до его кончины в 1986 году. Этот очень эрудированный и высокообразован-

ный ученый, в обычной жизни был простым, доброжелательным, при этом не без известной доли ехидства человеком. И хотя на мои вопросы он нередко каким-то особо проникновенным голосом отвечал: «Мэдэхгүй» («Не знаю»), чувствовалось, что это ритуал.

Б. Ринчен

С академиком Ринченом мне не довелось лично встретиться в Монголии, хотя я неоднократно видела его на улице в окружении большой группы учеников. Был он красив, высок, статен с гордо посаженной седой головой, бородой и усами. Национальная монгольская одежда удивительно шла ему, подчеркивая изящную упругость фигуры. Он всегда что-то говорил, подчеркивая сказанное выразительным жестом. Окружавшие не просто слушали, но внимали Учителю.

Множество причин заставляли меня уклоняться от встречи с академиком. Это и его весьма натянутые отношения с Дамдинсурэном, и известная робость начинающего ученого, и более чем скептическое отношение академика к советским ученым.

Единственная наша встреча состоялась в Ленинграде в конце 60-х гг. Однажды рано утром Ринчен позвонил мне домой, сказал, что едет в Венгрию и хотел бы встретиться. Я была удивлена, растеряна и несколько насторожена. С трудом подбирая слова и выражения, я сказала, что для меня было бы весьма лестно поговорить с таким авторитетом в области монгольской культуры как Ринчэн. Но у меня, к сожалению, утренние занятия в университете и отменить их я уже не успею. Не скрою, что телефонную трубку я повесила одновременно с облегчением и некоторым сожалением. Буквально через 10–15 минут звонок повторился. Ринчэн сказал, что его самолёт отменили и я могу приехать в гостиницу «Астория» в любое удобное время. Договорились на 12 часов, после окончания занятий.

Встретил меня Ринчен так радушно, дружелюбно и даже бойко, что не осталось и воспоминания о неловкости и натянутости. Удивила лишь деталь: он не предложил мне чаю. Как-то это не соответствовало монгольским традициям. Разговор шел о литературе, но не новейшей, а средневековой. Ринчен очень высоко ценил памятники средневековой литературы, считал, что современные произведения даже приблизительно не соответствуют старым образцам. Много и подробно рассказывал о памятниках шаманской литературы, о шаманизме вообще и его роли в культуре Монголии. Часа через два Ринчен предложил мне сходить в музей

этнографии, где как раз в это время проходила этнографическая выставка из Монголии. Я предложила вызвать такси и тут Ринчен удивил меня второй раз, сказав, что любит ходить пешком. От гостиницы «Астория» до Института этнографии не менее трех километров, к тому же идти надо было по Невскому проспекту. В красной дэли, широкой шапке с опушкой, с гутулами на ногах и солидным посохом в руках Ринчен выглядел столь экзотично и экстравагантно, что удивление прохожих было безмерным, кто-то улыбался, кто-то замирал на ходу. Сам герой отлично понимал все происходящее и небрежно заметил, что его, вероятно, принимают за экспонат, сбежавший из музея этнографии.

В Институте этнографии Ринчен внимательно рассматривал экспонаты и придирчиво критиковал каждое письменное пояснение. Все что он говорил было интересно поучительно и убедительно.

День, проведенный с Ринченом окончился весьма забавной сценкой. Около дверей гостиницы нас окружила толпа иностранцев, которые с криками «Санта Клаус!» устроили вокруг нас хоровод. Ринчен был раздражен и даже рассержен. От его невозмутимости не осталось и следа. Вырвавшись из толпы, мы вошли в гостиницу, где академик быстро распрощался со мной и, не оглядываясь, быстрым шагом направился к лифту.

Научное издание

**МОНГОЛИЯ В ЖИЗНИ Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ:
Воспоминания, письма, фотографии**

**MONGOLIA IN L. K. GERASIMOVICH'S LIFE:
Studies, Recollections, Archival Documents**

Рецензенты:

доктор филол. наук Л. Г. Скородумова;
кандидат филол. наук Б. М. Нармаев

Автор-составитель: Р. В. Ивлева
Главный редактор: И. В. Кульганек
Ответственный редактор: М. П. Петрова
Верстка и дизайн Е. В. Владимировой

Подписано в печать с авторского оригинал-макета
Формат 70 × 100/16, Печ. л. 11,25
Тираж 200 шт. Заказ № 49

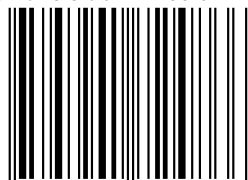
Отпечатано в типографии ООО «ИПК „НП-Принт“»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 199-201
Тел./факс: (812) 611-1107

В книге впервые представлены материалы из личного архива видного российского монголоведа, доктора филологических наук Людмилы Константиновны Герасимович (1925–2015). Коллектив авторов посвящает ее 95-летию со дня рождения Л. К. Герасимович. Книга рассказывает о жизни и научной деятельности ученого. Дается оценка ее творчества в контексте научной жизни Восточного факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, где работала Л. К. Герасимович, и культуры Монголии. Показан путь ученого в большую науку.

В предлагаемой книге впервые публикуется ряд фотографий родных, коллег и друзей Л. К. Герасимович. Книга подготовлена учениками Л. К. Герасимович, в знак благодарности и признательности своему Учителю, подарившему им свое сердце и открывшему им большой мир самобытной культуры Монголии. Большой знаток монгольской литературы и фольклора Л. К. Герасимович стала целой эпохой в изучении монгольской литературы, ее труды по современной литературе являются классикой отечественной советской науки продолжают быть востребованы нынешним поколением молодежи, изучающей Монголию.

ISBN 978-5-901724-86-6

9 785901 724866 >